

"Любовь как преступление. Книга 1 (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Как быть, если ты полюбила того, кого любить нельзя? Злейшего врага своего рода. И как быть, если твои душа и тело тебе не принадлежат, а являются достоянием твоего клана? Клана, о котором ты никогда не знала.

Найдешь ли силы признаться в этом хотя бы самой себе? Пойдешь ли против вековых традиций и законов, чтобы отстоять свое право? Сможешь ли убедить возлюбленного в том, что нужна ему? Или сломаешься и станешь вещью в руках своего рода?

Сможешь ли доказать могущественным древним существам, что любовь действительно существует? И будет ли твой возлюбленный настолько безрассуден, что шагнет за тобой прямо в пасть заклятому врагу?

*

ПРОЛОГ

На нашей планете только один небольшой материк, занимающий часть западного полушария. Здесь живем мы, санхейо, вернее то, что осталось от нашего народа. Не так давно полноводная река разделяла его на две половины, но во время Войны даханн осушили ее. Теперь это просто огромный каньон, окруженный голыми скалами и выжженной землей. Его еще называют каньоном Смерти.

Мой народ предпочитает селиться подальше от этих мест. Слишком уж тяжело мы переносим темную магию даханнов. Каньон фонит вот уже сто пятьдесят лет. Слишком маленький срок, чтобы забыли взрослые, слишком большой, чтобы помнили дети.

Сейчас даханн нас почти не трогают, но неусыпно следят. После капитуляции нашего короля, они вырезали все мужское население в возрасте от десяти лет и запретили женщинам оставлять больше одного младенца мужского пола на семью. Они лишили нас того, что давало нам защиту: наших мужчин, нашей армии.

Теперь вместо короля у нас наместник императора, а на всех ключевых постах даханн. Но каждый год в одно и то же время император Тысячи Островов устраивает празднества в честь победы над санхейо. Десять огромных кораблей под парусами цвета крови прибывают в главный порт бывшего королевства, превратившегося в имперскую колонию, и ровно сотня невинных дев отправляется в неизвестность через океан.

В этом году жребий выпал моей сестре.

Я хорошо помню тот день, когда в наш дом постучала беда.

С самого утра я возилась в саду, подрезая розы. Отец еще месяц назад ушел на баркасе в море и до сих пор не вернулся. За это время мы пережили пару штормов и теперь очень боялись, что один из них оказался для него фатальным.

Мать и Шайель целыми днями пропадали в храме, надеясь разжалобить богов и позволить нашему отцу вернуться домой целым и невредимым.

Так что я была в доме совершенно одна, когда со стороны улицы донеслись звуки приближающейся конницы. Кавалькада из четырех всадников, закутанных в плащи, подъезжала к нашему дому. Это были даханн.

Прежде мне не приходилось сталкиваться с ними, но не узнать их было невозможно. Только они скрывали свои лица под масками, а головы повязывали платком, причем так, что за сто пятьдесят лет мы так и не узнали, какого цвета у них волосы. К тому же, даханн были гораздо выше наших мужчин и намного шире в плечах. Они считались бесстрашными воинами, но им неведомо было чувство прекрасного. Среди них не рождались ни певцы, ни художники, ни музыканты. Это была прерогатива санхейо.

У ограды нашего дома всадники остановились. Один из них спешил и настойчиво постучал в ворота, обыскивая взглядом мощный кирпичом двор. Его голову покрывал черный платок, такого же цвета кожаная маска закрывала лицо до самого рта, оставляя открытыми лишь глаза, губы и твердую линию подбородка. Фигура даханна терялась в складках плаща, но я хорошо разглядела тубус из серебристого металла, который он держал затянутыми в перчатки руками.

Положив секатор, я поспешила к воротам. Почему он не вошел? Неужели настолько вежливый?

— Эйра Димантис? — голос даханна оказался низким, рокочущим, как нельзя больше подходящим его мощной фигуре.

— Я ее дочь.

— Могу я удостовериться?

Я неловко обтерла руки о фартук и протянула ладонями вверх. Даханн снял правую перчатку и на мгновение коснулся поочередно каждой моей ладони. Оба раза меня дернуло электрическим разрядом.

Санхейо и даханн несовместимы: ни физически, ни ментально. Только вот мы, в отличие от них, не можем прочесть мысли одним прикосновением. Наоборот, даже кратковременный контакт с темными вызывает головную боль.

— Эйрина Димантис, — мужчина левой рукой протянул мне серебристый тубус, с крышки которого свешивалась багровая императорская печать, — передайте это вашим родителям или опекунам. Вскрывать самостоятельно или прятать не советую. Может плохо кончиться.

Пока я подыскивала подходящие слова, он резко развернулся, взметнув полы плаща, и направился к своим товарищам. Я чувствовала на себе их пронзительные взгляды, от которых хотелось залезть в самую глубокую нору и не высовываться. Но вместо этого я упрямо вскинула подбородок и не менее нагло уставилась в ответ.

Посыльный легко взлетел в седло и натянул перчатку. Один из его спутников наклонился к нему и что-то сказал, бросая на меня из прорезей маски насмешливые взгляды. Тот белозубо улыбнулся в ответ. Остальные расхохотались.

Это был непринужденный смех уверенных в себе людей. Так смеются хозяева жизни, не ведающие горечи поражений. Я впитывала его как цветок утреннюю росу: в нашем поселке уже давно никто не смеялся.

Мать и сестра вернулись к ужину. Я встретила их на пороге и в который раз мое сердце кольнула боль.

Всю жизнь, сколько себя помню, Шайель была маминой дочкой. Именно ее эйра Димантис считала своей гордостью, надеждой и опорой, а мне приходилось жить в тени сестры. Что и говорить, Шайель была красавицей: изящные черты лица, точеная фигурка, кожа нежная, как лепесток розы и роскошные волосы цвета воронова крыла. В нашем поселке оставалось не так уж много мужчин брачного возраста, и почти все они ждали, пока Шайель войдет в четырнадцатую весну, чтобы прислать сватов.

Хотя нет, не все. Эйр Вайон последние десять лет ожидал моего согласия. Это был единственный мужчина, который прислал мне пояс принадлежности. Очень красивый: из тонко выделанной кожи, украшенный золотыми монетками и цветными камешками, но я до сих пор его не надела.

Родители просили подождать, ведь эйр Вайон был старше меня на двадцать лет, к тому же дважды вдовец. Высокий, худой, с каштановыми волосами до плеч, которые он заплетал в низкий хвост, и глубокими карими глазами. У него были тонкие губы, острый подбородок и длинная шея с выступающим кадыком, но при всей своей худобе он был удивительно сильным. Первая жена оставила ему двух дочерей, вторая — сына. Вряд ли он захотел бы детей от меня, не настолько он богат, чтобы содержать такую большую семью. Все ждали, а вдруг для меня найдется жених поперспективней? Но эта надежда таяла с каждым днем.

В нашей стране было слишком много женщин и слишком мало мужчин. Процент соотношения примерно один к пяти, и это по самым оптимистичным прогнозам. Давно отошел в прошлое институт ухаживаний, теперь выйти замуж стало для девушки желаннее, чем получить титул в наследство. За последние пятьдесят лет в нашем поселке был только один отказ. Мой. Я боялась, что эйр Вайон быстро найдет мне замену, но вот уже десять лет он исправно посылал мне цветы, возил на ярмарку и вел себя так, будто я была единственной свободной женщиной на всю округу.

За это время я сильно к нему привязалась и даже испытывала какие-то чувства. Вряд ли это была любовь, скорее дружеское участие. В присутствии эйра мне было тепло и хорошо, но все же его редкие, осторожные поцелуи ничего не затрагивали в моей душе.

Вот так и вышло, что в свои двадцать пять я все еще была не замужем и впереди замаячила перспектива пополнить ряды старых дев. Родители тянули до последнего с моим обручением, а теперь вообще собирались совместить помолвку Шайель с нашей, чтобы сэкономить на тратах. Но после того, как отец исчез, помолвки и свадьбы вновь отошли в необозримое будущее.

— Матушка, — я склонила голову, позволяя матери поцеловать себя в лоб, — я вас заждалась. Вы сегодня задержались.

— Зря ты не ходишь с нами в храм Двуликого. Сегодня там выступал удивительный санхейо, жрец высшей ступени, прибывший из главного храма в столице.

Я незаметно скривилась. После пропажи отца мать медленно но верно впадала в зависимость от религии. Не то чтобы я была атеисткой, нет, но моя вера не нуждалась в храмах, жертвоприношениях и жрецах. Наоборот, я предпочитала молиться в одиночестве и за закрытыми дверями, не выставляя свои чувства и переживания напоказ.

— А что с хлебом? Опять забыли?

Мать молча обошла меня, предоставив разговаривать с Шайель. Младшая сестренка только вздохнула:

— Денег не хватило.

— Но ведь утром вы взяли достаточно. И на жертвенного голубя и на мирровое масло...

— Ну да... только во время проповеди собирали пожертвования на восстановление столичного храма... вот мама и...

Я лишь головой покачала. Станный фанатизм матери начинал пугать меня все больше и больше.

Про тот злополучный тубус я вспомнила лишь за ужином. Кто бы знал, как не хотелось мне отдавать его матери! Непонятная тревога сжала мое сердце, когда я, наконец, решилась о нем рассказать

— Говоришь, даханны? — удивилась мать. — Дай-ка я посмотрю...

Я протянула ей серебристый футляр. Едва она его взяла, как багровая печать с имперским львом на оттиске поплыла, как свечной воск, и тубус раскрылся по всей длине на две половинки. Внутри лежал свиток, перевязанный тонкой золотой цепочкой филигранного плетения.

— Какая красота! — ахнула Шайель, протягивая руку.

— Стой! — я успела ее оттолкнуть. — Он сказал, что только родители или опекуны могут открыть!

— Ты слишком впечатлительна, — надулась сестренка, — в твоём возрасте нужно быть хладнокровнее.

Я молча поджала губы. Если бы не родители, я бы уже давно была замужем и жила в доме эйра Вайона. И мне не приходилось бы мириться со вздорным и капризным характером избалованной сестры.

— Не ссорьтесь, — мать устало откинулась на спинку кресла, в котором сидела. — Сейчас все узнаем.

Она вынула свиток и осторожно сняла с него изящное украшение. Оно было слишком маленьким, чтобы носить на груди и слишком большим, чтобы одевать на руку. К тому же цепочка оказалась замкнутой, без замочка, зато с крошечным кулончиком в виде прозрачной капли.

Отложив его в сторону, мать раскрыла свиток и взгляделась в витиеватую вязь. Вроде буквы были наши, но манера написания, придаточные хвостики, петли и вензеля делали текст практически нечитаемым. Мы с Шайель примостились на подлокотниках кресла, заглядывая ей через плечо.

— “Мы милостью Вседержителя император Тысячи Островов Архорн IV, объявляем девицу Шайель Димантис избранной даханна и повелеваем эйру Димантису и эйре Димантис пятого числа месяца эловеля сего года сопроводить свою дочь Шайель Димантис в главный порт Эрливейл. При себе девица Димантис обязана иметь знак, прилагающийся к данному посланию. Отказ или уклонение от выполнения расцениваются как бунт против императорской власти, и будут преследоваться в порядке, установленном Законом.” Мать оторвала взгляд от

свитка и медленно прошептала:

— А какое сегодня число?

— Первое эловеля.

Мы с сестрой растерянно переглянулись. Губы Шайель дрогнули, глаза повлажнели и она тихо всхлипнула. Мать обняла ее, прижимая к своей груди, а я отвела взгляд. Мне вдруг остро захотелось оказаться на ее месте, чтобы это меня так обнимали, меня жалели. Мне даже на какой-то момент стало завидно, что это не мое имя стоит в том свитке.

— Когда-нибудь это должно было случиться, — пробормотала я. — Каждый год сто девушек... в нашем поселке уже шесть раз забирали...

— Что ты говоришь! — мать сверкнула глазами. — У тебя отец сгинул, сестру забирают как военный трофей, а ты хоть бы слезу выдавила! Бездушная!

— Если я устрою потоп, то вряд ли это поможет, — язвительно заметила я. — За что Двубликий послал мне такое наказание! За какие грехи! В тебе же нет ни капли сочувствия или жалости, и ты упряма, как ослица! — будто плюнула она мне в лицо. Я отшатнулась. Обидно слышать такие слова от собственной матери, но она права. Упрямство, точнее упорство, отличительная черта моего характера. А еще прямолинейность и острый язык. — Жалость унижает санхейо! — бросила я в ответ фразу из кодекса нашей несуществующей армии. — Пожалеть можно калеку, посочувствовать вдове, а наша Шайель ни к тем, ни к другим не относится. С этими словами я развернулась и взбежала по лестнице в свою комнату. Глаза застилала злые слезы. Вот так всегда, стоит лишь Шайель упасть, удариться или поцарапать пальчик, как вокруг нее тут же начинает виться мать, ну прямо как волчица над своим детенышем. А я? Стоило мне в детстве заплакать, как я тут же слышала злой окрик: “Закрой рот и не реви! Считаю до трех: раз, два...”- и я замолкала, давя в себе боль и слезы, потому что знала, на счет “три” получу по губам. Раньше я ломала голову: почему? А став постарше решила, что это из-за моей внешности. Шайель копия матери, а я... Даже не знаю, на кого я похожа. Слишком высокая, выше некоторых эйров, волосы непонятного мышиного цвета, да еще и вьются мелким бесом, а лицо... Захлопнув за спиной дверь своей спальни, я медленно приблизилась к зеркалу и взглянула правде в глаза: да нет, я не урод, но и особой красоты во мне тоже не найдешь. У всех женщин санхейо лицо — идеальный овал. Глаза большие, круглые, мягкие подбородки, маленький рот. У меня все не так: лицо сердечком, высокие скулы, бледная кожа, узкий подбородок, а глаза вытянуты к вискам. И еще, у санхейо не бывает таких ярких зеленых глаз. Либо карие, либо синие. И в их глазах светится мягкость и покорность, а в моих — мятеж. Трудно быть не такой как все.

Никто не знал, зачем даханнам наши девушки по той простой причине, что еще никто не вернулся оттуда и не рассказал. Но одно было известно точно: даханны и санхейо несовместимы. То есть никакой связи между ними быть не может. Вот и ширились домыслы, один другого страшней и таинственней. Поговаривали даже, что избранных приносят в жертву, используют в ритуалах, а то и вообще съедают живьем. Даханны в нашем понимании были чудовищами, олицетворенным злом, а бедные эйрины — жертвенными агнцами, идущими на заклание.

И вот теперь одним из этих агнцев стала моя сестра. А я даже не нашла в себе сил поддержать ее. Права была мать, я бездушная сволочь, завистливая и жестокая...

Утро ознаменовалось приходом эйры Магролис. Дайна была моей сверстницей, но в отличие от меня имела мужа и троих детей. Выглядела она как идеальная санхей: невысокая, с округлой женственной фигурой и милыми ямочками на щеках. У нее были голубые глаза и роскошные черные волосы, которые она укладывала короной.

Я как раз хозяйничала на кухне, растапливая очаг, когда заметила движение на улице: кухонное окно выходило как раз к воротам. Я увидела, как Дайна на секунду замешкалась у ограды, а потом решительно толкнула калитку и направилась к нашему дому, неся на руках крошечную двухлетнюю дочь.

— Дайна? — я поспешила выйти ей навстречу. — Что тебя привело?

— Виель! — она будто выдохнула с облегчением и спустила малышку на землю. — Мать дома?

Я пожала плечами:

— Разве ты не знаешь? Еще на рассвете в храм отправилась и Шайель с собой потянула. А зачем она тебе?

Дайна окинула меня напряженным взглядом и, понизив голос, произнесла:

— К вам ведь тоже вчера приходили даханны?

— Ну да... прислали приказ родителям доставить Шайель в Эрливейл. А почему ты спрашиваешь?

— Рини... ее тоже забирают.

От изумления я раскрыла рот и неприлично вытаращилась на подругу.

— Да ты что! Ей же всего тринадцать! Что они с ней делать будут?

— Не знаю, — Дайна всхлипнула и как-то по-детски шмыгнула носом, — мать от горя слегла, отец не знает за что хвататься... Рини со вчерашнего дня рыдает не переставая, Айюль и Мирах бродят как неприкаянные, а я разрываюсь между двух домов. Просто кошмар какой-то!

Я неловко обняла ее, позволяя уткнуться носом мне в плечо и всласть порыдать. Маленькая девочка разревелась за компанию с матерью и настойчиво дергала меня за подол.

— Так, — решительно оборвала я этот потоп, — идем-ка со мной. Я заварю нам чайку и мы обо всем спокойно поговорим.

Пока я носилась по кухне как угорелая, готовя завтрак, Дайна заварила нам чай и сунула в руки малышке вчерашний пряник. Наконец, я закончила последние приготовления, рухнула на табурет и перевела взгляд на большие часы с маятником и кукушкой, висевшие над кухонным столом. Половина десятого. Утренняя служба заканчивается в десять, плюс дорога... что ж, у меня есть почти час для того, чтобы спокойно посидеть за чашкой чая.

— Рассказывай.

История Дайны оказалась простой и трагичной, как и сотни других в нашем поселке.

Вчера явились даханны. Они не вошли во двор и даже не спешили, только один, тот что нес послание, подошел к воротам эйра Рувейниса и постучал. Во дворе в это время играли дети. Увидев закутанного в плащ огромного незнакомца, да еще с маской на лице, они бросились врассыпную будто стайка мальков. На крики вышел отец.

Даханн лишь назвал его имя, причем не спрашивал, а утверждал, а потом передал серебристый тубус с багровой печатью. Послание до вечера пылилось на полке: отец боялся его открывать, а мать, едва увидев, потеряла сознание. Но в конце концов это пришлось сделать, ведь всем давно уже было ясно: с даханнами шутки плохи.

Внутри футляра оказался свиток со стандартной формулировкой, такой же, как у нас, лишь имена были изменены. Складывалось ощущение, что эти приказы писались под копирку, но вот подпись и печать императора были настоящими.

Услышав свое имя, младшая сестра Дайны закатила истерику и даже порывалась наложить на себя руки. Старший брат вовремя поймал глупую девчонку, когда та собиралась прыгнуть с балкона в розовые кусты. Хотя, думаю зря, я бы еще и подтолкнула: погибнуть бы не погибла, но вот зад бы исцарапала. В общем, в доме эйра Рувейниса в эту ночь не спал никто, а за ужином, когда мать не смогла встать из-за стола, послали за Дайной.

Муж Дайны — эйр Магролис — был весьма недоволен сложившимся положением. Мало того, что жена ночевала в доме родителей, так еще и целый день там пропадает, оставив собственных детей на его попечении. Нужно в лес идти, силки расставить, проверить сети в заливе, да мало ли у мужчин забот! Когда жена не явилась к завтраку, он просто привел ей детей и сказал, что идет на охоту с ночевкой.

Рассказывая об этом, Дайна вновь зарыдала, а я не могла подобрать правильных слов, чтобы ее утешить. Ну да, наши мужчины столь ценимы, что с каждым поколением все больше и больше превращаются в эгоистов. Единственный сын в семье, маленький идол для матери и сестер, он и жену такую же ищет, чтоб смотрела на него с восхищением, ловила каждое слово и ни в коем случае не перечила. А если что не так, то можно снять с жены пояс принадлежности и искать другую, более покладистую. Вон их сколько по селу ходит.

Одна проблема: каждый год к даханнам отправлялись те, что только-только входили в брачный возраст, даже не девушки — девочки-подростки. Даханны брали лишь девственниц. Замужние, разведенные и вдовы их не интересовали. Вот и приходилось нашим эйрам жениться на четырнадцатилетних: чуть замешкаешься — и твоей невесте придет серебрянный тубус с багровой печатью. А подходит она — не подходит, любит — не любит, это уже дело десятое. Стерпится — слюбится, так, кажется, говорят?

— Шайель тоже вчера плакала, — я еле сдержала тоскливый вздох. Интересно, если бы в свитке стояло мое имя, мама бы также расстроилась? Или просто сказала бы, что такова моя судьба, как она это обычно говорит? Жаль, что отец пропал, мне его нехватает...

— Когда вы отправляетесь?

— Завтра, наверное. До Эрливейла два дня пути. Отца нет, придется бросать дом и ехать с ними. Последнее время у матери на уме одни молитвы и пожертвования. Все сбережения сносит в храм, думает, Двуликий вернет нам отца.

Голос сорвался. Я замолчала и подняла лицо вверх, не давая скатиться непрошеным слезам. Дайна сочувственно хлопала меня по руке:

— Не переживай, все образуется.

— Я уже в этом не уверена, — пробормотала я. — Мне кажется, что это фанатизм, а не вера. Можешь себе представить, нам даже ужинать пришлось без хлеба. Она все деньги оставила в храме.

— А Шайель? Она же с матерью ходит.

Я хмыкнула.

— Шайель ребенок. Вздорный, капризный, но ребенок. С тех пор, как пропал отец, мать не спускала с нее глаз, будто боялась, что и она пропадет... А тут этот приказ. Она вчера так плакала... а я даже пожалеть ее не смогла...

Дайна обошла вокруг стола и крепко меня обняла.

— Держись.

Ее малышка, весело болтая ногами, грызла пряник и довольно улыбалась.

Я отстранилась, беря себя в руки после минутной слабости. Тайком вытерла слезы и уже спокойно спросила:

— Ты же не просто поплакаться пришла?

— Нет. Хочу, чтобы Рини вы взяли с собой. Ее сопровождать некому. Да и не на чем. Наша лошадь только вчера ожеребилась, рано ее в повозку запрягать.

— А что же отец?

— Что отец... ты же знаешь, у ткача целый день за станком. Руки болят, спину ломит, но он пока держится. Последнее время зрение стало сдавать, но он не признается. Зарисовывает схемы узоров, учит Мираха... Виель, у него заказ горит! Если за пять дней не сдаст, заказчик снимет тридцать процентов, а нам эти деньги ой как нужны...

— Я поняла.

Я нагнула голову, пряча лицо. Взять Рини с собой? Везти двух взбалмошных девчонок и бормочащую молитвы мать? Такое и врагу не пожелаешь. Сомневаюсь, что я справлюсь с ними по отдельности, не говоря о том, чтоб вместе.

Но отказать подруге тоже не могу. Отец ее — золотой человек, столько раз выручал нас деньгами, когда в межсезонье рыба уходила на нерест к берегам островов и рыбаки день за днем возвращались с пустыми сетями. Теперь ему нужна помощь. Сопроводить в порт его дочь — самое меньшее, чем я могу отплатить за его доброту.

— Значит, эйр Магролис отказался, — задумчиво пробормотала я.

Дайна покраснела.

— Ви... не думай о нем плохо. Просто у него сложный характер.

Я лишь головой покачала. Не хочу ссориться с подругой и доказывать ей, что ее благоверный законченный эгоист. Еще решит, что я ей завидую.

— Ладно. Проследи, чтобы Рини была готова завтра с рассветом. Мы заберем ее по дороге.

На следующее утро, едва рассвело, с нашего двора выехал легкий кабриолет — одноосная повозка со складывающейся крышей — запряженный единственной в хозяйстве лошастью. Он лет десять пылился в каретном сарае, ведь в наших местах перестали путешествовать, устраивать ярмарки и отмечать праздники. А до ближайшего города отец предпочитал добираться на телеге, говорил, что кабриолет рыбой провоняет, если он в нем будет улов возить. Все надеялся, что удастся продать это чудо каретостроения, когда срочно понадобятся деньги.

Вчера я с самого обеда и до темноты драила его с мылом, отмывала от пыли и грязи, штопала разорванную в нескольких местах парусиновую крышу. А что мне еще оставалось? Ехать в Эрливейл в провонявшей рыбой телеге? Боюсь, я не на столько самоотверженна. Уж лучше потратить несколько часов своего труда, зато путешествовать потом с комфортом.

Мать сидела поджав губы и перебирала амулеты на толстой серебряной цепи, которую носила поверх платья. Шайель шморгала носом и то и дело промокала платком покрасневшие от слез глаза. Я расположилась на козлах, решив взять на себя обязанности кучера. Управлять нашей Звездочкой было не так уж сложно, отец с детства научил меня простейшим приемам, да и умная лошадка слушалась беспрекословно.

На крыльце эйра Рувейниса уже выстроилась вся семья. Я увидела Рини — худенькую девочку-подростка с острыми чертами лица и двумя черными косичками, спускавшимися до узенькой талии. Ее старший брат Мирах хмурил брови, пытаясь за нарочито суровым обликом скрыть свой страх, а младшая сестра Айюль испуганно пряталась за его спиной. Рини рыдала, упевшись лбом в плечо отца, который смотрел по сторонам так растерянно и жалко, что казалось сам вот-вот заплачет. Матери не было видно, похоже, ей все еще было плохо.

— Виель! Эйра Димантис! — навстречу нам с крыльца бежала Дайна. Она так обрадовалась нашему появлению, что едва сдержала неуместную улыбку. — Слава Двуликому, вы здесь!

Отдирали Рини от отца вчетвером. Она хваталась за него руками и ногами, кричала в голос и грозилась наложить на себя руки. Краем глаза я заметила, как сидящая в кабриолете Шайель вновь разрыдалась, а мать прижала ее к груди, что-то шепча на ухо.

Наконец, девочку запихнули на сиденье и закрыли дверцу. Эйр Рувейнис закинул в багажное отделение два небольших саквояжа с вещами и украдкой отер с морщинистой щеки скупую слезу. Поцеловал дочь, поклонился нам и спешно скрылся за дверями. Мне показалось, что он сбежал, но я не могла его винить, я и сама с удовольствием сбежала бы отсюда куда подальше.

Дайна с благодарностью обняла меня и коротко шепнула:

— Ви, амулет у нее в футляре, футляр в саквояже. Не потеряйте.

— Амулет?

— Цепочка, которая пришла с приказом. Я говорила вчера с Маршей Изсионис, у нее два года назад тоже сестру забрали. Так вот, этот амулет нужно надеть на левую руку, когда прибудете в порт. Это вроде как маячок, по которому ее найдут.

— Так может не надевать, пусть ищут?

— Не выйдет, у них же списки составлены. Вычислят, кого нет и тогда страшно подумать, что будет. Я слышала, когда-то уже пытались прятать девушек. Так эти звери вырезали село за селом, пока укрывательства не прекратились.

— Мне кажется, эти слухи преувеличены, но ты не переживай, я обо всем позабочусь.

Два дня мы провели в дороге, останавливаясь на постоянных дворах, чтобы поесть и отдохнуть. Вернее, это подразумевалось, но на самом деле очень сложно отдохнуть в присутствии двух истерящих девиц.

С Шайель все было просто. Она постоянно висла на шее у матери и уже вдвоем они обвиняли меня во всех смертных грехах. Каждый раз слыша их причитания, мне хотелось выскочить из двуколки и вернуться назад в село. Но я не могла. Я оставалась единственным здравомыслящим человеком в этом дурдоме.

Что касается Рини, то девочка как-то сразу замкнулась в себе и в основном молчала. О чем она думала, я не допытывалась, но потухший взгляд и скорбно опущенные уголки рта наводили на разные размышления. Я заметила, как она смотрит на Шайель, когда та прижимается к матери или кладет голову ей на плечо. Девочке очень нехватало родного человека, который бы поддержал в трудную минуту. И вот странное дело, я все это понимала, но по-прежнему не чувствовала в душе ни малейшего отклика. Как будто вокруг меня страдали не живые люди, а вымышленные персонажи, играющие роль на театральных подмостках.

Утром пятого эловеля мы наконец-то прибыли в Эрливейл. Вереница повозок у городских ворот уже никого не удивила, как и доносящиеся со всех сторон рыдания и крики. Толстый неопрятный стражник стянул с нас положенную плату и мы на еще один шаг стали ближе к даханнам.

Здесь, в Эрливейле, они обитали практически круглогодично. Восстановили разрушенный во время войны порт, доки, прямо там строили свои корабли и спускали их на воду. Я слышала, что у нас на материке какой-то особенный лес, мол, на островах такой не растет, а везти отсюда не имеет смысла. Вот и выстроили они этакий город в городе: отгородили мощной каменной стеной часть прибрежной линии с верфями и пристанью, построили там дома с остроконечными крышами, такие же, как на островах, но в других кварталах города почти не появляются. Поговаривают, что даже у себя за стеной они ходят закутанные в плащи и не снимают масок. Что это? Попытка скрыть уродство или дань традиции?

Под невеселые раздумья я машинально оглядывала близлежащие дома, выискивая знакомую вывеску. За моей спиной всхлипывала Шайель, что-то бормотала мать и жалась в угол молчаливая Рини. Девочку требовалось подбодрить, только я не знала как, а потому предпочитала не трогать ее вообще. Впереди нашего экипажа, а так же следом за ним, катили разнообразные повозки, из которых тоже доносился приглушенный девчоночий плач.

В десять часов утра мы наконец-то нашли подходящую гостиницу и я позволила себе вздохнуть с облегчением. Оставалось накормить девушек, привести их в порядок и проследить, чтобы они надели амулеты.

Нам достался номер с двумя спальнями. На звон колокольчика подрспела горничная и я приказала наполнить обе ванны горячей водой. Следовало вымыть девчонок, да и самой не мешало бы избавиться от дорожной пыли.

Но стоило горничной отправиться выполнять поручение, как мать впервые за всю дорогу обратилась ко мне по имени.

— Виель...

— Да, матушка? — я развернулась и вопросительно уставилась на нее. — Вы займете одну спальню с Шайель? Не знаю, сколько мы здесь пробудем, но не думаю, что долго.

— Виель, нам нужно с тобой поговорить... наедине, — и она указала глазами на дверь, ведущую во вторую спальню.

Я оглянулась на девушек. Шайель уже не рыдала, наоборот, она с каким-то болезненным любопытством разглядывала меня. Так дети разглядывают пойманного жука, перед тем, как оторвать ему лапки. А вот притихшая Рини не отрывала взгляд от пола и нервно комкала в пальцах край своей одежды.

Я подошла к входным дверям, повернула ключ и кинула его себе в карман. Не хватало еще, чтобы эти глупышки сбежали. Гоняйся тогда за ними по всему Эрливейлу! После этого я вслед за матерью вошла в соседнюю комнату.

Она стояла у окна, повернувшись ко мне спиной, и на фоне голубого неба ее фигура выделялась темным силуэтом.

— Виель, ты должна надеть амулет вместо Шайель, — сказала мать, не отрывая взгляда от окна.

— Что?! Мама, ты шутишь? — я застыла на пороге, не веря своим ушам.

— Не называй меня так, — она медленно обернулась и глянула мне прямо в глаза, — ты мне не дочь. И нет, я не шучу.

Мои ноги подломились и я мешком опустилась в стоявшее рядом кресло. В горле внезапно пересохло, по телу пробежал холодок, а в руках зародилась дрожь. В голове раз за разом прокручивались одни и те же слова: “ты мне не дочь”, а кто же я?

— А кто же я? — растерянно повторила я вслух мучающий меня вопрос. — Кто мои родители? И почему вы воспитывали меня?

Она оперлась спиной на подоконник и пробормотала:

— Какая теперь разница... что загадывалось, то сбылось, — потом уже громче добавила:

— Виель, ты ведь всегда замечала, что не такая, как все? Что ты другая?

Я молча кивнула.

— Ты никогда не задумывалась, почему вы с Шайель так непохожи?

— Нет, я задумывалась, почему ты меня не любишь. Но теперь все понятно. Ты мне чужая.

Она недовольно скривилась:

— Не только я тебе чужая... здесь все тебе чужие. И знаешь почему? — она выдержала эффектную паузу, не отводя от меня пристального взгляда. — Ты не санхейо. Ты — даханн.

Даханни, если быть точным.

Если бы мне сейчас сказали, что я прямая наследница бывшего короля или что я свалилась с небес, я бы и то так не испугалась. Вскочив с кресла, я уставилась на эту женщину яростным взглядом и сквозь зубы прошипела:

— Это переходит все границы! Так вот каким образом вы решили спасти свою любимую дочь от выпавшей ей участи! Отказаться от другой дочери и обречь на смерть весь поселок! Вы знаете, что даханни вырежут всех жителей, когда узнают о подмене?!

Она махнула рукой, приказывая мне замолчать. Я по привычке подчинилась и рухнула назад в кресло.

— Ничего этого не будет, — жестко произнесла она. — Я знаю, что говорю. Поверь, даханни никого не убьют, наоборот, я очень надеюсь получить вознаграждение в виде моей девочки. Сейчас я скажу тебе кое-что... это касается моей семьи и тебя лично. Хочу, чтобы ты выслушала меня очень внимательно.

Она нервно теребила пальцами ворот своего платья, как будто он ей мешал дышать, а я боялась даже моргнуть, чтобы — не дай Дзуликий! — не пропустить ничего из того, что она скажет.

— Мой прадед служил капитаном королевского флота и участвовал в этой Войне. Долгое время он вел дневник, используя собственный шифр. Когда его казнили вместе с командой, захватчики благородно отправили их личные вещи семьям. Мой отец несколько лет подбирал ключ к этому шифру, но в конце концов расшифровал часть записей. Они и сейчас хранятся в надежном месте. В основном прадед описывал морские сражения и свою частную жизнь, но было там и еще кое-что. То, что не преподают в школах и не рассказывают на улицах, то, о чем предпочтительнее забыть и никогда не вспоминать, если не хочешь, чтобы от тебя отвернулись все родные и близкие.

— Что же это? — еле слышно шепнула я, не в силах отвести взгляд от ее побледневшего лица.

— Причина Войны. Настоящая, а не та, которую нам рассказывают. Почему началась Война, что ты об этом знаешь?

— Даханни напали, потому что хотели отнять у нас залив Рассиолы, — неуверенно произнесла я.

Она расхохоталась, и от этого смеха у меня мурашки побежали по спине.

— Наш король всегда умел повернуть события себе на пользу, — сказала она будто плюнула. — Пусть покарает меня Дзуликий, но я не буду больше молчать. Из-за игр этих аристократов всегда страдает простой народ.

Она замолчала, пронизывая меня пристальным взглядом, а потом, уже спокойно, произнесла:

— Причина Войны в женщине. Даханни. Брат нашего короля возжелал невесту императора. В то время между Эроллой и империей Тысячи Островов сложились чуть натянутые отношения. Брат короля пребывал в гостях у императора с посольской миссией. Там и познакомился с этой даханни. Мой прадед писал, что девушка была так хороша, что от одного взгляда на нее захватывало дух. Вот Его Светлость и не устоял. Выкрал даханни и под покровом ночи попытался вывезти на своем корабле. Император снарядил погоню, посольский корабль

зажали между двух островов, там, где были опасные рифы. Когда брат короля понял, что проиграл, он перепезал горло даханни, а сам застрелился. Император приказал повесить всех, кто был на этом корабле, включая супругу капитана, которая путешествовала вместе с мужем. И в тот же день объявил нам войну.

Я сидела ни жива, ни мертва. Вот так легко и просто эта женщина рассказала о том, что стало началом жестокой и кровопролитной войны, затянувшейся на десятилетия. Войны, которая продолжается до сих пор.

— Это невероятно! — выдохнула я. — Но зачем им наши девочки? Разве им своих мало?

— Не отождествляй себя с нами, — бросила она в мою сторону, — ты чужачка и никогда не будешь одной из нас. Я знаю лишь, что во время войны на островах пошел какой-то мор. Часть даханни умерла, часть стала бесплодной. Подозреваю, потому-то они и берут наших девочек. Но ты...

Она подошла ко мне, нагнулась, взглядываясь в мое лицо, и с ненавистью выплюнула:

— Ты даханни. Возможно, последняя на планете. Отец нашел тебя в море, когда ходил рыбачить во время весенних бурь. Тогда в море очень беспокойно, но волны поднимают со дна глубоководных рыб, за которых можно выручить хорошие деньги. А он вместо рыбы притащил тебя... Тогда я очень страдала. Ведь у меня только-только умер мой сынок, мой Ройс, и еще два раза даханни позаботились о том, чтобы я не могла родить... Знаешь, как они это делают? Вплетают в ауру женщины пару простейших рун, а те тщательно следят за тем, кого ты носишь и избавляют от нежеланного плода. Но мои мальчики все были желанны. А мой единственный сын в шесть лет заболел лихорадкой и помер... Я осталась один на один со своим горем и тут появилась ты! Сначала, я хотела выбросить тебя на улицу, до того ты была мне противна. Я все ждала, когда же появится та хваленая неземная красота, о которой все говорят... а потом подумала, что однажды у меня родится дочь и ее захотят забрать на острова... но что если я предложу им тебя? Разве такой подарок не будет для них ценнее?

В это время за дверями что-то грохнуло, раздался слабый вскрик и удар. Я вскочила, поворачиваясь спиной к матери, вернее, к той женщине, которую считала своей матерью, и в этот момент что-то тяжелое резко опустилось на мой затылок.

Меня разбудил звон в ушах. Высокий такой, противный, будто комар пищит.

Я открыла глаза и уставилась в потолок, медленно приходя в себя. Откуда-то издалека доносились чужие голоса, затылок пульсировал тупой болью. Я машинально подняла руку и прикоснулась к больному месту. Мокро. Поднесла руку к глазам и резко села. Мои пальцы были в крови.

События последних дней ясно вспыхнули в моей памяти, вырывая из груди мучительный стон. О, Двудикий! Что же здесь произошло?!

Я испуганно огляделась. Так, это тот самый гостиничный номер, уже хорошо. Я лежу на кровати, одетая... а это что такое?

Я подняла левую руку и с трудом сдержала крик: на моём запястье плотно сидела та самая цепочка с кулоном-капелькой, только теперь он был не прозрачным, а светился серебристым светом. Я попробовала снять неожиданное украшение, но оно словно приросло к моей коже! Как же так, ведь я хорошо помню, цепочка была слишком широкой, чтобы носить ее как

браслет!

Из соседней комнаты раздался вскрик, а за ним протяжный стон. Рини! Я попыталась вскочить с кровати, но внезапное головокружение едва не швырнуло меня на пол. Так, осторожно, по стеночке...

Делая шаг за шагом и держась руками за стену, я доползла до дверей и почти ввалилась в соседнюю комнату. Там на кровати лежала сестра Дайны, но в каком виде!

Какие-то изверги спеленали девочку по рукам и ногам, всунули тряпку ей в рот и завязали так, что она не могла ни говорить, ни выплюнуть ее.

— О, Дзуликий, — я кинулась к ней на помощь, — кто посмел сделать это?

Увидев меня, девочка затряслась и попробовала отползти. В ее глазах я увидела настоящий ужас.

— Рини, милая, не бойся. Это я, Виель, — я старалась говорить медленно и тихо, чтобы не пугать бедняжку ещё больше. Кто бы это с ней не сделал, он, по всей видимости, не причинил ей физического вреда, разве что сильно напугал.

Не обращая внимания на боль в разбитом затылке и подступающую тошноту, я развязала веревки, которыми была связана Рини. Это оказалась порванная на полоски и скрученная простыня.

— Милая, успокойся, я не сделаю тебе ничего плохого, — заверила я девочку, которая испуганно забилась в угол кровати. — Я подруга Дайны, Виель, ты же помнишь меня?

Она осторожно кивнула, не сводя с моего лица напряженного взгляда, и вдруг тихо произнесла:

— Шайель... это сделала Шайель. Она ударила меня чем-то, а потом связала.

У меня подкосились ноги и я рухнула прямо на пол рядом с кроватью. Эта информация не желала укладываться в голове.

— Шайель? — недоверчиво прошептала я, пытаюсь сбросить навязчивое жужжание. — Но почему?

— Они с эйрой Димантис сказали, что ты поедешь на Острова вместо Шайель... Сказали, что твоё место там... а меня связали, чтоб я не сбежала и не доставила лишних хлопот...

Я застонала, сжав руками виски. Что же это получается?! Женщина, которую я столько лет считала своей матерью, разбила мне голову, бросила истекать кровью и сбежала, предварительно одев на меня даханнский "маячок". Ах да, она сказала, что я тоже даханн, точнее даханни. Какой бред!

Даже если и так, что это меняет? Ничего. Здесь у меня была семья: строгая мать, вредная младшая сестренка и любящий отец. А что меня ждёт там, на Островах? Кто поверит, что я даханни? Как я это докажу? А за подмену избранной меня просто казнят, даже имя не спросят! Что делать?!

Мой взгляд лихорадочно заметался по комнате, ища пути к отступлению.

— Рини, — тихо позвала я, — где твой амулет?

Девочка молча подняла руку. Капелька, свисающая с ее запястья, светилась ровным молочно-белым перламутром.

— Шросс! — выругалась я, вспомнив любимое словечко отца. Он всегда упоминал это противное бородавчатое земноводное, когда бьющие фонтаном эмоции срочно требовали выхода. — Теперь тебе одна дорога, к даханнам.

— А ты? У тебя ведь тоже браслет, — она кивнула на мое левое запястье.

— Мне нельзя. Эйра Димантис подставила меня, но ей это не пойдёт на пользу. Сначала даханны казнят меня за подмену, а потом придут за ней.

— Эйра Димантис? Ты так называешь свою мать? — изумилась девочка.

— Она мне не мать, — отрезала я, зло сверкнув глазами. — Взгляни на меня. Какая мать сделает такое со своим ребёнком?!

Я повернула голову, давая возможность разглядеть мокрые от крови волосы на затылке. Жёсткие кудри слиплись в один комок, а по шее медленно стекала тонкая красная струйка. Рини громко сглотнула.

— И что же ты теперь будешь делать? — почти шепотом спросила она.

— Я пока не решила. В приказе было сказано прибыть в Эрливейл и надеть амулет. Мы это сделали. Теперь, видимо, даханны сами должны найти нас...

Будто в подтверждение моих слов, совсем рядом, под окнами, раздались громкие мужские голоса, разговаривавшие на неизвестном языке. Я подтянулась к подоконнику, осторожно выглядывая наружу, но тут же отпрянула вглубь комнаты. Внизу, почти под самой стеной дома, стояли четыре даханны в своих тёмных плащах и разглядывали какую-то штуку, которую держал один из них.

— Что там? — шепнула Рини.

— Даханны.

Она судорожно всхлипнула, сжавшись в комочек, но тут же обреченно расслабилась. Наверняка, это пришли за нами. “Маячки” сработали, едва их на нас надели, а сколько времени я провалялась без сознания — одному Дзуликому известно. Сейчас эти странные, пугающие незнакомцы войдут сюда и поймут, что одна из нас не та, кто должна быть. Что делать?!

Я затравленно огляделась по сторонам. Выход отсюда только один. Можно ещё попробовать сбежать через окно второй комнаты, кажется, оно выходит на другую сторону. Но я не могу бросить Рини! У меня просто совесть не позволит оставить девочку один на один с таким испытанием. Но и попадаться даханнам я тоже не хочу, будь они хоть трижды мои соотечественники. Лучше всего бежать прямо сейчас. Но куда?

Я быстренько прокрутила в голове несколько вариантов. Ничего утешительного. Если я возьму Рини с собой, даханны придут к ней в дом и кто знает, чем это закончится. К тому же у меня

нет ни денег, ни вещей, ведь я не рассчитывала на долгое путешествие. Маленький саквояжик с моими вещами, сиротливо стоявший у кровати, вряд ли меня спасёт. Ведь в нем нет ничего ценного, кроме пары платьев и смены белья.

Получается, что выбора у меня нет. Либо волку в пасть, либо в бега. И оба варианта без надежды на будущее. Но ради Рини...

Я отбросила последние сомнения и встала. В эту минуту в двери нашей комнаты постучали. Громко и решительно. Так стучат те, кому всегда и везде открывают.

135 от 9 окт

Мы с Рини затравленно переглянулись. Я замерла, затаив дыхание, а она начала медленно сползать с кровати. Я остановила ее движением руки и поднялась сама. Делать вид, что нас здесь нет по меньшей мере глупо.

— Эйрина Шайель Димантис? — больше утверждая чем спрашивая, произнёс огромный даханн, едва я открыла двери.

Его чёрные глаза пронизывали меня насквозь таким взглядом, что хотелось немедля бежать без оглядки, а за его спиной стояли еще двое, закутанные в свои плащи, точно статуи из черного мрамора.

— Нет... то есть да... то есть...

Я запуталась, беспомощно блея как глупая овца и, едва не плача, оглянулась на Рини, которая застыла на кровати словно соляной столб.

— Так да или нет?

Даханн засунул за пазуху странный предмет в виде тонкой пластинки, размером с ладонь, на которой я успела заметить несколько светящихся точек, и бесцеремонно схватил меня за левую руку, выворачивая запястье.

— Я не Шайель... я ее сестра Виель Димантис... — покаянно ответила я.

— Очень интересно, — процедил даханн сквозь зубы.

Он несколько секунд вглядывался в серебристую капельку, затем тронул ее затянутым в перчатку пальцем, будто хотел убедиться, что эта маленькая алмазная капля действительно существует, а потом перевёл задумчивый взгляд на моё лицо.

— Ви-ель Ди-ман-тис, — произнёс он по слогам так медленно, будто пробовал моё имя на вкус.
— Как вы оказались на месте вашей сестры?

Я замешкалась, не зная, что сказать.

— Молчите, я сам узнаю.

Расширенными от страха глазами я следила, как он снял перчатку и осторожно прикоснулся к моей щеке самыми кончиками пальцев. И опять, как и в прошлый раз, по моему телу будто молния пробежала, заставив вздрогнуть и отступить на шаг.

— Очень интересно, — уже второй раз повторил даханн, вернул перчатку на место и наконец-

то заметил, что мы здесь не одни. — А вы эйрина Рувейнис? Ринивей Рувейнис?

Девочка молча кивнула, громко сглотнув от страха.

— Ну что здесь, все на месте? — раздался за спиной мужчины незнакомый голос.

Даханн обречено вздохнул.

— Подмена. Но какая, — многозначительно протянул он, не сводя с меня взгляда.

В комнату вошёл ещё один незнакомец, закутанный в плащ. Все та же маска на лице, все те же перчатки. И черный платок, прячущий под собой все волосы до последней прядки.

— Сам взгляни.

Первый даханн отступил, позволяя новоприбывшему полностью разглядеть меня. Пристальный взгляд из прорезей маски замер на запястье с ярко светящимся амулетом. Повторился ритуал со снятием перчатки и прикосновением к моему лицу. И опять меня пронзила маленькая молния.

— Удивительно! — прошептал незнакомец с таким восхищением, словно воочию узрел одну из реликвий Двубликого. — Эта эйрина стоит тысячи глупых санхейо. Ты боишься нас? — он буквально впился в меня взглядом.

Я неловко кивнула, не понимая, к чему такой ажиотаж вокруг моей скромной персоны. Краем глаза ухватила движение за своей спиной, это Рини медленно двигалась в мою сторону, а в конце совершила резкий рывок и схватила меня за руку.

— Эта эйрина тоже избранная? — мой собеседник подбородком указал в сторону девочки, не отрывая от меня взгляда.

Я опять кивнула.

— Вы давно знакомы?

— Четырнадцать лет, — прошептала я еле слышно.

Он еще раз внимательно осмотрел меня с ног до головы, уделив особое внимание вцепившейся в мою руку Рини, и произнес, обращаясь к первому даханну:

— Этих на мой корабль. И проследи, чтоб они ни в чем не нуждались.

На улицу нас вывели под строгим конвоем, даже личные вещи не дали взять, сказали, что они нам больше не понадобятся. Эта фраза заставила меня задуматься над перспективой дальнейшего существования. Я крепко держала за руку жавшуюся ко мне Рини, а со всех сторон нас плотным кольцом обступили даханнны. Было непонятно, то ли они пытаются защитить нас от угрозы извне, то ли — воспрепятствовать побегу.

В холле гостиницы я заметила еще трех девушек в сопровождении родственников. Они спокойно проходили проверку у того незнакомца, которого называли дазганом. Девушки выглядели лет на семнадцать-двадцать и это было невероятно. Как они умудрились в таком возрасте остаться девственными и ничуть не беспокоились о том, что будет дальше?! Даханн что-то спрашивал у них, сверяясь со своей странной пластиной, которую держал в ладони, а потом жестом пригласил девушек пройти в дилижанс, ожидавший у крыльца.

Девушки весело щебетали, не обнаруживая ни малейшего беспокойства, на лицах родителей цвело вполне умиротворенное выражение, словно это не они отправляли сейчас своих дочерей неизвестно куда. Что это? Гипноз? Жаль, что я не могу подойти и спросить, почему они так безмятежны.

Дазган развернулся, будто почувствовав на себе мой взгляд. Чуть кивнул сопровождающим, и конвой начал оттеснять нас в сторону. Я забеспокоилась. Похоже, что мы с Рини не едем в дилижансе?

Мы покинули гостиничный двор, пройдя через кованые ворота, и почти сразу за ними я увидела закрытый со всех сторон экипаж с гербом империи на дверце. Сидевший на козлах кучер, закутанный в темный плащ, привстал при нашем появлении, всей своей позой выражая недоумение.

Перед нами учтиво распахнули дверцу кареты и откинули ступеньку, приглашая садиться. Я тоскливо вздохнула, в последний раз обводя взглядом привычный пейзаж. Всего полчаса пути — и мы будем в порту. Что нас ждет дальше? Смогу ли я выжить среди тех, кого с детства училась ненавидеть, кого боюсь до дрожи в коленях, до головокружения, до подступающей к горлу тошноты? Зачем я им? Что они увидели во мне такого, что не убили сразу и даже не посадили в дилижанс с остальными девушками? Неужели узнали во мне одну из своих? Почему тогда не сказали сразу? Столько вопросов и ни одного ответа!

Но больше собственной судьбы меня волновало другое. Как долго нам с Рини позволено будет оставаться вместе?

Даханни удалились, закрыв нас в карете и оставив в полном одиночестве, если не считать кучера, чью неподвижную спину я лицезрела через маленькое окошко в передней стенке.

Рини прижалась ко мне, точно маленький котенок, ища заботы и ласки. Я машинально потрепала ее по голове и вздохнула. Ожидание было невыносимым, лучше бы не мучали и прямо сказали, что от нас нужно. А так сиди, воображай и бойся собственной тени...

— Интересно, почему нас оставили здесь, а не с другими девушками, — задумчиво произнесла девочка. — Ты заметила, какие они счастливые?

— Да и это менястораживает. Странно как-то.

— Почему твоя мама так поступила с нами? — Рини подняла на меня свои огромные глазищи, в которых будто застыли два горных озера с дрожащей водой.

— Она мне не мать, — глухо пробормотала я, отводя взгляд.

— Что?!

— Она сама так сказала. Сказала, что отец нашел меня в море и принес домой, как безродного щенка, которого кто-то выкинул на помойку, а он из жалости подобрал.

— Не говори так, — умоляюще произнесла девочка и взяла меня за руку. — Все же ты жила с ними столько лет.

Я горько рассмеялась. Да, жила и всю жизнь переживала, что я делаю не так? Думала, что это

из-за моей внешности, из-за того, что я недостаточно красива и моя мать стесняется меня, как стесняются калеки или уроды. А все оказалось намного проще.

Я никогда не смогла бы завоевать ее любовь, потому что она ненавидела сам факт моего существования. Она взрастила меня в ненависти и страхе к даханнам, а потом кинула к ним в пасть, не забыв сообщить, что я одна из них. Та, что всю жизнь была для меня самым близким существом, внезапно показала, что на самом деле всего лишь использовала меня в своих целях. И это ее откровение, зачем оно? Смутить меня еще больше? Невозможно выдержать все это и не сойти с ума.

Но это вовсе не те сведения, которыми стоит делиться с четырнадцатилетним подростком. Поэтому я постаралась взять себя в руки и придать лицу беззаботное выражение.

— Ты ведь тоже заметила, что те девушки выглядели очень довольными? — легкомысленно поинтересовалась я.

И именно в этот момент мимо кареты прокатился тот самый дилижанс, запряженный четверкой гнедых лошадей. Мы проводили его взглядами. Но едва он отъехал, как мой взор столкнулся с пристальным взглядом дазгана, наблюдавшим за мной с другой стороны улицы. Его глаза буквально буравили меня из прорезей маски. Побледнев, я откинулась на сиденье и задернула штору.

Через минуту дверца экипажа распахнулась и на соседнее сиденье опустился тот самый наглец. Рини прижалась щекой к моей груди, а я тут же зарылась носом в ее макушку. Меньше всего я желала остаться в замкнутом пространстве кареты с этим мужчиной и терпеть его присутствие. Вроде бы он ничем не отличался от своих молчаливых и затянутых в черное соотечественников, но если они были всего лишь неприятны, то этот действительно пугал. От него исходило ощущение огромной силы и власти, и было такое ощущение, что он не тот, за кого себя выдает.

Он поднял согнутую в локте руку и пару раз стукнул в окошко позади себя. Карета дрогнула и медленно покотилась, стуча колесами по булыжной мостовой.

— Итак, — произнес дазган насмешливым тоном, — прекрасные эйрины не желают развлечься в дороге приятной беседой?

— Сомневаюсь, что наша беседа может быть приятной, — хмуро бросила я.

— Ну почему же, — он вальяжно откинулся на спинку сиденья и снял перчатки.

Я только сейчас заметила, какая у него бледная кожа, вернее, не бледная, а белая будто первый снег. И светится!

Я сморгнула, но сияние никуда не делось. Обнаженные кисти даханна действительно излучали едва заметное мягкое свечение, окружавшее белую кожу серебристым ореолом.

— Вы удивлены? — мне показалось, что он удовлетворен моей реакцией. — Скажите, Ви-ель, что вы видите? Какого цвета моя кожа?

Он развернул ко мне ладони, давая их рассмотреть. Я не могла оторвать глаз от этих сияющих рук, а потому не сразу сообразила, что он обращается ко мне.

— Что? Извините, я задумалась... Ваша кожа очень белая и светится... Это обман зрения?

— Вовсе нет. Это особенность нашей расы. Расскажите, что вам известно о нас?

— Я практически ничего о вас не знаю. Вернее, в школе преподают анатомию рас и историю их взаимодействия, но ведь последние сто пятьдесят лет учебники выходят под вашей строгой цензурой. Вряд ли вы не знаете, что в них пишут.

— Меня не интересуют официальные легенды. Расскажите, что о нас думают в вашем родном городе. Где вы жили?

— В Ахартоне, это маленькое село под Эрливейлом, всего в паре дней пути. Не думаю, что вам интересно слушать сельские сплетни.

— Ну уж не скажите, — он хмыкнул, подаваясь вперед, а я, как замороженная, вновь уставилась на его руки. — Вам не стоит так пристально смотреть. Сияние даханна это его слабость и его оружие. Одних пугает, других притягивает. Похоже, что ваша подруга относится к первому типу, как и все санхейо, а вот вы...

Он вдруг оказался так близко, что я ощутила на своей щеке его дыхание и постыдно зажмурилась. А потому уже не видела, как он поднял руку и несколько секунд держал ее в опасной близости от моего лица, а потом опустил и, тихо выдохнув, вернулся на свое место.

— Можете открывать глаза, трусишка, — бросил он, натягивая перчатки. — И приведите в чувство свою подругу.

Я глянула на Рини. Девочка сжалась в комок, стараясь быть как можно незаметнее, и едва дышала от страха.

— Рини? — забеспокоилась я. — Что с тобой?

Даханн стукнул в окошко. Карета остановилась и наш попутчик распахнул дверцу, собираясь нас покинуть. Он оглянулся, замешкавшись на ступеньке, и мне показалось, что в его взгляде мелькнуло сожаление.

— Он такой страшный, — прошептала она едва слышно, когда экипаж вновь тронулся с места. — Ты видела, какие черные у него руки?

Черные? Я не ослышалась?

— Они черные, как у демона... и такие острые когти...

— Да нет же, — поправила я ее, — у него кожа белее снега и светится.

За окном кареты появилась гигантская стена, сложенная из грубо обтесанных камней. Дорога повернула и стена исчезла из видимости, потому что теперь мы ехали прямо на нее, но широкая спина кучера ничего не давала рассмотреть через переднее окошко. Огромные тяжелые ворота были распахнуты настеж, решетка из прутьев толщиной с мою руку — поднята, а на въезде в порт нас встречала длинная очередь дилижансов, в которых, по всей видимости, томились такие же жертвы даханнов, как и мы.

Наш экипаж замедлил ход и мягко остановился, пристраиваясь в хвост очереди. Рини отлипла от меня и повернулась к окну с другой стороны.

— Смотри, Виель, там девушки прямо на улице!

Я оглянулась. И в самом деле, рядом с дилижансами стайками толпились избранные. Это были девушки из разных концов королевства, это явственно читалось в их манере одеваться, а еще они по-разному вели себя. Одни беззаботно болтали и даже смеялись, стреляя глазками в молчаливых даханнов, стоящих на страже ворот. Другие дичились, хмуро жалась к своим экипажам и выглядели не слишком общительными. Такая яркая противоположность их поведения заинтриговала меня. Почему одни не показывают ни малейших признаков беспокойства, тогда как другие буквально трясутся от страха?

Неожиданно, мне показалось, что я заметила знакомое лицо в пестрой толпе рядом с одним из дилижансов.

— Рини, а ну взгляни. Это глаза меня обманывают или там действительно Айра Куралтис?

Девочка глянула в указанном направлении.

— Вроде она... такая довольная...

— Знать бы еще почему, — пробормотала я. — Подожди, сейчас попробую разузнать.

Я подергала дверцы — закрыто. Постучала в переднее окошко. Темная спина пошевелилась и за стеклом показалась непроницаемая маска.

— Я хочу выйти! — сообщила я с нажимом.

Кучер коротко кивнул и в карете раздался еле слышный щелчок. Облокотившаяся на дверцу Рини едва не выпала наружу, когда та неожиданно распахнулась.

— Ого! — издала она возглас удивления и с детской непосредственностью выскочила на мостовую.

Я последовала за ней.

— Эйрина, — тут же раздался над моей головой мужской голос, — если вы желаете освежиться, я буду рад стать вашим провожатым.

Я узнала дазгана. Интересно, он ехал в другой карете или верхом? Его фраза об “освежиться” заставила меня смущенно порозоветь. Не представляю, как бы он проводил меня в уборную. Кошмар какой!

— Я могу отойти от кареты? — поинтересовалась я, стараясь смотреть куда угодно, только не в глаза этому пугающему мужчине.

— Причина?

Мне показалось, что он нахмурился, хотя под маской не было видно ни малейшего проявления эмоций.

— Я заметила здесь свою знакомую и хотела бы пообщаться с ней, пока мы стоим. Кстати, а почему такая задержка?

— Есть необходимость некоторых действий. Не переживайте, узнаете, когда до вас дойдет очередь. Идите к знакомой, только не забудьте вернуться в свою карету.

Я не стала ждать, пока он передумает и вместе с Рини направилась туда, откуда доносился веселый смех Айры.

Я не стала ждать, пока он передумает и вместе с Рини направилась туда, откуда доносился веселый смех Айры.

Она не была мне такой близкой подругой, как Дайна, но жила поблизости и мы частенько сталкивались у колодца или в лавке эйра Сумахиса. Изящная, стройная, с приятными округлостями и плавными мягкими движениями — настоящая санхейо. Ей недавно исполнилось шестнадцать, могла выйти замуж, ведь пару раз наведывались сваты из соседних сел, но не захотела. Причину ее отказа я так и не смогла понять, ведь это был лучший способ защитить себя от участи стать избранной. Она была очень хороша: черные густые волосы, идеальный овал лица и огромные блестящие глаза цвета гречишного меда. Хотя, что это я, все санхейо были писаными красавицами и оставались такими до самой старости, разве что с возрастом больше округлялись.

Я осторожно приблизилась к незнакомкам, рядом с которыми весело хохотала Айра, и позвала ее по имени. Смех резко оборвался.

Обернувшись, девушка уперла в меня изумленный взгляд, а потом ее лицо расплылось в приветственной улыбке:

— Виель! Что ты здесь делаешь? Рини? — она недоуменно перевела взгляд на девочку. — А где Шайель?

— Я вместо нее, — я криво усмехнулась, — а ты как?

— Эйрины, это моя хорошая знакомая эйрина Виель Димантис, — представила меня Айра своим подругам, — мы отойдем, немного поболтаем.

Те неопределенно пожали плечами, продолжая прерванный разговор.

— Где твой экипаж? — поинтересовалась девушка, когда мы отошли в сторону.

Я указала на посольскую карету. Тонкие брови Айры изумленно взлетели вверх.

— Карета посла?

— Сама удивилась.

— Но ведь должны были забрать Шайель, так ведь? Твоя мать сама говорила в храме, на чье имя пришел приказ.

— Как видишь, моей сестры здесь нет, — я не хотела рассказывать Айре о том, что со мной случилось, но уж очень хотелось знать причину ее хорошего настроения. — Послушай, а почему некоторые девушки такие довольные, а другие напуганы?

— Да ерунда, не обращай внимания, — она досадливо поморщилась, — наслушаются разных сказок про даханнов, а потом трясутся как овечий хвост.

— Сказок? — недоверчиво переспросила я.

— Ну да. Вот ты знаешь, зачем мы им? Куда нас везут и что с нами будет?

— На Острова? — неуверенно промямлила я и поняла, что ничегошеньки не знаю. Кроме того, что девушек раз в году куда-то увозят и никогда не возвращают обратно. В учебниках об этом не писали, а дома у нас эта тема никогда не поднималась. Я же лично не была знакома ни с кем, кто захотел бы поделиться информацией. А вот у Айры... — У тебя же кто-то был избран пару лет назад?

— Да, сестра. Сейчас она шейнаб одного дазгана.

— Кто? Кого?

Айра демонстративно закатила глаза.

— Шейнаб — мать его сыновей, а дазган сотник по нашему. У них такие названия, что пока язык не выучишь, половину не поймешь.

— Твоя сестра наложница даханна? — изумилась я. — И ты так спокойна?

— Не наложница, — она кинула в мою сторону строгий взгляд, — А шейнаб. Живет в его доме и носит его имя и является матерью его наследника.

— Откуда ты знаешь?

— Сестра кое-что писала.

Увидев мой ошарашенный вид, Айра добавила:

— Все шейнаб передают весточку родным раз в год, когда корабли отправляются за новыми эйринами. Правда, многое рассказывать не позволяют, так только: все хорошо, жива-здорова. Ну и про детей, если есть.

— Про детей? — сглотнула я.

— Ну да, а для чего мы даханнам? Пряники печь? — она невесело усмехнулась. — У них ведь женщины давно бесплодны. Говорят, это санхейо виноваты. А от нас только мальчики рождаются. Вот они и забирают нас как бы в отместку. И мужчин наших вырезали по той же причине.

Она тяжело вздохнула, уставившись в даль отрешенным взглядом. Потом резко трянула головой, словно отгоняя тяжелые мысли.

— Вот некоторые и злятся. Мало кто хочет стать шейнаб и рожать новых даханнов. Но для других это единственный выход не остаться старой девой.

И она взглянула на меня с такой мольбой, будто ожидала, что я накинусь на нее с обвинениями. Но я молчала. Мне нечего было ей сказать.

— Виель, нас зовут, — еле слышно прошептала Рини и подергала меня за рукав. Я совсем забыла, что она стоит рядом и тоже все слышит.

Оглянулась. У посольской кареты стоял дазган и не спускал с нас пристального взгляда. Теперь я знала, что это военный чин, командир сотни. Кажется, слишком просто для того, кто обладает такой пугающей силой. Я отвела глаза, пряча взгляд, и скомканно попрощалась с Айрой.

Через несколько шагов я оглянулась. Давняя знакомая присоединилась к своим товаркам и

вновь одела на лицо улыбку. Только теперь ее смех казался насквозь фальшивым, а улыбка напускной. Вот еще один повод задуматься.

Прошу, эйрины, — дазган учтиво распахнул дверцу кареты и сам забрался внутрь следом за нами. — Сейчас тронемся.

Он обвел нас непроницаемым взглядом и добавил:

— Все же у некоторых должностей есть свои привилегии.

И в самом деле, кучер цокнул на лошадей и те неспешным шагом покатали вперед наш экипаж. Похоже, что пока я общалась с Айрой, стоявшие впереди дилижансы прижались к обочине, так что теперь наша карета беспрепятственно въехала в гигантскую арку ворот.

За каменной стеной словно начинался другой, неведомый мир. Даже воздух здесь пах иначе. За окном кареты промелькнула облицованная мрамором набережная, вдоль которой я заметила статуи крылатых львов, будто застывших в напряженной позе перед броском. Их головы были повернуты в сторону ворот, а в незрячих глазах словно застыло немое предупреждение.

— Какие красивые! — выдохнула Рини.

— Вам нравится? — как-то через чур живо откликнулся мужчина на ее детское восклицание.

Девочка покраснела. Теперь все внимание дазгана было направлено на нее и мне это совсем не понравилось.

— Скажите, — бесцеремонно влезла я, — все эти эйрины станут женами ваших соотечественников?

Мне показалось или он досадливо скривился?

— Мы не вступаем в брак с санхейо. Для этого нам достаточно наших женщин.

— Вот как? — опешила я. — А как же шейнаб?

Кажется, я его рассмешила. Он нагнулся ко мне так близко, что я смогла рассмотреть странный блеск в глубине его глаз, и насмешливо произнес:

— Шейнаб рожают нам сыновей. Кто сказал, что для этого нужно жениться?

Я вздрогнула и отпрянула. И чем шейнаб отличается от наложницы?! Те тоже рожают детей... о, Дзуликий, какой позор для любой эйрины! Даже перспектива остаться в старых девах или угодить к даханнам не была достаточно веским поводом, чтобы вступать в незаконные отношения с мужчиной и уж тем более рожать ему детей. Девушка, запятнавшая себя порочной связью, отлучалась от храма, изгонялась из семьи и становилась хайен — непотребной. Любой мог ее обидеть, принудить к чему либо и никто бы не заступился.

И вот теперь этот даханн говорит мне прямо в глаза что всех нас ждет судьба хайен?! Отверженных, непотребных девок, о которых никогда ни один жрец Дзуликого не упомянет в своей молитве! От которых откажется семья и чье имя будет навсегда вычеркнуто из родовой книги! Теперь-то я понимаю, почему многие из девушек так печальны, а другие, видимо, не вполне понимают, что шейнаб это вовсе не жена, это позор для санхейо.

— Это ужасно, — еле слышно пролепетала я.

Его взгляд тут же изменился, веселые искорки куда-то исчезли, оставив после себя непроницаемую тьму. Дазган отодвинулся как можно дальше и спрятал руки под плащом.

— Ну почему же, — протянул он с ленцой, — я думаю это отличный бартер. Санхейо лишили наших женщин возможности иметь детей, поэтому мы используем свое право победителя, чтобы хоть как-то стабилизировать ситуацию. Но вы не переживайте, вас никто не обидит. Наоборот, будут заботиться как о самом ценном существе.

Я была ошарашена, унижена, раздавлена. Мне хотелось закричать, сорвать с него эту ненавистную маску и вцепиться ногтями в лицо. Хотелось причинить ему боль и увидеть, как он станет корчиться и молить о пощаде... Но все это было лишь нереальными мечтами.

— Вы так спокойно говорите о позоре и унижении? — прошипела я, не в силах справиться с внезапно накатившей злобой.

Меня буквально трясло, точно своим пренебрежением и насмешкой этот мужчина прорвал плотину, за которой до сих пор томились все мои эмоции и чувства.

Никогда в жизни я не ощущала себя настолько разгневанной. Пустота, которая все это время обитала в моей душе, вдруг начала наполняться злостью, обидой, негодованием, во мне словно зрела маленькая искра, раздуваемая в огромный пожар. И когда этот огонь проник в мои жилы и смешался с кровью, я не выдержала и замахнулась.

Он поймал мою руку на излете, крепко схватив за запястье. Я левша, а потому хрустальная капелька амулета теперь болталась перед его глазами. Только сейчас она буквально пульсировала таким ослепительным светом, что я невольно прикрыла заслезившиеся глаза, а за моей спиной застонала Рини, пряча лицо в колени.

— Как больно! Жжет!

Дазган несколько секунд молча удерживал мою руку перед своим лицом — похоже, что это сияние его ничуть не беспокоило — а потом вдруг коснулся губами тыльной стороны моей ладони. Я хотела возмутиться и даже открыла глаза, но он, по-прежнему удерживая меня одной рукой, второй достал из недр плаща черный платок и, все так же не говоря ни слова, ловко намотал его на мое запястье.

— Значит, я не слишком ошибся, — странным голосом проговорил он и отпустил меня.

Я тут же забилась в самый дальний угол кареты и спрятала плащущую девочку за своей спиной.

— Не снимайте повязку, пока вас не избавят от амулета, если не хотите, чтобы кто-нибудь из ваших подруг пострадал.

Я почувствовала целую сотню эмоций, которые бурлили во мне, требуя выхода. Большею частью из них я даже не знала названия. Я была как слепой, который неожиданно прозрел и и не может понять ЧТО он видит. Это был одновременно и страх, и восторг, и недоумение — целый букет невообразимых красок, о которых я знала лишь по наслышке.

— Что... что со мной? — хрипло выдавила я из себя.

— Как, вы говорите, зовут ваших родителей? — он подался в мою сторону, не спуская цепкого взгляда с моего лица.

Я не знала, что говорить. Назвать чету Димантис? Но ведь сияние амулета явно связано не с ними, а с настоящими родителями, о которых я ничего не знаю.

— Меня воспитали в семье Димантис, — наконец неуверенно произнесла я, — но они не настоящие родители. О настоящих я ничего не знаю.

Он опять снял перчатку и потянулся к моему лицу. Я отпрянула, придавив Рини. Девочка захныкала, дазган сжал свою сияющую кисть в кулак и с видимым усилием убрал под плащ. Мне показалось, что его пальцы дрожали.

— Вы знаете, что вы не санхейо? — чужим голосом произнес он. — И никогда ею не были.

Я молча кивнула.

— Как давно вам это известно?

— Моя мать... — я запнулась, — моя приемная мать сказала мне об этом сегодня.

Он как-то неопределенно хмыкнул.

— Полагаю, именно потому вы здесь вместо эйрины Димантис.

Я вновь ощутила внутри себя волну негодования и обиды. Дазган откинул плащ и вернул перчатку на место.

— Ни о чем не беспокойтесь, — сказал он. — Сейчас вы пройдете на мой корабль и полностью позабочусь о вас... — он покосился в сторону Рини, — и вашей подруге.

Только теперь я заметила, что карета стоит.

Выбравшись из кареты, я на мгновение задохнулась от красоты открывшегося вида. Передо мной, на сколько хватало глаз, расстилалось безбрежное море. Стоявшее в зените солнце пронизывало его лучами до самого дна, от чего по водной поверхности скользили яркие блики, а у пирса на приколе стояли величественные фрегаты с приспущенными парусами.

— Я думала, они не заходят в порт, — ошеломленно пробормотала я.

— Здесь глубина тридцать пять футов, — отозвался наш сопровождающий, — свободно проходит даже стопушечный линкор. Позвольте вашу руку.

Я как во сне вложила в его ладонь чуть дрожащие пальцы. Рядом тут же образовалось несколько даханнов, подхвативших наш багаж, а Рини буквально прилипла ко мне с другой стороны. В голове все смешалось: обида на прошлое, страх будущего, опасения, неизвестность и где-то в самой глубине крошечный огонек надежды. Эйра Димантис сказала, что я даханни, возможно, последняя в мире... Но дазган пояснил, что женщины у них есть, хоть и мало. Может, даханни означает не просто женщину? И откуда же я взялась, если их женщины бесплодны еще со времен Войны?

Порывистый ветер трепал мои косы, рвал подол плаща, заставляя кутаться сильнее. Каменные плиты под ногами заменили широкие просмоленные доски пирса, закончившиеся сходнями

выкрашенными белой краской. Я подняла голову, пытаюсь осознать всю глубину произошедших со мной событий. Прямо перед глазами возвышался тяжелый бок корабля, резные поручни и уходящие вверх мачты.

— Идемте, — подстегнул дазган. — Я выделю вам каюту на время путешествия. Постараюсь поближе к своей, чтобы избежать ненужного внимания.

Я непонимающе взглянула на него.

— Какая в этом надобность? Разве на этом корабле не будет других девушек?

— На этом не будет. Это военный фрегат, а не пассажирский. Мы идем в сопровождении с посольской миссией на борту. А корабли невест, — он неопределенно взмахнул рукой, — они пришвартованы с другой стороны. В соседней гавани.

Мы уже стояли на сходнях и куда-то бежать было просто нелепо. Но слова мужчины насторожили меня. Я ведь и в самом деле не обратила внимания на то, что мы с Рини являлись единственными женщинами на этом пирсе. И наша карета была единственной, остановившейся здесь. Остальные экипажи проезжали дальше вдоль набережной и исчезали за поворотом. Я даже вытянула шею, пытаюсь разглядеть, куда они едут, но обзор закрывали складские строения и темные стены доков.

— К чему такая честь? — я недовольно нахмурилась. — Почему мы не можем путешествовать с остальными девушками?

— Ваш амулет, — голос дазгана был полон досады, — его не стоит показывать другим, если не хотите проблем. Вы ведь даже не понимаете в чем здесь дело?

— Так объясните мне. Я достаточно разумная, чтобы понять. Тем более это касается меня лично.

— Обязательно. Но позже и наедине.

За разговором я сама не заметила, как оказалась на борту фрегата. По палубе сновали матросы в одинаковой форме: широкие темно-синие штаны, короткая куртка такого же цвета, белая рубашка с отложным воротником, скрученный шейный платок, а на ногах короткие мягкие сапоги с широким голенищем. Почти у всех рубашки были распахнуты на груди, а на бедрах болтались ножны с двумя короткими кинжалами.

Они разворачивали паруса под чутким руководством двухметрового амбала с трубным голосом, который нещадно костерил их на неизвестном языке. Но самое странное было то, что их лица не скрывали маски, хотя и к санхейо они не имели ни малейшего отношения: выше среднего роста, коренастые, с темной кожей и густыми курчавыми волосами. Миндалевидные глаза цвета спелой вишни блестели из-под густых коротких ресниц, а лица были лишены даже намека на растительность.

— Кто эти люди? — изумилась Рини. — Это же не даханны?

— Нет, — мне показалось, что дазган поморщился, — не думаю, что вам стоит с ними знакомиться.

Мы прошли через всю палубу на корму, где был расположен вход на нижнюю палубу и каюта

капитана. Дазган пригласил нас войти.

— Можете переодеться и отдохнуть здесь до ужина, — сказал он. — Пока не выйдем в море, я не смогу обеспечить вам комфорт. Я ведь даже не предполагал, с кем мне доведется столкнуться.

Все эти странные намеки сбивали меня с толку, но я понимала, что сейчас не время приставать с вопросами, а потому безропотно вошла.

— Сколько я пробуду на вашем корабле? — поинтересовалась я.

— Если будем идти под всеми парусами и при попутном ветре, то через три недели достигнем аванпоста империи. Там девушкам будет дана возможность отдохнуть пару дней, а затем еще неделя до резиденции императора — острова Ризенпорт.

— А дальше?

— Дальше как кому суждено. Располагайтесь, встретимся за ужином.

Мы с Рини безропотно уселись на широкий сундук, почти у самого входа, и проводили своих конвоиров молчаливыми взглядами. Те оставили наши вещи и бесшумно исчезли, похожие на темных демонов преисподней в своих загадочных одеждах.

Едва мы остались одни, как девочка облегченно всхлипнула, а внутри меня будто лопнула какая-то струна, от чего плечи безвольно опустились, а спина сгорбилась. Вот и все. Мы на одном из даханских кораблей, да еще на военном. Отрезанные от родных и даже от остальных девушек, оказавшихся на других кораблях.

Я обвела взглядом капитанскую каюту. Почему этот дазган привел нас сюда? И где сам капитан?

Небольшое квадратное помещение было обставлено простой добротной мебелью, закрепленной в полу: узкая кровать, рассчитанная на одного, встроенный шкаф, парочка больших сундуков с внушительными замками, длинный стол, застеленный зеленым сукном, и несколько стульев. Слева от входной двери я заметила еще одну, скромно таившуюся за портьерой, и направилась туда, ведомая любопытством. Мне показалось, что это уборная, только она была довольно странной, не такой, как я привыкла видеть дома. Здесь была большая фаянсовая емкость, похожая на раковину, но ни крана с водой, ни стока я не нашла. Точно так же меня поразил стульчак. Вполне обычный, если не считать его удивительной чистоты и отсутствие запаха. Складывалось ощущение, будто им никогда не пользовались.

— Виель! — слабо позвала Рини. — Мы можем немного вздремнуть? Я очень устала...

Я поспешила к девочке, аккуратно закрыв за собой дверь.

В это время пол под ногами вздрогнул, будто мы находились во чреве гигантского животного, решившего размяться после долгой спячки. Меня качнуло, когда корабль лег на левый борт, видимо, разворачиваясь носом к морю. С палубы доносились радостные крики и четкие рубленные фразы, сказанные знакомым голосом, но на чужом языке. Я узнала дазгана, но его тон был таким командным, что я на мгновение засомневалась: а не он ли таинственный капитан этого фрегата?

На входных дверях обнаружился небольшой засов. Я быстренько задвинула его и вернулась к

кровати, где Рини уже во всю взбивала подушки и вила гнездо из одеяла. Скинув верхние платья и чулки с туфлями, мы с ней без зазрения совести улеглись в капитанскую кровать. Бояться гнева неизвестного хозяина было просто глупо. Нас ведь и привели сюда для того, чтобы мы отдохнули. Вот мы и будем отдыхать.

Прижавшись к теплому боку девочки, я закрыла глаза, отдавая себя легкой качке, не дававшей забыть о том, что корабль выходит в море.

Громкий стук заставил меня вынырнуть из блаженной дремы. Еще не вполне понимая, где нахожусь, я расслабленно потянулась и вдруг обнаружила у себя под боком чужое теплое тело. Села, испуганно прижимая одеяло к груди, но тут же облегченно рассмеялась: Рини! Я совсем забыла про девочку, а она практически прилипла ко мне, обвив руками и ногами.

Стук повторился, став еще настойчивее. Похоже, кто-то за дверью терял терпение.

Я вскочила с кровати, лихорадочно приводя себя в порядок, крикнула, чтоб подождали. В ответ донеслось невнятное бормотание, очень похожее на проклятья. На кровати села перепуганная Рини.

— Одевайся, — шепнула я, бросая ей платье, — кто-то пришёл.

Мы помогли друг другу справиться со шнуровкой корсажа, натянули чулки и влезли в туфли. Пока девочка приводила в порядок кровать, я пригладила волосы, стянув их в крепкий узел на затылке. Лишь несколько непослушных прядей остались виться у висков и на затылке.

Наконец, я отодвинула засов, дверь тут же распахнулась и на пороге возник знакомый темный силуэт. Хоть все даханны и были неотличимы друг от друга из-за одинаковых одежд, дазгана я узнавала сразу: по той тяжелой давящей ауре, которая пульсировала вокруг него будто темный ореол. Я не видела ее, но чувствовала всякий раз, когда он оказывался в пределах моего взгляда.

— Эйрины, — он приветственно кивнул, — позвольте пригласить вас к ужину. Ваша каюта уже готова, так что после трапезы вы сможете насладиться отдыхом. Эйрина Рувейнис, — он шагнул к Рини, которая от страха едва держалась на ногах, и застегнул на ее шее тоненькую цепочку с небольшим камнем, ограненным в форме сердца, — этот амулет поможет вам легче воспринимать даханнов. Эйрина Димантис, — я подняла на него недоуменный взгляд, — вам подобная вещь ничему, наоборот, это мы вынуждены защищаться от вашего влияния.

И он, едва слышно хмыкнув, распахнул плащ. На темном бархате камзола виднелся похожий кулон, только у девочки он был голубым, а у него — насыщенно-синий.

— Что вы имеете в виду? — насторожилась я.

— Корабль это территория империи и здесь действуют законы Тысячи Островов. Вам придется столкнуться с даханнами без перчаток и масок, а для санхейо этот опыт может быть весьма и весьма болезненным. Амулет защитит вашу подругу от нашего влияния, а вот с вами все обстоит куда сложнее. Никто не думал, что подобные вам еще существуют, а потому никто не позаботился о защите. На корабле всего три амулета, позволяющих гасить ваше воздействие, а потому вам придется ограничить общение с даханнами. Контакттировать с вами буду только я и два охранника, которых я вам выделил.

От таких слов я просто оторопела. Впервые слышу, что у меня есть какое-то “влияние”, защищаться от которого нужно специальными амулетами. До сих пор никаких проблем с этим

не было... хотя не зря же этот странный тип заставил ехать вместе с ним и всю дорогу не спускал с меня глаз. Да и никто кроме него не обращался ко мне, если не считать того первого, что нашел нас в гостиничном номере.

Все эти намеки и недомолвки начинали меня нервировать. Я бы с превеликим удовольствием зажала этого дазгана в каком-нибудь темном углу и вытрясла из него всю правду. Но я была слишком голодна, да и разговаривать при свидетелях мне не хотелось, мало ли что там за тайны, вдруг девочка еще и меня бояться начнет.

— Когда мы сможем серьезно поговорить? — я уставилась на дазгана немигающим взглядом. — Вы должны мне многое объяснить.

— Не переживайте, — он усмехнулся, — я тоже жду этого разговора. После ужина, вас устроит? — я с задержкой кивнула. — И не слишком удивляйтесь, ужинать вам придется в моей компании и компании двух моих помощников. Причину я уже объяснил: отсутствие нужной защиты.

Он распахнул перед нами дверь и мы наконец-то покинули капитанскую каюту.

Ужин накрыли в салоне, примыкавшем к камбузу, но кроме двух мужских силуэтов в помещении больше никого не было. Когда мы вошли, эти двое стояли повернувшись спиной ко входу и что-то тихо обсуждали, но едва дазган открыл дверь и пропустил нас вперед, как они развернулись.

Я остолбенела. Рини ахнула и я ощутила, как она всем весом повисла на моей руке, будто бы ей в один момент отказали ноги.

Перед нами стояли два сияющих грешных ангела... правда без крыльев: тонкие изящные черты лица, большие раскосые глаза, сияющие как два драгоценных камня под четким разлетом темных бровей, длинные, блестящие как шелк, золотисто-пепельные волосы... Оба незнакомца имели высокие скулы, твердый подбородок и аккуратный прямой нос. Казалось, такая красота не могла появиться случайно, здесь приложил руку великий скульптор, создавший прекрасные статуи и ожививший свое творение. Тело каждого даханна, прежде скрытое плащом, было подстать его лицу. Каждый из незнакомцев был высок, гибок и строен. Без агрессивно бугрящихся мышц, но с грацией прирожденного фехтовальщика и скрытой силой затаившегося тигра.

И каждый открытый участок кожи этих мужчин испускал слабое серебристое сияние, окружавшее их словно дымка. Светились лица, руки, волосы... было такое ощущение, будто их головы украшает сияющий нимб.

— Позвольте представить моих помощников и по совместительству ваших охранников на время путешествия, — вывел меня из транса суровый голос дазгана. — Эден Арзуин, моя правая рука, — один из даханнов, тот, что повыше, галантно поклонился и мне показалось, что в его глазах мелькнуло предвкушение. — Лиер Ордзан, мой адъютант и секретарь. — второй тоже сделал приветственный поклон.

— Виель... — пролепетала я в полном восторге, — Виель Димантис.

Они оба казались мне не настоящими, а какими-то сказочными существами, сошедшими со страниц с фантастическими историями. Я зачарованно таращилась на них, не в силах отвести глаза, пока моего слуха не коснулось тоненькое подвывание, полное еле сдерживаемого ужаса.

— Рини? — я изумленно перевела взгляд на девочку. Та тоже не могла оторваться от созерцания даханнов, только в ее глазах вместо восторга таился страх. — Что с ней?!

Дазган, все еще в маске, подошел ко мне и взял Рини за руку. Он что-то шепнул ей и девочка безропотно пошла за ним к столу, где молча села и сложила руки на коленях. Я в шоке обвела взглядом всю честную компанию и машинально оглянулась в поисках выхода.

— Не бойтесь, эйрина, — один из ангелов (или эльфов, или фейри) протянул ко мне свою сияющую руку. — Ваша подруга отреагировала так, как и должна. Для любого санхейо наш вид будет пугающим и отталкивающим, это единственное, что мы можем сделать для этих девушек.

Я нахмурилась. Совсем ничего не понимаю! Зачем увозить девушек, делать из них наложниц, заставлять рожать сыновей и при этом говорить, что отталкивающий вид хозяев — единственное, что они могут сделать для своих шейнаб?

— А что со мной не так? — против воли вырвалось у меня. — Почему я не боюсь?

— Что вы видите?

Дазган подошел ко мне и театральным жестом скинул свой плащ. Темная ткань была небрежно брошена на спинку ближайшего стула. Туда же отправились перчатки, открыв слабое сияние обнаженной кожи. Затем он потянулся к лицу. Я затаила дыхание. Не отпуская моего взгляда, мужчина начал медленно стягивать свою маску. Я стояла так близко, что увидела, как изменились его глаза. Теперь их не искажали прорезы черной маски, теперь я видела его глаза во всей их чудовищной красе: насыщенная желто-зеленая радужка, янтарный ободок по краю, отсутствие белка... и странный зрачок, похожий на сияющую голубую звезду... Они сжимались и разжимались, пульсировали, словно две звезды в безлунную ночь, и при этом не пристально вглядывались в мое лицо. Они словно гипнотизировали меня.

Сглотнув, я перевела взгляд ниже и уткнулась в тонкие губы, которые сейчас кривились в горькой усмешке. Меня будто что-то толкнуло, выводя из транса. Я отшатнулась, оступилась на ровном месте и едва не упала... но крепкие руки успели меня подхватить. Одно мгновение — и я уже прижата к твердой груди дазгана.

— Не переживайте, эйрина, — шепнул он мне на ухо непозволительно интимным тоном, — это только первое впечатление. Так всегда бывает, когда даханни видят даханна в первый раз. Через пару часов все пройдет, но дай нам Вир силу воли пережить это путешествие...

Он внезапно притянул меня еще ближе и пристально вгляделся в мои глаза.

— Сколько вам лет?

— Двадцать пять, — отстраненно ответила я.

Его необыкновенные загадочные глаза манили, как два бездонных колодца, на дне которых затерялось по звезде. Легкое головокружение не давало мне сосредоточиться на его словах.

— Двадцать пять?! Когда было?

Я глупо улыбнулась и попыталась притиснуться еще ближе. Кажется, я не контролировала свое тело. Дазган грубо встряхнул меня, да так, что клацнули зубы. Наваждение тут же улетучилось.

— Когда было? — повторил он почти рыча.

— Будет! — я вырвалась из его рук и только сейчас увидела, что и остальные даханны настороженно следят за мной своими невероятными глазами-звездами. — У меня послезавтра день рождения. И что?!

Кажется, я сказала что-то не то. Помощник и адъютант тихо охнули, дазган сжал челюсть так, что скрипнули зубы, и у всех троих сияние на миг вспыхнуло сильнее, будто от сильных душевных переживаний.

— Как вовремя, — прошептал мужчина и коснулся пальцем кулона на моей шее. — Надеюсь, все обойдется...

Я скептически хмыкнула.

— Не знаю, зачем вам знать когда мне будет двадцать пять, но дело в том, что я приемный ребенок. Седьмое эловеля стало моим днем рожденья лишь потому, что именно в этот день мой названный отец нашел меня.

Зрачки дазгана резко расширились, превращая глаза в две сияющие звезды, но тут же сжались почти до точечного состояния. Я содрогнулась. Наваждение, вызванное необычной внешностью мужчин, понемногу спадало, я вновь могла ясно мыслить и в моей голове возникло пугающее утверждение: даханны не люди! И вполне закономерный вопрос: а кто они?!

— Так вы не знаете, в какой день родились? — изумился эйр Арзуин. — И своих истинных родителей тоже?

— Нет.

Все трое быстро обменялись многозначительными взглядами. Или я чего-то не понимаю, или прямо у меня на глазах плетется интрига, а мне даже объяснить не хотят.

Они начали переговариваться вполголоса на неизвестном певучем языке, при звуках которого у меня внутри словно тренькнула тоненькая струна. Сердце сжалось от внезапной тоски. Что это?!

И вместе с тем у меня вдруг появилось ясное осознание того, что если я сейчас начну капризничать, мне никто и слова не скажет. Мое ехидное внутреннее “я” тут же потребовало проверить это на практике, не задумываясь о последствиях.

— Эйры! — я нетерпеливо притопнула ножкой. — Мне бесконечно приятно ваше общество, но не могли бы мы переместиться ближе к столу?

Они настороженно взглянули на меня, а их руки рефлекторно дернулись к горлу, проверить наличие амулета. Я хмыкнула. Эти трое начали вести себя так, будто я была бочкой с порохом в окружении горящих свечей. И когда я осознала их нервозность, то с удивлением ощутила зарождающуюся внутри себя волну удовлетворения. Удивительно! На интуитивном уровне моя сущность восприняла их беспокойство как толчок к дальнейшим действиям.

Я шагнула ближе, так, что смогла уловить исходящий от них легкий аромат. В нем смешались нотки озона, морской свежести, древесной коры и тонко выделанной кожи... И мне показалось, что даханны судорожно вздохнули, когда я оказалась почти вплотную от них.

— Я ужасно голодна, — добавила я, борясь с постыдным бурчанием в животе, — вы можете продолжить свое общение после ужина?

На лицах мужчин за одно мгновение сменилось с десятков выражений, начиная от вспышки удовольствия и кончая острой тоской. Дазган хмуро уставился на свой амулет, пробормотал какое-то ругательство и жестом пригласил к столу, где уже застывшей статуей сидела Рини.

За ужином мне кусок в горло не лез. А вы попробуйте есть под тремя безотрывными мужскими взглядами, которые как приклеенные сопровождают каждое ваше движение. Особенно меня смущало, что даханны не спускали глаз с моего лица, наблюдая, как я кладу пищу в рот, облизываю губы, пью из бокала... Синие звезды в их глазах загадочно мерцали, заставляя меня нервничать, сияние кожи мягко переливалось всеми оттенками перламутра, а вот брови недовольно хмурились. Было такое ощущение, будто они чувствуют что-то связанное со мной, но это что-то им сильно не нравится.

Что касается Рини, то она ела как под гипнозом, все, что ей ложили в тарелку. Я поняла, что дазган навел на нее чары и готова уже была возмутиться, но потом решила, что так даже лучше. Бедной девочке и так не просто, пусть хоть поест спокойно.

Наконец, когда голод был утолен, я аккуратно сложила салфетку и удовлетворенно откинулась на спинку стула. Даханны как по команде отложили свои приборы и встали. Они что, ждали, пока я поем? Я воззрилась на них не скрывая свое удивление.

— Эйрина Димантис, настало время серьезно поговорить...

Эйр Ордзан клятвенно уверил меня, что присмотрит за Рини, пока мы с эйром дазганом прогуляемся по палубе. Я только хмыкнула. Эйр дазган. Может он хоть сейчас скажет мне свое имя?

На палубе оказалось весьма прохладно. Огромный раскаленный шар закатного солнца медленно погружался в бескрайнюю морскую гладь, слегка волновавшуюся под легким бризом. Багряные паруса гордо реяли над моей головой, темными полотнищами трепеща на ветру. Верхушки мачт, борта и форштень светились странными желтыми огоньками и такие же огоньки мерцали позади нас в море — это следом за фрегатом шла остальная флотилия с будущими шейнаб на борту.

Я зябко поежилась и прижалась к фальшборту, ожидая, пока дазган мервый начнет разговор.

— У вас, наверное, много вопросов? — медленно произнес он.

— Да уж, — хмыкнула я, обхватывая себя руками. Холодно!

Он скинул плащ, который вновь надел после ужина, и молча закутал меня в него.

— Я совершаю большую ошибку, — пробормотал он, будто про себя, — кажется, я переоценил свои силы.

— Опять какие-то тайны! Я уже устала от этих намеков.

— Я просто не знаю, с чего начать.

Его встревоженное лицо с идеальными чертами тихо светилось в вечернем полумраке, а глаза

казались бездонными озерами.

— Трудно рассказывать о том, что считается общеизвестным для нас... но вам может доставить много хлопот. Вы ведь ничего не знаете о своем происхождении? И я тоже не пойму, как так случилось...

Дазган медленно начал свой рассказ и по мере того, как он говорил, передо мной все ярче и ярче вырисовывалась картина моего безрадостного будущего.

Оказалось, даханни живут кланами, каждый клан имеет своего вождя — эрзуна, который так же является предводителем собственной армии, присягнувшей на верность императору, и входит число его генералов. Кланов постоянно конкурируют между собой, но если еще двести лет назад сражались за земли и золото, то теперь главным сокровищем стали даханни

Эйра Димантис сказала мне правду: во время Войны женщины даханнов действительно стали бесплодны. Женщины. Но девушки, не познавшие мужчину, сохранили способность к воспроизведению, правда она ограничивалась только одним ребенком. И по какой-то тайной прихоти богов, рождались лишь девочки.

С каждым поколением количество женщин уменьшалось. Они превратились в э

Оказалось, даханни живут кланами, причем в соответствии со строгим военно-морским регламентом. Каждый клан имеет своего вождя — эрзуна, который так же является адмиралом собственной флотилии, присягнувшей на верность императору, и входит в число его генералов. У каждого эрзуна есть свои контр-адмиралы — секайи и командоры — тогуны. Дазган приравнивается к капитану на корабле и к сотнику в пехоте, так что я почти не ошиблась в своих подозрениях. А вот приставленные ко мне охранники — хурраны или лейтенанты, как у нас говорят.

В империи Тысячи Островов правит военно-морская элита: эрзуны, секайи и тогуны являются высшей аристократией, что-то вроде наших герцогов и маркизов. Соответственно, дазганы это графы, а хурраны — бароны. Кланов постоянно конкурируют между собой, многие даже пиратствуют, но если еще двести лет назад сражались за острова и золото, то теперь главным сокровищем стали даханни.

Эйра Димантис сказала мне правду: во время Войны женщины даханнов действительно стали бесплодны. Женщины. Но девушки, не познавшие мужчину, сохранили способность к воспроизведению, правда она ограничивалась только одним ребенком. И по какой-то тайной прихоти богов, рождались лишь девочки.

С каждым поколением количество женщин уменьшалось. За каких-то сто лет их численность сократилась настолько, что теперь взять в жены даханни стало привилегией, воспользоваться которой могли лишь эрзуны и их приближенные — секайи и тогуны. А вот простым дазганам и хурранам оставалось довольствоваться лишь шейнаб, как и всем остальным.

Но вот какая штука, для любого даханна связь с санхейо была противоестественной. Особые светящиеся флюиды, придававшие их коже легкое сияние, вызывали у девушек неконтролируемое возбуждение, которое в девяноста случаев из ста заканчивалось безумием. Лишь десять процентов переживали первую близость с даханном и оставались в своем уме. Хотя, это не влияло на детородность, но вот вступать в связь с безумной... Такое не пожелаешь и врагу.

Именно поэтому император издал указ: каждый даханн имеет право только на одну шейнаб и

пока она жива, может даже не рассчитывать на вторую. А кому охота провести всю жизнь с сумасшедшей? Вот и придумали они очень действенный способ отпугивания. Сначала маски и перчатки, а потом научились глушить сияние с помощью магии. Потому Рини и испугалась в карете: дазган именно этого и добивался, ее страх был предпочтительнее, чем животная похоть.

Но брать женщину, которая трясется от страха? У даханнов не было выбора. Либо страх, либо похоть, правда, в первом варианте девушки оставались в своем уме.

А вот даханни являлись лакомым кусочком, мечтой, недостижимой для многих. Этих девушек тщательно охраняли, прятали за семью замками в самых высоких башнях. За право владеть таким сокровищем, отдавались несметные богатства, десятки цветущих островов, целые флотилии. Эрзуны плели интриги, устраивали набеги, похищали своих избранниц — все что угодно, лишь бы завладеть такой желанной добычей.

Боги наградили даханни особым даром: запах тела, тембр голоса, особая аура — все было направлено на то, чтобы подчинить суровый мужской дух, сделать каждого даханна своим верным рыцарем и паладином. Это был инстинкт, заложенный самой природой, и ни один мужчина не мог ему сопротивляться, потому-то и нужны были защитные амулеты. Без этих магических артефактов мужчины не выдержали бы рядом со мной три недели на одном корабле.

— Правда, — невесело усмехнулся дазган, — эти способности проявляются только после совершеннолетия. Оно наступает в двадцать пять лет. Именно в момент двадцать пятого рождения происходит особо сильный выброс флюидов. Так юная даханни привязывает к себе защитников, готовых охранять ее ценой собственной жизни. Если это произойдет на корабле, где мы все в замкнутом пространстве, у вас появится пара десятков назойливых поклонников. И будет хорошо, если мы не перебедем друг друга до прихода в ближайший порт. А едва о вас станет известно на Островах, как начнется настоящая охота. Вы как пушечное ядро с зажженным фитилем, можете взорваться в любой момент. Теперь вы понимаете, почему я так беспокоюсь?

Я нервно повела плечами. Вот так история! Всю жизнь считала себя дурнушкой, а тут, оказывается, меня и косую, и кривую с руками оторвут. Да еще и передерутся насмерть, выясняя, чей я трофей.

— И что мне теперь делать? — потерянно прошептала я.

— Вам — ничего. Я сразу понял кто вы, едва увидел амулет на вашем запястье. Только у наших девушек он светится так ослепительно ярко. И чем ярче сияние, тем сильнее потенциал у даханни. Кстати, не только мы вызываем безумие у санхейо. Вам повезло, что ваша мачеха подставила вас. Если бы ваше совершеннолетие наступило на материке, все окружающие мужчины сошли бы с ума от желания к вам.

Ничего себе перспектива! Вот тебе и серая мышка! Только кучи озабоченных самцов мне и не хватало.

— Но ведь должен же быть какой-то способ остановить это безумие?

— А он и есть. Только вряд ли бы вы им воспользовались. Тело даханна как наркотик для санхейо. Близость с ним вызывает эйфорию и привыкание, разлука — сильнейшую ломку. Наши шейнаб сходят с ума от желания, больше ни о чем не способны думать, но мужчина может, хоть и на краткий миг, удовлетворить свою женщину. А вот вас я не представляю в этой

роли.

Я покраснела, сообразив, о чем он говорит. Если у даханна была шейнаб, он должен был удовлетворять ее потребность в нем, потребность, которая становилась манией. И если бы я не убралась с континента, то в скором времени была бы атакована толпой сумасшедших мужчин, желающих моего тела. И вряд ли бы мне захотелось их всех удовлетворять

Я покраснела, сообразив, о чем он говорит. Если у даханна была шейнаб, он должен был удовлетворять ее потребность в нем, потребность, которая становилась манией. И если бы я не убралась с континента, то в скором времени была бы атакована толпой сумасшедших мужчин, желающих моего тела. И вряд ли бы мне захотелось их всех удовлетворять!

Вздыхнув, я попыталась взять себя в руки и рассуждать логически. Итак, что мы имеем...

Я одинокая девушка без роду и племени, прожившая всю жизнь в крошечном поселке, осталась защиты, без денег и без связей. Плыву на этом корабле в страну, о которой ничего не знаю для того, чтобы стать чьей-то собственностью? Если все, что говорит дазган правда, то меня ждет весьма невеселое будущее.

— Что меня ждет, когда мы прибудем в Ризенпорт?

Он нервным жестом откинул с лица серебристо-пепельную волнистую прядь, упавшую ему на глаза, и отвел взгляд.

— У вас нет своего клана. Значит, вашим опекуном станет наш император. И претендовать на брак с вами сможет любой эрзун, секай или тогун. Кто даст больший выкуп, тот и получит. Если бы вы смогли найти свой клан, то тогда остались бы среди родственников... но вы же ничего не знаете о своих родителях? Как вы вообще попали на материк?

— Отец, вернее, приемный отец нашел меня в море. Это все, что я знаю. До сегодняшнего дня я считала себя санхейо, — я смущенно покраснела, — правда, несколько неудачной.

— Неудачной? — он с интересом уставился на мое лицо, потом опустил взгляд ниже, на скромный лиф платья, плотно обхватывавший мою грудь. — В каком смысле?

Я нервно засмеялась, пытаюсь за смехом скрыть неловкость. Неужели не понимает? Как я могу рассказывать практически незнакомому мужчине такие интимные вещи?

— Ну же, вы заинтриговали меня.

Он словно подстегивал меня рассказать о своих сомнениях.

— Я считала себя дурнушкой, — вздохнула я. — По сравнению с другими девушками санхейо я не очень хороша собой...

Он понимающе улынулся и, протянув руку, нежно поднял мое лицо за подбородок. Пытливый взгляд скользнул по моему лицу, уделил особое внимание губам и, спустившись ниже, задержался на скромном лифе моего платья, туго обтягивавшем грудь.

— Ваша внешность, действительно, весьма необычна, — сказал он, заставляя меня покраснеть еще больше, — я вижу в вас толику шейенской крови. Такая форма лица присуща только им, но в остальном вы даханни, причем довольно хорошенькая. Так что не забивайте свою милую

головку подобной ерундой. У вас есть три недели чтобы подготовиться жить по новым правилам. Изучайте книги, которые я вам дал. Они лежат на столике в вашей каюте. Если возникнут вопросы, мои хурраны на них ответят. И еще, лучше не появляйтесь на палубе лишний раз... во избежание, так сказать. Если за эти три недели начнется перерождение, я не хочу, чтобы кто-то из моих людей пострадал.

— Пострадал?

— Ни один даханн не сможет сопротивляться притяжению новорожденной даханни. Мне просто придется убить всех, кто попадет под ваше влияние. А я бы этого не хотел. Идемте, я провожу вас в каюту.

Я так поняла, что разговор окончен. Зато полученной информации хватит на всю бессонную ночь.

Солнце сверкнуло в последний раз и погасло, исчезнув за горизонтом. Я подняла голову и восторженно ахнула. Никогда в жизни я не видела такого прекрасного ночного неба! Оно было похоже на черный бархат, по которому кто-то рассыпал сверкающие бриллианты. Далекие звезды переливались, точно драгоценные камни, манили своей недоступностью и красотой. У меня даже голова закружилась от этого великолепия!

А под прекрасным ночным небом, в серебристом свете звезд, летели, подгоняемые ветром, фрегаты с багровыми парусами. И яркие желтые огоньки, усеявшие борта и снасти, придавали им сходство с призрачными кораблями из санхейских легенд.

Я покраснела, сообразив, о чем он говорит. Если у даханна была шейнаб, он должен был удовлетворять ее потребность в нем, потребность, которая становилась манией. И если бы я не убралась с континента, то в скором времени была бы атакована толпой сумасшедших мужчин, желающих моего тела. И вряд ли бы мне захотелось их всех удовлетворять!

Вздыхнув, я попыталась взять себя в руки и рассуждать логически. Итак, что мы имеем...

Я одинокая девушка без роду и племени, прожившая всю жизнь в крошечном поселке, осталась защиты, без денег и без связей. Плыву на этом корабле в страну, о которой ничего не знаю для того, чтобы стать чьей-то собственностью? Если все, что говорит дазган правда, то меня ждет весьма невеселое будущее.

— Что меня ждет, когда мы прибудем в Ризенпорт?

Он нервным жестом откинул с лица серебристо-пепельную волнистую прядь, упавшую ему на глаза, и отвел взгляд.

— У вас нет своего клана. Значит, вашим опекуном станет наш император. И претендовать на брак с вами сможет любой эрзун, секай или тогун. Кто даст больший выкуп, тот и получит. Если бы вы смогли найти свой клан, то тогда остались бы среди родственников... но вы же ничего не знаете о своих родителях? Как вы вообще попали на материк?

— Отец, вернее, приемный отец нашел меня в море. Это все, что я знаю. До сегодняшнего дня я считала себя санхейю, — я смущенно покраснела, — правда, несколько неудачной.

— Неудачной? — он с интересом уставился на мое лицо, потом опустил взгляд ниже, на скромный лиф платья, плотно обхватывавший мою грудь. — В каком смысле?

Я нервно засмеялась, пытаюсь за смехом скрыть неловкость. Неужели не понимает? Как я могу рассказывать практически незнакомому мужчине такие интимные вещи?

— Ну же, вы заинтриговали меня.

Он словно подстегивал меня рассказать о своих сомнениях.

— Я считала себя дурнушкой, — вздохнула я. — По сравнению с другими девушками санхейо я не очень хороша собой...

Он понимающе улыбнулся и, протянув руку, нежно поднял мое лицо за подбородок. Пытливый взгляд скользнул по моему лицу, уделил особое внимание губам и, спустившись ниже, задержался на скромном лифе моего платья, туго обтягивавшем грудь.

— Ваша внешность, действительно, весьма необычна, — сказал он, заставляя меня покраснеть еще больше, — я вижу в вас толику шейенской крови. Такая форма лица присуща только им, но в остальном вы даханни, причем довольно хорошенькая. Так что не забивайте свою милую головку подобной ерундой. У вас есть три недели чтобы подготовиться жить по новым правилам. Изучайте книги, которые я вам дал. Они лежат на столике в вашей каюте. Если возникнут вопросы, мои хурраны на них ответят. И еще, лучше не появляйтесь на палубе лишний раз... во избежание, так сказать. Если за эти три недели начнется перерождение, я не хочу, чтобы кто-то из моих людей пострадал.

— Пострадал?

— Ни один даханн не сможет сопротивляться притяжению новорожденной даханни. Мне просто придется убить всех, кто попадет под ваше влияние. А я бы этого не хотел. Идемте, я провожу вас в каюту.

Я так поняла, что разговор окончен. Зато полученной информации хватит на всю бессонную ночь.

Солнце сверкнуло в последний раз и погасло, исчезнув за горизонтом. Я подняла голову и восторженно ахнула. Никогда в жизни я не видела такого прекрасного ночного неба! Оно было похоже на черный бархат, по которому кто-то рассыпал сверкающие бриллианты. Далекие звезды переливались, точно драгоценные камни, манили своей недоступностью и красотой. У меня даже голова закружилась от этого великолепия!

А под прекрасным ночным небом, в серебристом свете звезд, летели, подгоняемые ветром, фрегаты с багровыми парусами. И яркие желтые огоньки, усеявшие борта и снасти, придавали им сходство с призрачными кораблями из санхейских легенд.

Выделенная нам каюта оказалась небольшой, но достаточно удобной. На этом корабле явно не привыкли к присутствию женщин, но эйр дазган постарался на славу, даже прикраватный коврик нам раздобыл. Вернее, это была шкура какого-то животного, но до того белая и пушистая, что я не удержалась. Скинула чулки и туфли и с наслаждением погрузила стопы в это великолепие.

Рини спала, сладко посапывая, на огромной кровати с москитной сеткой. Я не стала ее будить. Бедный ребенок, столько всего пережить и все из-за меня! Если бы не я, она бы сейчас была с остальными девушками. Ела бы с ними, общалась, делилась поддержкой, а что я? Такая же

чужачка, как и эти даханны.

Рядом с кроватью обнаружился стол-тумба с выдвижными ящичками, в которые кто-то уже аккуратно разложил наш багаж. Я покраснела, представив, как один из хурранов вынимает из саквояжа и рассматривает мое нижнее белье. Нет, оно у меня очень скромное — простое бежевое трико длиной до середины бедра — но сама мысль о том, что посторонний мужчина видел, что я ношу под платьем... о, Двуликий! Завтра я сгорю со стыда, если мне придется вновь с ними встретиться. Я захлопнула ящик и уставилась на столешницу.

В центре стола высилась внушительная стопка книг в твердых кожаных переплетах. Рядом папка со скоросшивателем, дырокол и письменный прибор на подставке: серебрянная чернильница с откидной крышкой, изящная перьевая ручка, несколько карандашей, коробочка с песком и ластик. Такие ручки и карандаши только недавно появились на свет и на материке их могли позволить себе только очень богатые люди. Все остальные довольствовались прежним: гусиным пером и грифелем. Здесь даже бумага была белее и тоньше чем та, на которой я писала в детстве. И она была так странно сложена... листок к листку, аккуратно, будто солдатики в строю. И на каждом в правом верхнем углу небольшой вензель с буквами "КР" — инициалами эйра дазгана. Я уже называла его про себя Рейхо. Эйр дазган слишком холодно и официально, а имя делало его более доступным, что ли.

Я открыла верхнюю книгу. "Всемирная история от возникновения жизни до наших дней. Том первый". Второй оказалась та же "История", только том второй, а еще был третий и четвертый. Причем везде на титульном листе указывалось, что история идет сокращенным курсом. То есть, здесь выложены только главные тезисы и события, но именно так, как их видят даханны.

Под четырьмя томами "Истории" обнаружилось "Возникновение рас и их взаимодействие", "Магические отличия первой-третьей категории" и "Тысяча Островов. Возникновение империи. Государственный строй". Все книги были написаны сухим канцелярским языком и явно предназначались не для изучения в школе. Я решила начать с "Империи", но сначала следовало привести себя в порядок и отдохнуть. Интересно, а как тут моются?

Я прошла по каюте, разглядывая обстановку. В дальнем углу виднелась неприметная дверца. Так и есть, уборная. Большая ванна бронзовая ванна на ножках в виде львиных лап была наполнена чистой холодной водой, рядом фаянсовый умывальник. Идеально чистый стульчак примостился за скромной ширмой. На полочке над умывальником стояли стеклянные банки, похожие на широкие низкие колбы. В каждой из них лежали упругие шарики, наполненные непонятной субстанцией разных цветов.

Я задумчиво покрутила банку с желтыми шариками. Внутри нашлась инструкция: "Подогреватель. Бросать в воду по мере необходимости".

Я хмыкнула и кинула в ванну один шарик. Он зашипел, начал пузыриться, вода вокруг него резко вскипела и пошла волнами.

Когда шарик полностью растворился, я рискнула сунуть руку в ванну. Вода оказалась гораздо теплее, чем была. Я добавила еще пару штук. Пока они растворялись, осмотрела остальные банки.

Что ж, похоже даханны намного опередили жителей материка. Островитянам ни к чему такие вещи как канализация, водопровод или банальный котел для подогрева воды. В банках лежали шарики на все случаи жизни: голубенькие с водой (кто-то позаботился обо мне и заранее кинул в ванну несколько штук), чёрные для опорожнения ванны и туалета, зеленые с жидким мылом

для тела, а красные — для волос. Были еще маленькие мятные пастилки для очищения рта, которые растворялись во рту с тихим шипением и делали зубы гладкими, а дыхание свежим. Я не могла удержаться, чтобы не попробовать все это.

Быстренько скинула одежду прямо на пол, расплела волосы и залезла в ванну. Погрузилась в горячую воду по самый подбородок и блаженно откинулась на бортик. Тело расслабилось, напряжение минувшего дня постепенно отступало, позволяя наслаждаться моментом.

Было так хорошо, что я едва не уснула, но остывшая вода вывела меня из состояния полудремы. Подкинув еще пару желтых шариков, я взяла зеленый и, следуя инструкции, опустила в воду. Опять шипение — и маленький упругий шарик превращается в моих руках в кусок мягкой пористой субстанции, похожей на морскую губку, только вдобавок еще и полную ароматной мыльной пены. Мочалка? Дома мы делали их из лыка или люффы, но здесь я не смогла опознать материал. Хотя это и не было так уж важно.

Мыться было одно удовольствие. Я с удовлетворенным вздохом смывала с себя вместе с дорожной пылью все переживания и тревоги, которые еще недавно грызли мою душу. Будь что будет, в конце концов ловушка захлопнулась, с корабля путь один: либо в море, либо на Острова. Но топиться я не собиралась. Значит, за эти три недели я должна подготовиться к новой жизни, выучить все их обычаи и законы, чтобы по незнанию не попасть в просак, и попробовать найти свой клан. Не хочу, чтобы меня выставили на торги как племенную кобылу. С императором не поспоришь, а вот с родственниками можно. Вдруг мне повезет и я окажусь какой-нибудь богатой наследницей?

Следуя инструкции, я аккуратно сдавила в ладони красный шарик. Упругая оболочка лопнула и содержимое расплылось ароматной лужицей, похожей на фруктовый кисель. Жидкое мыло для волос. Какая прелесть! Если все даханни пользуются этими изумительными шариками, то любая санхейо может им только позавидовать!

Основательно вымывшись и сполоснувшись, я кинула в ванну черный шарик и с интересом наблюдала, как он завертелся волчком, создавая маленький водоворот. Вода устремилась в его середину, уровень начал быстро понижаться, пока остатки не всосались с легким всхлипом. После этого шарик схлопнулся, исчезая из глаз. Я осталась стоять в абсолютно сухой ванне. И тут в мою голову постучалась умная мысль. А полотенце?

Полотенца я не взяла... и что теперь? Скакать голой по каюте, оставляя за собой лужи воды? Похоже, другого выхода нет, если только я не собираюсь сидеть здесь, пока не высохну. Надеюсь, никому не придет в голову навестить нас сейчас.

Я осторожно отворила дверь и высунула нос. Облегченно вздохнула: Рини крепко спала, больше никого не наблюдалось.

Аккуратно, на цыпочках, я прокралась к столу и присела на корточки, вытаскивая нижний ящик, в котором лежала пара банных полотенец, тех самых, что я прихватила в дорогу на всякий случай. Кто-то из хурранов добавил еще несколько, видимо для комфорта.

Ящик застрял. Я дернула его пару раз, но все было безрезультатно. Прошипела сквозь зубы проклятие и огляделась в поисках подручных средств.

В это время в дверь кто-то постучал.

Я ойкнула. Взгляд испуганно заметался. Что делать?!

— Эйрина Димантис? — раздался приглушенный голос дазгана с той стороны двери. — Простите за вторжение. Вы ещё не спите?

Зачем пришел? Что ему нужно?

Я дернула ящик еще раз. Бесполезно! Вскочила на ноги, схватилась за край покрывала, лежавшего на кровати, намереваясь прикрыться хотя бы им. И тут удача, похоже, отвернулась от меня. Ноги подскользнулись, разъезжаясь на мокром паркете, я заорала, взмахнув руками в тщетной попытке схватить воздух, и вдруг поняла, что сейчас

рухну во весь рост.

Удар о землю слился с громким треском. Дазган плечом высадил дверь и ворвался, размахивая своей саблей.

Рини испуганно подскочила на кровати, прижимая одеяло к груди.

А я только нервно сглотнула и покорно закрыла глаза, понимая всю глубину моего позора. Мокрая, голая и на полу. Куда уж хуже!

Хотя нет, не совсем голая. Широкое атласное покрывало скромно прикрыло мое несчастное тельце, оставив голыми ноги от самых колен. Можно надеяться, что дазган сейчас уберется и моя репутация не пострадает.

Глаза мужчины метали молнии. Взгляд обшарил каюту в поисках опасности. Широкий столтумба закрывал ему обзор со стороны дверей, позволяя увидеть лишь мои пятки. Темные брови дазгана изумленно взлетели вверх.

— Эйрина? — в тихом голосе бездна изумления и беспокойства. — Что здесь происходит?

Я глухо застонала. От отчаяния и боли. Моя бедная голова приложилась о пол едва поджившей раной. Так и последний разум можно растряссти, а он в моей ситуации ох как нужен!

Эйр дазган обошел вокруг стола и остолбенел, увидев мое распростертое тельце. Его взгляд споткнулся о мои ноги, замер, затем метнулся в сторону. Мужчина поспешно шагнул назад, отвернулся и хрипло выговорил:

— Вы пострадали?

— А? — в голове гудело. — Нет, ничего страшного, не беспокойтесь!

О, Дзуликий, какой у меня писклявый голосок! Неужели это несчастное, побитое, мокрое существо — я?! Осталось только закрыть глаза и умереть со стыда.

— Эйрина Рувейнис, — он обернулся к Рини и смерил девочку оценивающим взглядом. Та сидела на постели и тряслась как овечий хвост. — Вы одеты?

Она нервно кивнула. Дазган заметно расслабился.

— Подойдите ко мне.

Он стоял, не шевелясь, так что кроме моих голых пяток вряд ли что видел из-под стола и, похоже, приближаться не собирался.

Рини неловко выбралась из одеяла и несмело подошла к нему, остановилась на расстоянии двух шагов и замерла, кося испуганным взглядом в мою сторону. Дазган поджал губы и недовольно нахмурился.

— Помогите эйрине Димантис, — сухо произнес он, повернулся спиной и шагнул в сторону дверей. Рини приблизилась ко мне и присела на корточки, не зная, что делать дальше. Ее губы дрожали, в расширенных глазах стояли слезы.

— Эйр Кархадан, — слабо позвала я. — А что вы хотели?

Дазган замер, его спина заметно напряглась.

— Ничего важного. Пусть ваша... компаньонка уложит вас в постель. Я пришлю судебного целителя.

— Не надо! — испуганно вскрикнула я. — Зачем целитель? Со мной все хорошо.

Мужчина нервно сжал пальцы в кулак, глубоко вздохнул, выдохнул и нарочито бесстрастным тоном произнес:

— На этом корабле мои приказы не обсуждаются.

И вышел, так и не обернувшись

” “Казалось, такая красота не могла появиться случайно, здесь приложил руку великий скульптор, создавший прекрасные статуи и ожививший свое творение.

Тело каждого даханна, прежде скрытое плащом, оказалось подстать его лицу. Каждый из незнакомцев был высок, гибок и строен. Без агрессивно бугрящихся мышц, но с грацией прирожденного фехтовальщика и скрытой силой затаившегося тигра.

Идеальная военная выправка; строгий мундир черного цвета, украшенный серебрянным галуном. Не смотря на позднее время, форма абсолютно безупречна; все пуговицы застегнуты, светлые волосы забраны в низкий хвост и зачесаны волосок к волоску. На воротнике-стойке узкие лычки с непонятным значком, такой же значок нашит на правом предплечье: вписанная в голубой круг перевернутая пурпурная пирамида, а в центре серебрянный якорь. Через грудь, крест на крест, идут две широкие портупей. У правого бедра красуется слегка изогнутая абордажная сабля с широким эфесом, у левого — кортик. Черные гладкие ножны украшены серебряной филигранью. На поясе, с двух сторон, торчат инкрустированные серебром рукоятки пистолетов. И такое чувство, будто передо мной не живые существа, а идеальные машины для убийства.

Каждый открытый участок кожи этих мужчин испускал слабое серебристое сияние, окружавшее их словно дымка. Светились лица, руки, волосы... было такое ощущение, будто их головы украшает сияющий нимб.”

А то непонятно, в чем одеты, чем вооружены. Корабль-то военный. Перестанет глючить СИ закину картинку для наглядности. Ориентируюсь на середину 19-го века. Поэтому стрелковое оружие в полном ходу))) Как и холодное.

Дазган вернулся буквально через несколько минут. Позади него следовал еще один мужчина — целитель. Я едва успела натянуть сорочку и лечь в кровать, до которой добралась только

благодаря Рини. Меня мучило из-за сильного головокружения и тошноты, а тут еще и эта качка! Похоже, меня посетила морская болезнь во всей красе.

Целителем оказался даханн. Без маски и без перчаток, в темно-зеленом мундире с серебрянным позументом. На груди поблескивал темно-синий камень. Как приятно! Такой большой мужчина и боится маленькую меня!

Он даже не присел. Поводил руками над моим телом, совершил несколько пассов и выпрямился.

— Морская болезнь, сильный ушиб, тошнота, головная боль, — вынес он вердикт сухим официальным тоном, обращаясь, явно не ко мне. С другой стороны кровати мрачной статуей возвышался дазган. — Вы предпочитаете традиционный метод или лечение на основе трав?

— Традиционно это как? — пискнула я.

Меня смеряли тяжелым взглядом. Причем оба.

— С помощью магии, — лаконичный ответ.

Я пожала плечами. Как тут все странно! У санхейо лечились травами: отварами, настойками, припарками. А даханн используют магию. На материке редко кто рисковал обращаться к колдунам, разве что выхода не было, а здесь, наоборот, не доверяют природным методам. Насколько же разные эти две расы. И я застряла между ними: уже не санхейо, но еще не даханни.

— Делайте, что считаете нужным, — дал отмашку эйр Кархадан

Целитель удовлетворенно хмыкнул. Разогрел ладони, потирая их друг о друга, и мягко прижал пальцы к моим вискам. Мне показалось, будто через меня пропустили ослепительную, горячую молнию.

Нет, это было не больно. Странно, но не больно. Мелкая дрожь прошла по моему телу от висков, до самых пяток, а потом вернулась обратно. И тут же какое-то чувство легкости наполнило меня; внутри словно лопались тысячи пузырьков, как будто я была игристым вином.

Я изумленно ахнула: боль ушла! И меня больше не тошнило!

На радостях расплылась в благодарной улыбке. Легкое сияние целителя вспыхнуло на мгновение, будто радуясь, но сам он поспешно отшатнулся. Дазган нахмурился, буравя меня мрачным взглядом.

— Как вы себя чувствуете?

— О! Уже лучше, спасибо.

Кажется, я зарделась.

— Отлично. Надеюсь, с вами больше ничего не случится?

Мог бы не упоминать!

— Нет, не стоит беспокоиться.

— Тогда, тихой вам ночи.

Я молча кивнула. Странное пожелание. Почему “тихой”, а не “спокойной”?

Мужчины аккуратно прикрыли за собой дверь. Выломанная задвижка сиротливо болталась на одном креплении. Второе было вырвано с “мясом”. Спать в открытой каюте было страшновато. Попробовать подпереть дверь?

Я сползла с кровати и выглянула в коридор. В свете странных огоньков, щедро рассыпанных по всему потолку, мои глаза наткнулись на две темные фигуры. Не даханны! А те, другие, что были на палубе.

— Эйрина, — один из них шагнул из тени на свет, — чего изволите?

Я с перепугу захлопнула дверь. Потом постучала себя по голове и снова открыла.

— Что вы здесь делаете? — надеюсь, голос у меня не дрожал.

— Личное распоряжение эйра дазгана.

Я вздохнула. Обложили со всех сторон!

Прикрыла дверь, повернулась к Рини. Та готовилась отправиться в ванну.

— А ну, помоги мне, — подозвала ее.

Вместе мы смогли сдвинуть с места громоздкий комод. Какой тяжеленный! Точно из дуба.

С противным скрипом, царапая лакированный паркет, мы протащили комод до самых дверей и придвинули вплотную. Хорошо, что двери открываются внутрь, теперь, если кто-то захочет войти, мы хоть проснуться успеем!

Удовлетворенная своей сообразительностью и умом, я забралась в постель. Все, теперь спать. Об остальном подумаю завтра.

На следующий день завтрак доставили нам в каюту, причем сам эйр дазган. Его навязчивое покровительство начинало раздражать.

Вместе с ним пришел корабельный плотник, из других, и примерно с пол часа возился с нашей дверью, прикручивая назад вырванные болты. Все это время мы с Рини сидели на кровати и следили за обоими мужчинами настороженным взглядом.

Наконец они ушли. Причем, эйр Кархадан напоследок окинул меня очень красноречивым взглядом, заставив мои щеки вспыхнуть румянцем. Я вспомнила свое позорное падение и залилась краской, пряча глаза. Интересно, он много вчера увидел?

До самого обеда нас никто не тревожил, а потому я посвятила это время сбору информации. Вытащила из стопки книг ту, что про империю, залезла на кровать и приступила к самообразованию. Рини бесцельно послонялась по каюте, повздыхала, потом вытянула откуда-то коробку с рукодельем, захваченную с собой из дома, и притихла, вышивая цветочки.

На следующий день завтрак доставили нам в каюту, причем сам эйр дазган. Его навязчивое

покровительство начинало раздражать.

Вместе с ним пришел корабельный плотник, из других, и примерно с пол часа возился с нашей дверью, прикручивая назад вырванные болты. Все это время мы с Рини сидели на кровати и следили за обоими мужчинами настороженным взглядом.

Наконец они ушли. Причем, эйр Кархадан на последок окинул меня очень красноречивым взглядом, заставив мои щеки вспыхнуть румянцем. Я вспомнила свое позорное падение и залилась краской, пряча глаза. Интересно, он много вчера увидел?

До самого обеда нас никто не тревожил, а потому я посвятила это время сбору информации. Вытащила из стопки книг ту, что про империю, залезла на кровать и приступила к самообразованию. Рини бесцельно послонялась по каюте, повздыхала, потом вытянула откуда-то коробку с рукодельем, захваченную с собой из дома, и притихла, вышивая цветочки.

Итак, что мы имеем.

Империя Амидарейн, что в переводе на санхейо звучит как “тысяча островов”, занимает одну четвёртую часть света и состоит из десяти крупных групп островов и атоллов. Острова эти образовались после какой-то древней катастрофы, которая еще в незапамятные времена уничтожила два огромных материка: Галотеннор и Умарру. По последним подсчетам, в каждой группе от пары сотен до тысячи островов.

Населяют империю три основные расы: даханны, юмати и эрраны, а так же два меньшинства — шайены и ниданги. Причем (в учебнике отдельно оговаривалось), эти меньшинства — остатки некогда великих рас, населявших древние материки. Если верить написанному, эти расы существовали задолго до того, как на планете возникли первые представители всех остальных.

Правит империей кайгун — император, причем должность эта не наследуемая, а выборная. Есть некий род — рейн — из членов которого, после смерти старого императора, военный совет избирает нового путем тайного голосования. Причем, как я поняла, в Амидарейне все сферы жизни завязаны именно на военных: здесь испокон веков во главе правительства стояли военачальники, сам император командовал огромной флотилией, а термин “ангвард” означает одно и то же: и государство, и армию.

Я читала эту книгу страницу за страницей, и с каждой строчкой мои брови поднимались все выше и выше. Теперь я могла представить себе всю скудость той информации, которой владели санхейо.

Какие расы! Да на материке были уверены, что кроме даханнов в океане больше нет разумных существ. Считалось, что живут они к западу от королевства, и кроме пары десятков островов там больше ничего нет. О, Двудикий, как же мы ошибались!

Вот уже сто пятьдесят лет учебники для наших школ писали даханны. Понятное дело, что при тотальном контроле мужского населения, школы были в основном женские. Мальчики всегда обучались на дому, но вряд ли частное образование было лучше, чем общее. Нам преподавали в основном гуманитарные науки, а так же письмо и счет. И нигде, никаким образом не упоминалось то, что не касалось непосредственно нашей жизни.

Никакого описания мира за пределами материка, никаких событий до начала Войны, ни малейшего намека о существовании каких бы то ни было рас, кроме собственно санхейо и даханнов. И странное дело, никто из моих знакомых никогда не задумывался об этом ограничении.

Наверное, как санхейо, я должна была припереть эйра Кархадана к стене и потребовать от него объяснить все это, но я уже не чувствовала единства со своим недавним прошлым. Этот корабль стал логичным завершением моей прежней жизни и началом новой. Полной тайн и пугающей неизвестности, но все же не такой беспросветной, как до этого.

В следующем параграфе шло краткое описание быта даханнов и некоторых их традиций.

Так я узнала, что каждый остров занимает отдельный род (или клан), называемый рейн, причем этим же словом обозначают и сам остров, добавляя его в название в виде окончания. Например, название Лострейн переводится, как остров чаек. И таких примеров бесчисленное множество.

Во главе каждого рейна стоял эрзун, а все остальные мужчины, от мала до велика, служили в его флоте. Корабли могли быть и частными, это не запрещалось, но тогда они выполняли лишь торговые функции. Такой корабль мог зафрахтовать любой желающий, а вот военный — такой подчинялся исключительно эрзуну своего рейна.

Сильный и богатый рейн поглощал слабые и малочисленные, становясь еще сильнее за их счет. Когда собственной территории становилось недостаточно, эрзун присоединял новые острова: деньгами, силой или, что происходило чаще всего, с помощью брачного договора.

На этом месте я несколько застряла, пытаюсь пепеварить и усвоить полученную информацию. Если верить этой книге, то если у эрзуна была дочь, то выйти замуж она могла лишь за такого же эрзуна, все остальные кандидаты отвергались, как недостойные (если только девушку не похищали), а в приданное за ней шел весь рейн ее отца.

И это касалось не только высшей знати. Каждый раз, когда заключался брачный договор, все земли, люди и другое имущество отца невесты (да и он сам) переходили под юрисдикцию счастливого мужа. Правда, при этом новобрачный брал родовое имя жены.

Получалось, что эти даханни весьма лакомый кусочек! Теперь понятно, почему вокруг них такой ажиотаж. Да будь они хоть трижды некрасивы, одно только приданное, обещанное за каждой из них, способно всколыхнуть в мужчине волну интереса.

Что ж, я и здесь немного не вписываюсь. Эйр Кархадан сказал, что я даханни — допустим, я уже и сама в это верю. Но вряд ли кому придет в голову пытаться жениться на мне, ведь за мной не идет ни великий рейн, ни острова, ни, даже, пара сотен золотых монет. Абсолютно бесполезное существо. Что на материке, что здесь.

Я отложила книгу и потерла виски. Как сложно быть чужой среди своих и своей среди чужих.

Ближе к обеду заявился эйр Кархадан. Сначала вежливо постучал. Рини покорно впустила его и вернулась назад в кресло. Разгладила юбку на коленях и уткнулась в пальцы.

Эйр замер на пороге, оставив дверь приоткрытой, окинул подозрительным взглядом нашу прелестную композицию — меня с книжкой на кровати и Рини в кресле с вышиванием в руках — и как-то через чур сухо кивнул. В душе сразу похолодело: что еще я успела натворить?

— Эйрина Димантис, не желаете отобедать в моей компании?

Да уж, не таким тоном воспитанные эйры приглашают девушку на ужин! Он эти слова

выговорил с таким усилием, будто выдавливал их из себя. Неужели ему до такой степени неприятно мое присутствие? А говорил, что я симпатичная... И зачем тогда приглашает?

Я не могла сдержаться и скривилась.

— Эйр дазган, если вам не хочется, то можете не приглашать. Мы с Рини вполне способны пообедать и здесь.

— Кархадан. Можете называть меня эйр Кархадан. Дазган я лишь для своих подчиненных, а вы, эйрина, к ним не относитесь.

Он передернул плечами и бросил в мою сторону такой мрачный взгляд, что я проглотила слова, уже готовые сорваться с моих губ.

— Какую книгу вы читаете? — спросил он, уже более мягко, но при этом так и остался стоять у порога, не приближаясь ни на шаг.

Я молча подняла обложку. “История империи”.

Он хмыкнул и поинтересовался:

— Нашли что-нибудь интересное?

— Более чем, — буркнула я, всем своим видом давая понять, что в дальнейшем разговоре не заинтересована.

Кархадан приблизился ко мне и заглянул в учебник поверх моей головы. Причем так низко нагнулся, что я ощутила на своей макушке его дыхание.

— “Государственный строй, параграф третий”, — прочитал он заглавие. — Значит, до описания рас вы еще не добрались?

Мои уши медленно залились краской, которая тут же переползла на щеки и шею. Слишком интимным было то, что я сейчас ощущала.

Горячее мужское дыхание заставило меня внутренне съежиться. Во мне точно тренькнула, обрываясь, какая-то струна, и горячая волна неожиданно окатила все тело до самых пяток. Я застыла, боясь сделать вдох.

Дазган едва заметно дернулся, потянул носом, как бы принюхиваясь, и вдруг отпрянул. Я покраснела еще больше. В чем дело? От меня воняет?

Ошеломленная, я подняла взгляд на Кархадана. Тот, нахмутив брови, разглядывал свой защитный амулет. В его глазах сияло искреннее недоумение.

— Ничего не понимаю, — пробормотал он, словно про себя. Потом встретился со мной взглядом и его лицо вмиг посуровело. Будто маску надел. — Нам надо поговорить, я тут полистал кое-какие документы... — он выразительно глянул в сторону Рини и добавил: — вашей подруге лучше остаться здесь.

Мы с девочкой быстро переглянулись. Перспектива ее, явно, не радовала. Привыкли мы уже друг к другу, зачем нас сейчас разлучать?

Кархадан, похоже, заметил наши переглядывания, потому что сухо проговорил:

— Не переживайте, эйрины, это для вашего же блага. У санхейо слишком тонкая организация, боюсь, вашей подруге лучше вообще не покидать каюту на этом корабле. А вам я могу предложить прогуляться по палубе. Но сначала обед в моей компании.

Он распахнул дверь и кивнул в коридор. В каюту вошли двое в матросской форме. Те, что стояли ночью на посту, или это были другие? Тогда я не слишком их разглядывала, не до этого было. В руках они несли по подносу, от которых поднимался аппетитный аромат.

— Это Карст и Айко, — проинформировал нас эйр дазган, — на время путешествия они будут вашей связью с даханнами.

Молодые мужчины сверкнули белозубыми улыбками и поставили подносы на стол. Мы с Рини заинтересованно вытянули шеи.

— Видите? Вашей подруге не о чем беспокоиться. Она будет в хорошей компании и сыта. Прошу, — и он отступил, пропуская меня вперед.

Едва мы вышли из каюты, как я задала мучающий меня вопрос:

— А это действительно безопасно?

— Что именно?

— Оставлять девочку в одном помещении с двумя мужчинами.

Дазган коротко хохотнул.

— Сразу видно, что описание рас вы еще не читали. Иначе знали бы, что юмати абсолютно равнодушны к женщинам других рас. Ваша подруга, да и вы тоже, для них просто абстрактное нечто. Бесполое существо.

— Вот как? — от изумления я даже остановилась и резко обернулась, едва не впечатав нос в черный мундир дазгана. — А в чем же дело?

— Прочитаете седьмой параграф, будете знать, — хмыкнул он и легонько подтолкнул меня вперед.

Сегодня глаза его не пульсировали так, как вчера, да и сияние кожи было слабым и едва заметным. Нет, его близость все еще вызывала трепет и смущение, но уже не так сильно. Похоже, это проснулся мой иммунитет, о котором мне говорили. И все равно, стоило его рукам мимолетно прикоснуться к моим плечам, как новая волна жара пробежалась по моему телу, ставя дыбом все волоски на коже.

Я ахнула, не в силах совладать с собственным телом, и вдруг поняла, что руки дазгана сжимают мою талию, а спина прижата к его груди. Застыв, как статуя, вытянувшись в струну, я замерла, не в силах сказать ни слова. А он уже во второй раз уткнулся носом мне в шею и шумно втянул воздух.

— Я чувствую, — хрипло произнес он, — оно приближается.

— Что?! — испуганно пискнула я.

— Ваше совершеннолетие, эйрина Димантис, — хмыкнул он и вдруг выпустил меня из своих объятий. — Идемте, а то я вас совсем засмущал.

Я схватилась руками за щеки. Мое лицо пылало от стыда, смущения и еще чего-то непонятного, от чего все сладко замирало внутри.

Кархадан открыл уже знакомую дверь и я машинально шагнула через порог.

На этот раз в кают-компании кроме нас никого не было. Но эйр дазган не стал плотно прикрывать двери, оставив довольно широкую щель. Я задумалась. Это он о репутации моей так заботится? Или опять какие-то правила, о которых я не знаю?

Расставленные вдоль стен столы были абсолютно пусты, кроме одного, сервированного на две персоны.

— Прошу!

Кархадан галантно предложил мне стул и лишь после этого уселся напротив меня за накрытым столом.

— Вы ешьте, разговаривать будем потом.

Я действительно несколько проголодалась, а от тарелок исходил такой запах, что отказаться было просто невозможно. И опять, как и в прошлый раз, мне пришлось есть под пристальным мужским взглядом. Зрачки дазгана пульсировали, то увеличиваясь так, что зеленая радужка полностью исчезала, то сжимаясь в еле заметную точку; сияние кожи то вспыхивало сильнее, то стихало, сходя практически на нет. От такого неприкрытого внимания к моей персоне даже кусок в горло не лез.

Я наклонила голову и уткнула глаза в тарелку, то тяжелый взгляд дазгана продолжал сверлить мою макушку. Не выдержав, я со звоном бросила приборы на стол и свывозом вздернула подбородок. Но тут же смешалась, столкнувшись с совершенно диким взглядом эйра.

В его расширенных зрачках застыл такой сумасшедший голод, что я моментально испугалась за свою жизнь.

Кархадан оцепенел на своем стуле, точно каменная статуя, с выпрямленной спиной и совершенно невозможным выражением на лице. Будто хищник, учуявший дичь. Его пальцы так сильно сжали вилку и нож, что костяшки побелели, а плотно сжатые губы превратились в узкую полоску. Лишь стальные звезды зрачков сияли на этом бледном лице.

— В чем дело? — еле выдавила я из себя, готовясь при первых признаках опасности срываться и бежать.

Он сморгнул, тело его внезапно вздрогнуло, а потом расслабилось, будто сбрасывая наваждение. Голубые зрачки приняли свой обычный размер, а сквозь губы прорвался вздох облегчения.

— Простите, давно не видел, — произнес он таким обезоруживающим тоном, что я тоже невольно расслабилась.

— Что не видели?

— Даханни...

Я невольно сглотнула.

— Вас срочно нужно обучить всем нашим правилам и обычаям, — пробормотал он, возвращаясь к трапезе, — вы ведь даже понятия не имеете, какое искушение представляете собой. Любой даханн может предъявить на вас права... и нет никого, кто стал бы отстаивать ваши интересы.

— Так уж и любой, — не поверила я. — Вы же говорили, что только высшие чины имеют право на это. Эрзуны там... тогуны...

— Это так, — он согласно кивнул, — но обычно за выполнением этого правила следит клан даханни. Именно он отсеивает недостойных кандидатов, не подходящих по каким бы то ни было причинам. А у вас пока нет ни своего клана, ни покровителя. Но не переживайте, — успокоил он, заметив, как я сразу поскущела, — я тут кое-что вспомнил, полистал старые хроники...

Поймав мой изумленный взгляд, Кархадан с улыбкой пояснил:

— История это моя слабость. Вы ешьте, ешьте.=====

Я вернулась к ароматному жаркому. Странное дело, в тарелке вроде лежало мясо, но опознать его я так и не смогла. Сначала думала, что это свинина или телятина — обычные продукты на материке. Но стоило лишь попробовать, как я поняла, что ошибалась. Мясо было постным, мягким и очень нежным. Вроде курицы или кролика, но не они, это точно. До этого все блюда, которые я здесь пробовала, были вполне узнаваемы, но это...

Любопытство оказалось слишком большим, чтобы я смолчала.

— Эйр Кархадан?

— Слушаю вас, эйрина Димантис.

— Я не узнаю это блюдо...

Я указала взглядом себе в тарелку.

Он оживился.

— Вам не нравится?

— Нет, что вы, просто очень необычно. Это же не свинина? И не говядина? Что это?

— Нутрия.

Я нахмурилась и с сомнением потыкала вилкой в мягкий кусочек, политый сверху белым соусом. Такого зверя я не знала.

— Нутрия? Никогда не слышала о таком. Как она выглядела... при жизни?

Дазган расхохотался.

— Простите, эйрина, — заявил он, с трудом справляясь со своим смехом, — все время забываю,

что вас воспитывали на материке. В королевстве нет нутрий, я это помню, но не переживайте. Я же обещал вам прогулку? Вот и удовлетворю ваше любопытство.

— А разговор? Вы хотели что-то обсудить?

— Я и сейчас хочу. Вернее, считаю нужным.

Эта фраза прозвучала столь двусмысленно, что у меня вновь заалели щеки и я стыдливо опустила взгляд.

До конца обеда ни один из нас не произнес ни слова.

Вслед за Кархаданом, я поднялась на палубу юта и на мгновение зажмурилась — столь невероятно была открывающаяся картина.

Высоко над головой простиралось бесконечное прозрачное небо, пронизанное слепящими солнечными лучами, а вокруг, насколько хватало глаз, нес свои глубокие темные воды могучий океан. Под ногами чувствовалось ритмичное движение огромного зверя, называемого кораблем. За бортом взлетали и осыпались брызгами тяжелые волны, сухо пощелкивали снасти, свежий ветер наполнял багровые паруса, гнал вперед, играл в натянутых вантах.

Как дочь моряка, вернее, если быть более точным, как воспитанная в семье моряка, я имела вполне четкое представление о парусных судах и легко могла отличить бак от юта, а форштень от бушприта. Но такого, как здесь, я еще не встречала.

Этот небольшой трёхмачтовый корабль с полным парусным вооружением и двумя орудийными палубами, подавлял своим величием и грозным внешним видом. Все мачты и реи были выкрашены в глубокий цвет антрацита, зато паруса гордо рдели под ярким солнцем, багровыми отблесками отражаясь в морской воде, а на самом верху бизань-мачты трепетал белоснежный флаг с незнакомыми черными символами. Вчера я даже не глянула на это великолепие, слишком уж ошеломила меня открывающаяся перспектива. Но сейчас, стоя на юте рядом с дазганом, я не могла сдержать возглас восхищения.

Он облокотился на поручни и, не скрываясь, наблюдал за мной. Его глаза загадочно блестели, а я буквально упивалась свободой, соленым воздухом, наполняющим мою грудь, даже влажными порывами ветра, треплющими мои косы. Фрегат казался мне летящей по волнам огромной, фантастической птицей с багровыми крыльями.

— Так о чем вы хотели поговорить? — спросила я, когда первый восторг понемногу схлынул.

— О вашей возможной родословной. Я тут припомнил события двадцатипятилетней давности.

Он коротко вздохнул и снова уставился на морской простор.

— В то время эрзун Нистралии взял в жены дочь эрзуна из Асторгрейна, соединив два рода. По нашим законам, когда даханни переходит в дом мужа, она дает его рейну свое родовое имя. Объединенный Асторгрейн довольно быстро завоевал популярность при императорском дворе, молодая даханни сверкала лучшими нарядами, а ее муж получил выгодный фрахт и организовал целую флотилию из семнадцати торговых кораблей. Когда выяснилось, что даханни ждет ребенка, ее тут же укрыли на самом неприступном острове рейна, где-то в восточных водах. Но кто-то выдал секрет его расположения. Однажды ночью крепость острова

была атакована со стороны моря. Нападающие хорошо подготовились и буквально за пару часов сломили сопротивление защитников. Пока передали призыв о помощи, пока эта помощь пришла — прошло слишком много времени. Даханни и ее новорожденная дочь исчезли, а крепость была разрушена буквально до основания. В живых не осталось никого, кто мог бы назвать имена похитителей.

Я слушала его, затаив дыхание, и лишь когда он замолчал, поняла, что почти не дышала все это время.

— И что дальше? — осторожно поинтересовалась я. — Что стало с тем эрзуном?

— А что с ним могло стать? — искренне удивился Кархадан. — Сначала бесился, конечно, от ярости и бессилия, потом запил, но кайгун быстро выставил ему ультиматум: либо за голову берись и вспомни, что ты на службе императора, либо трибунал и разжалование. Море не терпит слабаков.

— И... он?..

— Он жив до сих пор, — дазган криво усмехнулся и бесстрастно добавил: — Так что, у вас есть все шансы оказаться наследницей одного из богатейших кланов Амидарейна.

Тут он нахмурился и уже будто про себя пробормотал:

— Только вот я так и не понял, кто организовал нападение и как так вышло, что ты попала к санхейо.

— Я сама хотела бы это знать, — вздохнула я, пытаюсь унять предательскую дрожь в руках. — Всю жизнь считала себя дочерью простого рыбака из маленькой деревушки, но тут являетесь вы и весь мой мирок становится с ног на голову. Сначала оказывается, что мои родители чужие мне люди, причем совершенно другой расы; потом, что у меня какие-то странные особенности, из-за которых взрослые мужчины шарахаются от меня, как демоны от кадила. И наконец вы добываете меня, сообщив, что, возможно, нашли моих родственников. И чего мне теперь ждать? Что будет, когда мы придем в Ризенпорт?

Кархадан снова отвел глаза, будто ему было неприятно даже смотреть в мою сторону.

— Кайгун обязательно прикажет проверить вашу кровь на совместимость с главными рейнами, — произнес он глухим голосом. — Если ваше родство с Асторгрейном подтвердится, вы перейдете под опеку вашего клана.

— И меня запрут в крепости на самом дальнем острове? И будут там держать как ценный стратегический объект, — невесело усмехнулась я, — пока не явится какой-нибудь эрзун и не предьявит на меня права? Такая судьба меня ожидает?

— Вы передергиваете, — дазган недовольно повел плечами, будто сбрасывал с себя невидимую паутину. Его взгляд по прежнему смотрел куда угодно, только не на меня.

— Да неужели, — ядовито бросила я, уязвленная его пренебрежением, — разве не вы советовали мне заняться самообразованием? Может, до описания рас я еще и не дошла, но вот обычаи и традиции внимательно просмотрела. Ваши даханни несчастные существа. Сидят в своих башнях и ждут, пока отец подберет выгодного кандидата. Знаете, если вчера я жалела этих девушек-санхейо, то теперь мне жалко ваших женщин. И те, и другие не более, чем рабыни. Только у даханни рабство узаконенное.

Кархадан зашипел, когда я рванула прочь с юта по узким ступеням. Сама не знаю, что на меня нашло, но только в ту минуту мне вдруг захотелось оказаться как можно дальше и от этого мужчины, и от этого корабля.

— Вы ничего не знаете! — убежденно заявил он, хватая меня за руку. — Вы извратили все факты.

Поджав губы, я дернулась, пытаюсь освободиться от его железной хватки, и тут напоролась спиной на перила фальшборта. Дазган переменялся в лице, вжал меня всем телом в резные поручни, и я вздрогнула от внезапного холодка, пробежавшего по моей спине.

В раскосых глазах мужчины засияли мрачные звезды цвета грозового неба, а его побледневшее лицо оказалось в пугающей близости от меня.

— Вы. Ничего. О нас. Не знаете! — прошипел он, отчеканивая каждое слово.

Я застыла, не в силах двинуться с места, и в этот момент его сухие жесткие губы вдруг впились в мой рот злым, болезненным поцелуем.

Если бы я была настоящей санхейо, то в такой ситуации, наверняка, ответила бы на поцелуй, причем, постаралась привлечь побольше внимания: самый безотказный способ выскочить замуж, это скопрометировать жениха! Но я была санхейо лишь по воспитанию, которое все двадцать пять лет отторгала моя даханнская кровь. Поэтому, то, что произошло дальше, удивило и напугало меня саму.

Одна рука дазгана железными тисками сжала мою талию, вторая зарылась в волосы на затылке, удерживая и не давая отпрянуть. Я уперлась руками в грудь Кархадана, пытаюсь вырваться, но всех моих сил оказалось слишком мало, чтобы сдвинуть его хоть на дюйм!

Едва его настойчивый язык попытался проникнуть между моих зубов, я содрогнулась от острой боли. Слово тысячи невидимых морских медуз ужалили меня одновременно по всему телу, и эта боль, похожая на ожоги, невыносимой волной прошла сначала вниз по всей коже, а потом вверх. Сконцентрировалась на уровне сердца, и вдруг все мое тело вспыхнуло, как один огромный факел.

Я на самом деле увидела красно-золотое свечение, охватившее мои руки! Это было так больно и так страшно, что я не выдержала и закричала, истерически отталкивая тяжело дышащего мужчину.

Он и сам казался ошеломленным. Резко выпустил меня из объятий и отшатнулся, не сводя с меня расширенных глаз.

— Что это?! — завизжала я, пытаюсь стряхнуть с себя это странное пламя.

Его было видно лишь на открытых участках кожи, но я чувствовала, что под платьем тоже все горит. Станный навязчивый зуд появился в самом интимном месте моего тела и это было так стыдно и так неловко, что на глаза навернулись слезы.

— Быстро! В мою каюту! — прошипел Кархадан. Он сорвал с себя черный мундир и накинул его мне на голову, укрывая лицо. — Спрячьте руки, эйрина, этого никто не должен видеть!

Я подчинилась беспрекословно, слишком велик был испуг. Закуталась в темное сукно,

пахнущее бергамотом, и позволила увлечь себя вниз по ступенькам.

В голове царил полный сумбур, тело горело, а между ног начинал разрастаться настоящий пожар. Хотелось сунуть руку под платье и хорошенько почесать промежность! Было такое ощущение, будто меня там искусал рой болотных комаров! Я не смогла сдержать испуганного стона, когда поняла, что ноги меня не держат.

Заметив, что я начинаю медленно оседать у подножия лестницы, дазган подхватил меня на руки и широкими шагами пересек палубу, старательно избегая привлекать внимание остальных даханнов, стоявших на шканцах и шкафуте. Лишь у дверей капитанской каюты он почти беззвучно выдохнул и внес меня в помещение.

Задышавшись от испуга и слез, я упала на его кровать и свернулась в клубочек. Во мне с неудержимостью снежной лавины разрасталась странная жажда. Непонятное томление сосредоточилось между моих бедер, зуд увеличивался, заставляя гореть огнем нежную кожу. В голове все смешалось, сознание постепенно окутывал туман. С коротким стоном я вцепилась зубами в собственную руку, надеясь, что физическая боль избавит от этого наваждения.

— Тише! Не покалечься!

Кархадан мягко, но настойчиво развел мои руки и пригвоздил запястья к кровати. Я видела, как он запер дверь каюты. Впервые за все время пребывания на корабле я оказалась с ним один на один в замкнутом пространстве. Это напугало меня еще больше.

Сглотнув тяжелый комок в горле, я еле слышно выдавила из себя:

— Что... что со мной?

— Инициация, — ответил он, по-прежнему удерживая мои руки, — первая волна.

Накатил очередной приступ боли. Казалось, с меня живьем снимали кожу. Тело дернулось, рефлекторно пытаюсь сжаться в комок, его поверхность превратилась в сплошной оголенный нерв, но дазган продолжал удерживать меня, не давая шевельнуться.

Все горело огнем, я задышалась. Снова захныкала, заметалась по его кровати, мечтая избавиться от нестерпимой боли и зуда.

— Шшш, успокойся, — Кархадан навалился на меня всем телом, пытаюсь удержать, пресекая малейшую попытку пошевелиться. — Это скоро пройдет, нужно лишь перетерпеть.

Перетерпеть?! Он шутит? Да я сейчас взвою в голос!

— Мне... дышать... тяжело... — прохрипела я по тяжести его веса. Мои легкие горели, будто их заполнял жидкий огонь.

Он как-то странно вздрогнул, втянул носом воздух и зажмурился. Я увидела, как дернулся его кадык.

От очередного приступа боли я выгнулась, будто натянутый лук. Дернулась, инстинктивно пытаюсь скинуть с себя тяжелое мужское тело. Плотный корсет душил, не давая дышать. Сжав зубы, дазган удерживал меня с такой силой, что я могла лишь беспомощно биться в его руках. Его сияние сейчас ослепляло, в глазах бушевала буря, а на крепко сжатых челюстях проступили желваки.

Увидев, как я хватаю ртом воздух, точно вытасченная на берег рыба, он потянулся пальцами к пуговицам моего платья, но тут же, замешкавшись, опустил руку. В его глазах отразилось сомнение.

Я захрипела, содрогнулась всем телом, чувствуя, как внутри разливается настоящая огненная лава. В темных глазах, нависших надо мной, вспыхнула мрачная решимость. Мужчина молча рванул ворот моего платья, тонкий муслин разошелся, как бумага, обнажая нижнюю сорочку.

Каждая мышца Кархадана была напряжена до предела, пока он одной рукой расшнуровывал завязки на корсете, а другой придерживал мое трепыхающееся тело.

Наконец, я смогла вдохнуть полной грудью и закашлялась. И только теперь заметила, что практически обнажена: дазган разорвал мое платье почти до пояса, спустил с плеч рубашку и расшнуровал корсет. Он возвышался надо мной мрачный, как скала, а в его потемневших глазах отражалась настоящая буря.

Несколько бесконечно долгих секунд мы смотрели друг другу в глаза, как дуэлянты, ставшие у барьера, но вот я судорожно вздохнула, заливаясь краской, он вздрогнул, отводя глаза, и вдруг поднялся. Аккуратно прикрыл меня краем одеяла и отвернулся.

— Когда у даханна начинается инициация, он испытывает сильную боль, — глухо проговорил Кархадан, не глядя на меня. — Наша кожа полностью перестраивается, чтобы излучать свечение, и боль это всего лишь небольшая плата за будущие способности.

Я натянула одеяло по самый подбородок и с сомнением уставилась на собственные руки.

— Так... я тоже начну светиться? — прошептала недоуменно.

Боль понемногу отступала. Сначала стих обжигающий огонь, разрывавший меня изнутри, затем, постепенно, успокаивалась и кожа. Но ничего необычного я не заметила.

Мужчина поднялся и сделал несколько шагов по каюте, стараясь не встречаться со мной взглядом. Остановился, нервным жестом запустил пальцы в волосы и потер виски. Его сияние почти исчезло, а на лице застыла маска усталости и скорби.

Повернувшись ко мне, он медленно, будто бы через силу, произнес:

— Да. Сегодня я увидел ваш огонь. Если до этого я еще мог тешить себя надеждой, то теперь не имею права даже на это. Я нахмурилась. Не люблю, когда говорят загадками.

— Что вы хотите этим сказать?

— Ничего особенного, — он криво усмехнулся, — вам не о чем переживать.

Кархадан растерянно потер свой подбородок и обвел каюту невидящим взглядом. Было такое ощущение, будто здесь присутствовало лишь его тело, а вот мысли витали где-то далеко.

Наконец, его глаза остановились на мне и прояснились. Он встряхнул головой.

— Вам все еще больно? — я неуверенно кивнула. — Сейчас полегчает. Первая волна всегда приходит неожиданно. Она как девятый вал: обрушивается с невероятной силой, но тут же отступает. В следующий раз будет легче.

У меня даже рот раскрылся от удивления.

— К-какой с-следующий раз? — срывающимся голосом пролепетала я.

— Еще три волны — и вы полностью войдете в силу. По правилам, инициация даханни должна происходить под строгим женским контролем и без мужчин, но вы, как я посмотрю, любите нарушать правила. Даже не знаю, что с вами делать, — и он опять взъерошил свои волосы.

Я насупилась. Боль давно утихла, но на смену ей пришли неловкость и стыд. Я сидела, почти обнаженная, в постели практически незнакомого мужчины, с его одеялом на плечах и отчаянно краснела. Он не желал смотреть в мою сторону и вообще вел себя так, будто мое присутствие было ему глубоко неприятно. Но хуже всего оказалось то, что между моих бедер по прежнему тлело мучительное томление.

— Если... если я вам мешаю, — я запнулась и прочистила горло, — то позвольте мне вернуться в мою каюту.

— И что вы будете делать, когда вас скрутит во второй раз? — он невесело усмехнулся. — Расцарапаете себе лицо?

— Когда это должно случиться?

Он пожал плечами.

— У всех по разному. Может, через час, а может, через неделю. Все зависит от рейна, личных характеристик и обстановки. В вашем случае я не могу дать никаких гарантий. Поэтому, вам лучше остаться здесь, под моим присмотром. Поверьте, это единственный выход.

Я с сомнением взглянула на него. Да, похоже, такая перспектива не слишком его обрадовала.

— Почему не позвать хурранов присматривать за мной? — спросила я ради интереса. — Вы же сами приказали им быть всегда рядом.

— Только не сейчас, — он так сжал челюсти, что я явственно услышала скрип зубов, — я не хочу вносить смуту в ряды моих людей. Я вообще не должен был брать вас на этот корабль, — добавил он глухим, бесцветным голосом, и опять его пальцы нервным жестом прошлись по волосам.

Безупречный хвост дазгана растрепался, придавая ему небрежный и вместе с тем опасный вид, пара прядей выбилась из общей массы и упала на лоб, еще несколько взъерошенной массой прикрывали виски. Он остановился как раз напротив окна, и яркое солнце озарило его стройную фигуру, затянутую в черный форменный костюм, вспыхнуло в волосах золотым ореолом. Сейчас он казался грешным ангелом из старых сказок.

Говорят, когда-то они были любимыми детьми Дзуликого, но поддались зову плоти и сошли с небес, чтобы соединиться со смертными женщинами. За это он проклял их и отнял бессмертие, бросил умирать в недолговечных человеческих телах. Легенды рассказывают, что в те времена у нашей планеты был спутник, а суша делилась на четыре огромных континента. Думаю, это всего лишь глупые расказы, но вдруг даханни и в самом деле потомки ангелов?

— Так, — сказал Кархадан, тоном человека, решившегося на отчаянный шаг, — я переоценил свои силы, но теперь это не имеет значения. Выбора все равно уже нет.

Его тяжелый взгляд остановился на мне и я невольно съежилась, зарываясь глубже под

одеяло. В глазах дазгана горел мрачный огонь, лицо заострилось. Он словно замер у края и готовился вот-вот ступить в бездну.

— Я не имею права удерживать вас здесь, наоборот, каждая минута, проведенная наедине с вами, дается мне с невероятным трудом. Но альтернативы все равно нет. Вряд ли мой экипаж такой же сдержанный, как и я. Вам придется остаться в этой каюте и под моим присмотром до конца путешествия.

Я слушала его и странная горечь наполняла мое сердце. Так вот значит как. С невероятным трудом?

— Не беспокойтесь, эйр дазган, — процедила я сквозь зубы, — я не доставлю вам особых хлопот. Просто выделите мне место, где я могу спать, и не забывайте кормить хотя бы раз в день.

От моих слов Кархадан вздрогнул, как от удара, белоснежную кожу его щек залил предательский румянец. Мне показалось, что он сейчас накричит на меня, но мужчина лишь отступил в тень, пряча лицо. Плечи его поникли, спина утратила безупречную осанку, сгорбилась, как под гнетом тяжелых мыслей. Несколько томительных минут я слышала лишь его прерывистое дыхание, потом он сказал совершенно бесстрастным тоном:

— Вы правы, я один во всем виноват. Мне и отвечать. А сейчас позвольте проводить вас в вашу каюту. Вам нужно взять необходимые вещи.

— И как по-вашему я должна идти? — я демонстративно указала на одеяло. — Хотите, чтобы завтра сплетничал весь экипаж?

— Вы так боитесь сплетен?

— Репутация это все, что у меня осталось. Если мне суждено когда-нибудь выйти замуж, то будущий муж получит меня без единого пятна, способного очернить мою честь.

Ни один мускул не дрогнул на его лице, когда он протянул свой мундир и молча отвернулся. Я быстро привела свое платье в порядок, насколько это было возможно, и набросила на плечи его форму. Меня окутал приятный запах бергамота и цитрусовых ноток. Я вздохнула, с трудом сдерживая желание зарыться носом в прохладную ткань.

— Вы готовы? — Кархадан окинул меня бесстрастным взглядом и распахнул дверь. — Прошу, постарайтесь не привлекать к себе внимания. Это для вашей же безопасности.

Я молча передернула плечами и вышла, придерживая на груди черное сукно.

Когда мы с Кархаданом пересекли палубу с носа до кормы и вошли в тесный коридорчик, ведущий к отдельным каютам, мне показалось, будто все встречные даханны провозжат меня горящими взглядами. Я видела как они замирают, обрывая разговор, и, не мигая, смотрят мне во след. На юте, на шканцах, на вантах — где угодно — стоило мне пройти, как они бросали работу и вытягивались в струну, точно хищники, учуявшие дичь. И это нервировало меня до такой степени, что лишь закрыв за собой дверь каюты, я смогла облегченно вздохнуть.

— Виель! — раздался встревоженный крик Рини, и девочка кинулась в мои объятия.

Я крепко прижала ее к себе и поцеловала в макушку, старательно избегая встречаться

взглядом с дазганом. Тот невозмутимо наблюдал за мной.

— Где ты была? Я так испугалась! — девочка прижалась ко мне всем своим тоненьким телом и громко всхлипнула. — Я думала, ты бросила меня!

— Почему эти люди так на меня смотрели? — не выдержала я и поверх черноволосой головы Рини глянула прямо в лицо Кархадану.

— Они даханни, — пожал он плечами, — а вы молодая даханни на пороге инициации. Их интерес вполне объясним естественными причинами.

Его голос звучал сухо и безжизненно, он словно выстроил стену между нами и не собирался ее ломать.

— Они пугают меня, — пробормотала я и прикусила губу, хотя мне очень хотелось добавить: " и вы тоже".

— Не делайте этого, — неожиданно властным тоном оборвал меня мужчина. Его взгляд застыл на моих губах.

— Не делать что?

— Не закусывайте губу. Вы калечите себя.

— Вот еще, — хмыкнула я. — Мои губы, что хочу то и делаю.

Он медленно покачал головой.

— Собирайте вещи. Оставшиеся дни пути вы проведете под моим строгим контролем, изучая законы и традиции нашей империи. Тогда вы поймете, что ни единая часть вашего тела не принадлежит вам лично. Это достояние вашего рейна. И вы не имеете права наносить вред этому достоянию.

От подобной наглости я едва не вспыхнула, как смоляной факел. Прижала Рини к себе еще сильнее, лишь бы руки не сжимались в кулаки, и с неприкрытой ненавистью глянула в лицо мужчины.

Он стоял посреди каюты, небрежно расслабившись, и взирал на меня с абсолютным спокойствием.

— Что будет с ней? — отрывисто произнесла я и кивнула на девочку.

— О ней позаботятся. Ваше присутствие может быть чревато для нее, а мы абсолютно безопасны. — я фыркнула. — Ни один даханн не притронется к санхейо, если только не решит зачать дитя.

И все это он произнес таким убийственно равнодушным тоном, что я невольно поежилась.

— Могу я хотя бы переодеться без вашего присутствия?

— Я подожду за дверью. И не советую тянуть. Вторую волну невозможно спрогнозировать.

Он вышел, а я скинула ненавистный мундир и услышала как Рини испуганно выдохнула:

— О, Двуликий... он тебя... он тебя...

— Нет, — с неожиданной злостью отрезала я. — Ничего не было.

Девочка несколько минут беспомощно наблюдала, как я кидаю вещи из ящиков комода в свой дорожный саквояж. Я старалась не смотреть в ее сторону, чтобы не видеть этот затравленный взгляд. Мне самой было страшно. Я ничего не знала ни об этом мире, ни о людях, которые его населяют, ни о себе самой. Последние события испугали и смутили меня. Я до сих пор ощущала тепло в промежности, и оно странным образом увеличивалось, стоило мне пошевелиться. Но это была не та тема, которую я стала бы с кем-нибудь обсуждать, тем более с четырнадцатилетней девочкой.

Собрав все необходимое, я вытащила из шкафа самое скромное платье из всех, что у меня были. Да, а было их целых три и все дорожные. Я же не собиралась отлучаться надолго, а вон как получилось.

Интересно, эйра Димантис хоть раз вспомнила меня за этих два дня? Вряд ли. Надеюсь, они будут счастливы, избавившись от такой обузы как я.

Стиснув зубы, я уставилась на плотный серый ситец в мелкую клетку, который держала в руках. Воротник-стойка, штук сто крошечных пуговок до самого подбородка, длинные рукава, отсутствие кружев... Это платье сделало бы честь даже послушнице Двуликого... а двадцатипятилетней старой деве и подавно.

Переодевшись, я разгладила складки на юбке и внимательно посмотрела на Рини.

— Я некоторое время поживу отдельно от тебя, — начала я, тщательно подбирая слова, — это необходимо для твоей и моей безопасности. Но ты не бойся, это всего на пару дней.

Она встрепенулась, бросила на меня испытывающий взгляд и прошептала:

— Это все из-за него, да? Из-за этого дазгана?

— С чего ты взяла?

— Я прочитала ту книжку, пока вас не было.

— Какую?

— Про империю. Там сказано, что каждый год между кланами устраивается соревнование на кораблях. Они проходят путь против течения Аскарин, от острова к острову, между самых ужасных рифов. И кто выиграет эту регату, чей корабль придет первым, тот клан и получает право на шейнаб.

Я смотрела на нее и не верила своим ушам. Как же это мерзко! Разыгрывать бедных девушек будто в кости! Кто победил, тому и приз в виде сотни перепуганных девственниц.

— А причем здесь дазган?

— Там сказано, что вместе с флотилией всегда отправляется и Лорд-наместник. Он глаза и уши императора и принадлежит к его клану. Я думаю, — она понизила голос и многозначительно покосилась на дверь, — я думаю это он.

— Кто? — не поняла я.

— Эйр дазган!

Я была абсолютно сбита с толку. Если Кархадан — Лорд-наместник, тогда понятно, почему он так командует мной и ждет, что я буду подчиняться без пререканий. Но почему он ничего не сказал о своем статусе? Зачем скрыл?

Я коротко попрощалась с Рини и вышла. Дазган стоял, привалившись плечом к стене и взирал на меня с холодным спокойствием сфинкса.

Прищурившись, я окинула его презрительным взглядом с головы до ног, именно так, вызывающе и нагло. Показное равнодушие мужчины начинало раздражать, появилось почти непреодолимое желание вывести его из себя.

Он лишь беззвучно хмыкнул в ответ на мою браваду и каким-то шутовским жестом распахнул дверь на палубу.

До самого вечера я просидела в его каюте под строгим надзором, изучая захваченную с собой “Историю Амидарейна”. Кархадан почти не отлучался. Вышел лишь пару раз: заказать обед и ужин. Чтобы на мостике не требовалось его присутствие, он отправил туда старшего помощника Арзуина, переложив на него львиную долю своих обязанностей по управлению кораблем. А сам сел в кресло у окна, закинул ногу на ногу, сложил пальцы домиком и в такой созерцательной позе провел несколько часов, смущая меня своим бесстрастным и холодным взглядом.

Сияние его кожи было едва заметным и ровным, звездообразные зрачки в глазах чуть расширены, спокойного серо-стального цвета. Ни единой эмоции не отразилось в его глазах, ни единый мускул не дрогнул на лице за все то время, что он смотрел на меня.

Я решила, что это демонстративное равнодушное наблюдение ни что иное, как месть за мою дерзость. Что ж, я тоже могла изобразить пренебрежение. Оттащила второе кресло в самый дальний угол, с комфортом устроилась, обложившись подушками, и с напускным интересом устала в книгу.

Время от времени, я искоса поглядывала на безмолвного мужчину, но вскоре учебник увлек меня по-настоящему и я на время выпала из реальности.

Я была абсолютно сбита с толку. Если Кархадан — Лорд-наместник, тогда понятно, почему он так командует мной и ждет, что я буду подчиняться без пререканий. Но почему он ничего не сказал о своем статусе? Зачем скрыл?

Я коротко попрощалась с Рини и вышла. Дазган стоял, привалившись плечом к стене и взирал на меня с холодным спокойствием сфинкса.

Прищурившись, я окинула его презрительным взглядом с головы до ног, именно так, вызывающе и нагло. Показное равнодушие мужчины начинало раздражать, появилось почти непреодолимое желание вывести его из себя.

Он лишь беззвучно хмыкнул в ответ на мою браваду и каким-то шутовским жестом распахнул дверь на палубу.

До самого вечера я просидела в его каюте под строгим надзором, изучая захваченную с собой "Историю Амидарейна". Кархадан почти не отлучался. Вышел лишь пару раз: заказать обед и ужин. Чтобы на мостике не требовалось его присутствие, он отправил туда старшего помощника Арзуина, переложив на него львиную долю своих обязанностей по управлению кораблем. А сам сел в кресло у окна, закинул ногу на ногу, сложил пальцы домиком и в такой созерцательной позе провел несколько часов, смущая меня своим бесстрастным и холодным взглядом.

Сияние его кожи было едва заметным и ровным, звездообразные зрачки в глазах чуть расширены, спокойного серо-стального цвета. Ни единой эмоции не отразилось в его глазах, ни единый мускул не дрогнул на лице за все то время, что он смотрел на меня.

Я решила, что это демонстративное равнодушное наблюдение ни что иное, как месть за мою дерзость. Что ж, я тоже могла изобразить пренебрежение. Оттащила второе кресло в самый дальний угол, с комфортом устроилась, обложившись подушками, и с напускным интересом уставилась в книгу.

Время от времени, я искоса поглядывала на безмолвного мужчину, но вскоре учебник увлек меня по-настоящему и я на время выпала из реальности.

Итак, даханни действительно устраивали регату, только не после того, как будущие шейнаб придут в Амидарейн, а до этого. Рейн-победитель снаряжал собственную флотилию из десяти галеонов и одиннадцатый — военный фрегат с посольской миссией и Лордом-наместником на борту.

Эта должность была выборной и давалась лишь на время. В обязанности Лорда входило общение с колониальным правительством и соблюдение всех правил при отборе избранных девушек. Именно он проверял списки и вносил имена в императорские свитки с указом. Он отдавал приказ о наказании строптивых и усмирении недовольных, он отвечал перед кайгуном за всю операцию в целом и каждую санхейю в отдельности.

Причем, наместник не имел никакой политической силы и очень часто избирался рейном как посредник между императором, собственно рейном и Эроллой. Очень часто на этот пост назначали капитана сопровождающего судна, то есть дазгана.

На этом месте я подняла голову и мои глаза встретились с холодным взглядом Кархадана. Я невольно поежилась. В нескольких шагах от меня сидел мужчина, от слова которого зависели жизни всех моих знакомых. Ему стоило лишь махнуть рукой, и весь наш рыбацкий поселок был бы разрушен в один миг! Такая беспомощность санхейю просто ужасала.

В следующем параграфе описывался политический аппарат в колониальной Эролле. Адмиралы, вице-адмиралы, Лорды-протекторы и еще куча абсолютно бесполезных мне чинов и должностей. Я пролистала, не читая, несколько страниц и уставилась на яркую картинку, изображавшую странное человекообразное существо.

Оно было глубокого черного цвета, с гипертрофированными мускулами, грубыми чертами лица и огромными когтями на руках. Эти когти напоминали остро заточенные лезвия, под тяжелыми надбровными дугами полыхали алые всполохи, а причинное место монстра было скромно прикрыто узкой тряпочкой, не скрывавшей все восемь кубиков на впечатляющем прессе.

"Воин-даханн в боевой ипостаси"- прочитала я надпись под картинкой и невольно похолодела. Что там они мне говорили? Санхейю отпугивать? Чтоб бедные девушки с ума от страсти не

сходили? Вот гады!

Поджав губы, я перевернула страницу. Здесь шло подробное описание.

Что ж, у даханнов действительно есть вторая ипостась, доставшаяся им от далеких предков. Оказывается, до Великой Катастрофы существовала раса драхов, от которых пошли современные даханны. Изначальные драхи именно такими и были: выше своих потомков почти на две головы и раза в три шире в плечах, с могучими мускулами и антрацитово-черной кожей.

После того, как Изначальный мир погиб, остатки драхов смешались с ахайями — еще одной древней расой, обладавшей изящным ликом и тонким станом. Неизвестный художник изобразил их в виде прекрасных юношей и дев с белокурыми локонами до плеч и в полупрозрачных одеждах. Они были слабы физически, но обладали древней магией и могли управлять стихиями. Потомками этих необыкновенных рас и были даханны.

От каждого из предков они взяли только лучшее: от драхов — силу и мужество, умение впасть в боевой транс; от ахайев — магию, острый ум и привлекательную внешность. Именно это помогло им добиться такого успеха, создать огромную империю и подчинить себе весь мир.

Я была ошеломлена... нет, я была в шоке! Оказывается, существовали еще какой-то Изначальный мир и Великая катастрофа. Так, срочно смотрим оглавление. Параграф двадцать шесть, страница сто пятнадцать. Открываем.

Итак, согласно свидетельству Древних, двести миллионов лет назад наша планета Рея делилась на шесть материков и шесть океанов, а в ночном небе, кроме звезд, сиял ее собрат и спутник Син. Изначальный мир процветал. Возникали и исчезали цивилизации, люди рождались и умирали. Воевали, влюблялись, строили и разрушали — все как обычно, ничего нового. Но потом что-то случилось.

Учебник называл это событие сменой полюсов, но я поняла лишь то, что наш мир перевернулся, шесть материков сошлись в два огромных континента — Умарру и Галотеннор, и именно на них зародились те расы, которые сейчас мы называем Древними. Изначальный мир исчез без следа, появились новые цивилизации и новые расы населили Рею.

А потом разразилась Великая катастрофа. Син сошел с орбиты и упал прямо в центр Умарры. Две расы из шести были сметены с лица планеты, от остальных остались разрозненные остатки, континенты ушли под воду, образовав тысячи островов, и лишь далеко на востоке остался крошечный материк, осколок Галотеннора. Эролла.

Вновь на долгие тысячелетия Рея наполнилась болью и скорбью. Но жизнь такая штука... сколько ее не дави, все равно возьмет свое. Так и здесь. Драхи и ахайи исчезли, оставив после себя даханнов, шайены и ниданги приспособились к новым условиям, а среди островов зародились новые расы. Каждой из них в книге была дана картинка и подробное описание, в основном положительное, лишь о санхейо автор упомянул как-то вскользь и сослался на параграф пятьдесят восьмой. Война.

Я заглянула и туда. От прочитанного волосы дыбом встали. Эйра Димантис была права, причиной Войны действительно стала невеста императора, юная даханни на пороге инициализации. Только вот прадед эйры не стал доверять своему дневнику всей чудовищности ситуации, но любой, кто знает особенности даханни, сразу бы догадался. Ее действительно похитил брат короля Эроллы, но безумие настигло не его одного. Три дня несчастная находилась среди мужчин-санхейо, утративших разум от похоти. Страшно даже представить,

что пришлось пережить бедняжке! Боюсь, смерть была для нее долгожданным спасением.

Теперь я понимала почему император с такой жестокостью приказал убить всех, кто был на том корабле. Я поступила бы также.

После ужина Кархадан деликатно удалился, дав мне время подготовиться ко сну. Я не доверяла ему, не смотря на все заверения в моей безопасности, а потому легла спать в одежде, застегнутая на все пуговицы, разве что корсет сняла и ботинки. И мне было абсолютно наплевать, как на это отреагирует дазган. Я не собиралась играть роль беззащитной овечки, ведомой на заклание.

Кархадан вошел, когда я уже с головой накрылась одеялом и усиленно делала вид, что сплю. Он несколько секунд постоял над кроватью, прислушиваясь к моему дыханию, вздохнул, а потом я услышала скрип половиц под его ногами.

Любопытство заставило меня высунуть носик. Мужчина пересек каюту, распахнул встроенный шкаф и вытащил из него свернутый рулоном тюфяк. Я не поверила собственным глазам, он собирался спать на этом страшилище!

С губ сорвался полузадушенный смешок. Дазган резко обернулся и уставился в мою сторону внимательным взглядом, но я больше не шевелилась. Через несколько минут Лорд-наместник Амидарейна, капитан императорского флота лежал на тонком тюфячке, брошенном прямо на пол, и тщетно пытался уснуть.

А утром на нас напали.

Меня разбудил грохот канонады.

Вскочив, я расширенными от страха глазами уставилась в окно. На небе только-только занимался рассвет, над свинцовыми водами плыл холодный сизый туман, в котором то и дело сверкали выстрелы невидимых орудий.

Натянув ботинки, я вылетела на палубу и замерла, ошеломленно вглядываясь в туман. Он клубился по палубе, обвивал мачты, фантастическим образом искажал золотые огни, бегущие вдоль бортов и снастей, и в этой молочно-белой мгле мелькали смутные тени и грохотали пушечные выстрелы.

Легкое дуновение убедило меня, что поднимается ветер. Паруса, обвисшие мокрыми тряпками на мачтах и леерах, прямо на глазах наполнялись жизнью; затрепетал вымпел на грот-мачте и штандарт империи на бизань-мачте, еще недавно печально опавшие и едва трепыхающиеся под слабыми порывами утреннего бриза.

Я увидела нескольких матросов-юмати, сосредоточенно посыпающих палубу песком, и у меня внутри все похолодело. Я знала, что это значит. Подняла глаза на шканцы. Там темным пятном застыл знакомый силуэт.

Короткие, четкие команды, отрывистый незнакомый язык. Паруса разворачивают, ловя еще слабые порывы, фрегат ложится на правый борт, и я чувствую, как усиливающийся бриз бьет мне в лицо. Мы идем против ветра переменными галсами, а прямо по курсу туман распадается на отдельные смутные фигуры и я вдруг понимаю, что это ни что иное, как корабли.

Над головой разносится хриплый крик марсового. Я не знаю, что он кричит, но не сложно и догадаться. Впереди, всего в нескольких кабельтовых, из тумана выплывает целая эскадра под черными парусами.

Я насчитала восемь бригаantin, идущих бок о бок с имперскими галеонами, четыре шхуны и один бриг. Бой был в самом разгаре, и мы упорно шли в его центр.

Я схватила за руку пробежавшего мимо матроса.

— Что происходит?

Тот мотнул головой.

— Дазган приказал готовиться к бою. Канониры открывают порты на обеих палубах.

— Это же самоубийство! — испуганно ахнула я.

Огромные неповоротливые галеоны с юными девушками на борту против легких и юрких бригаantin, на которых — я была в этом уверена! — сплошные головорезы!

— Это дело чести, привести флотилию в Ризенпор. Дазган так просто не сдастся.

— Вы знаете, кто напал?

— Кто-то из проигравших рейнов. — он с сомнением осмотрел меня и кивнул в сторону корсы:— Вы б вернулись в каюту, эйрина, а то, не ровен час, зашибет.

Словно в подтверждение его слов, пушки фрегата с правого борта открыли огонь.

Двухмачтовый бриг развернулся в нашу сторону, будто дикий зверь, учуявший добычу. Да он и выглядел как хищник. Длинный корпус, ощерившийся орудийными стволами, черные паруса на фок-мачте и грот-мачте и косой грота-гаф-трисель с огромным белым крабом на черном фоне. Через орудийные порты стекали потоки воды, заливающей палубу.

Он шел всего в двух кабельтовых и с каждой секундой становился все ближе, маневрируя так, чтобы оставаться в недосягаемости для наших пушек. Мне стало по-настоящему страшно и я рванула в сторону кормы, где меня ждала Рини. Но не успела я добраться до сходней, как раздался орудийный залп со стороны брига и пушечным ядром разбило в щепки деревянный фальшборт в нескольких шагах от меня.

Кто-то схватил меня за воротник и грубо встряхнул, выводя из ступора.

— Что вы здесь делаете?! — прошипел мне на ухо яростный голос Кархадана. — Немедленно отправляйтесь в свою каюту и сидите тихо, как мышь! Вам все ясно?

Я судорожно закивала, расширенными глазами глядя на мужчину. Мне показалось, или он стал выше и шире в плечах? Сияние вокруг лица и рук потемнело, как темнеет небо в грозу, глаза метали молнии. Я вспомнила картинку в учебнике, и мне до жути захотелось спрятаться в самом дальнем углу.

— Что бы ни случилось, — произнес он, настойчиво ловя мой взгляд, — никому не говорите, кто вы. Пусть все думают, что вы шейнаб. Личная шейнаб Рейхо Кархадана. Вы слышите меня? Вы должны попасть в Ризенпорт и встретиться с императором не смотря ни на что. Запомните это!

Он втолкнул меня в узкий коридорчик между каютами и захлопнул дверь. Я припала к маленькому окошку.

На море разворачивалась настоящая драма. Несколько галеонов уже брали на бордаж, остальные продолжали отстреливаться и пытались уйти, разворачиваясь кормой к ветру. Но вражеские корабли не отставали. Пушки палили практически без остановки, ядра взрывались, поднимая тучи брызг или с треском разрывая деревянные борта, будто они были сделаны из бумаги.

Бриг был уже так близко, что я могла различить темные фигуры, висевшие на вантах с абордажными саблями и топорами в руках. На шканцах, расставив ноги и сложив руки на груди, стоял капитан. Простой коричневый китель без всяких прикрас, вроде эполет и аксельбантов, был небрежно расстегнут на груди, открывая белоснежную рубашку, а попутный ветер трепал каштановые волосы, похожие на потемневшую медь.

Он даже не шевельнулся, когда корабли сошлись борт о борт, и в воздух полетели кошки и багры, лишая нас последней надежды избежать рукопашной.

Он даже не шевельнулся, когда корабли сошлись борт о борт, и в воздух полетели кошки и багры, лишая нас последней надежды избежать рукопашной.

Корабли сцепились. В мгновение ока на фрегат были переброшены абордажные мостки и бойцы захватчика с гиканьем и руганью начали прыгать прямо на палубу. Завязалась кровопролитная схватка.

Сверкала сталь, пушечные выстрелы терялись в общем грохоте канонады. На моих глазах песок под ногами даханнов и юматки становился красным от крови. Тут и там раздавались крики боли, падали раненые и убитые, летели в море срубленные снасти.

Нападавшие начали рубить мачты. Вот рухнула, беребитая у основания, грот-мачта, разнеся в щепы половину правого борта и придавив несколько человек. Я видела, как под их телами медленно расплывалась красная лужа. Это был кошмар наяву! Мое тело сковал такой дикий ужас, что я буквально оцепенела, не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой. Так и стояла в узком коридорчике, прильнув к маленькому окну.

— Виель!!! — позади меня раздался истеричный женский крик.

Я медленно повернулась, будто сомнамбула, подняла невидящий взгляд. У дверей каюты стояла, заломив руки, маленькая Рини, ее лицо было мокрым от слез, а в глазах плескался безотчетный ужас.

Я втокнула ее назад в каюту, которую мы делили прошлой ночью, и захлопнула дверь. Девочка судорожно сжимала ворот своего платья, ее губы что-то безмолвно шептали. Я встряхнула ее, только истерики мне не хватало!

— Успокойся! Ты не пострадала?

Рини сморгнула, будто не понимая, в ее глазах задрожали слезы, рот скривился, собираясь разразиться рыданиями. У меня было такое чувство, что она меня не слышит.

В общей какофонии битвы вновь загрохотали пушки. Пол под ногами накренился, бросая нас навзничь. Я ударилась плечом, зашипела, перекатилась на спину и попыталась встать. Корабль

тряхнуло, и я опять покатила к кубарем, ударяясь об острые углы. Меня швырнуло на ножку стола, что-то хрустнуло. Мне показалось, что это были мои ребра.

Сверху полетели наши саквояжи, корзинка с рукодельем, книги, оставленные на столе... медленно, будто раздумывая, и царапая паркет, поехал тяжелый комод и кресла — единственная незакрепленная мебель в этом помещении.

Меня откинуло в дальний угол и прижало перевернувшимся креслом. Справа, в нескольких шагах, раздавались приглушенные вскрипы Рини. Эти звуки раздражали. У меня ныли ребра, болела голова, отнимались руки и ноги. Я хотела закрыть глаза и забыть о том, что здесь происходит.

Неожиданно все стихло. Я даже не поверила своим ушам, когда за стенками каюты воцарилась относительная тишина. Смолкли пушки, исчез сухой треск пистолетных выстрелов, лишь кое-где раздавались приглушенные расстоянием крики, да натужно скрипел корабль под ударами волн.

В коридорчике раздались шаги. Кто-то шел, методично распахивая все двери. Совсем рядом зазвучал хриплый отрывистый голос. Кто это?! Что им нужно?!

Я свернулась в комок под перевернутым креслом. Вытянула руку, нащупала мокрую от пота ладонку Рини. Она была холодной, как лед, но ответила на мое пожатие. Вдвоем стало не так уж страшно.

Дверь каюты с треском распахнулась, в помещение ворвался порыв ветра. Со своего места я увидела, как в проеме возник высокий, мощный силуэт, вооруженный пистолетом и внушительным клинком. Еще один вырос за его спиной.

Они бесцеремонно осмотрели каюту, не сходя с места, а потом один из них скользким шагом двинулся в нашу сторону. Я была уверена, что нас не видно под грудой мебели, но он будто что-то чувствовал. Тяжело дышал, словно принюхивался, и вел себя, как дикий зверь на охоте.

Я прозевала момент, когда он одним прыжком оказался прямо передо мной и откинул в сторону нашу баррикаду из сломанной мебели. Перед глазами возникли грубые башмаки из буйволиной кожи. Я зажмурилась и втянула голову в плечи, вспоминая все известные молитвы.

Рядом вскрикнула Рини. Я приоткрыла один глаз. Второй из чужаков присел рядом с ней на корточки и бесцеремонно разглядывал ее лицо, держа за подбородок.

— Женщины, — процедил он так, будто плюнул, — санхейо!

Меня дернули за волосы, заставляя поднять голову. Внутри все замерло, собираясь либо упасть в обморок, либо разразиться истерикой.

— Санхейо? — раздался сверху простуженный голос, полный сомнения. — Пахнет странно... надо Эйдену показать.

— Тяни наверх, а я возьму эту цыпу.

Меня довольно грубо подхватили под руки и вздернули на ноги. Я задрожала всем телом, колени ослабли, тело начало заваливаться, угрожая рухнуть на пол. Незнакомец грубо выругался и вдруг залепил мне хлесткую пощечину.

— Без истерик!

Моя голова мотнулась, как тряпичная, рот наполнил сладковатый привкус крови. Я сплюнула. Кровь оказалась странного грязно-фиолетового цвета. И тут меня затрясло.

Тело прошла острая судорога, пробежалась по коже обжигающая боль. Я выгнулась, мучительно застонав. Ошеломленный мужчина выпустил меня из рук и я безвольной кучей свалилась у его ног. Он отступил, словно не понимая, что со мной происходит, и я увидела в конце коридора вырванную дверь, ведущую на палубу. Она болталась на одной петле и призывно скрипела, будто шепча: это твой единственный шанс, беги!

И я побежала! Задыхаясь от боли, вскочила на ноги, оттолкнула не ожидавшего такой прыти незнакомца и рванула вперед, не разбирая дороги.

— Вирровы ляжки! — раздался позади недоверчивый шепот, перешедший в оглушительный крик: - Даханни!!! Держи ее!!

Я даже смогла выскочить на палубу, чем неимоверно гордилась. Но на этом мое везение кончилось. Резкий порыв ветра ударил меня в лицо, ноги подскользнулись, разъезжаясь в лужах, и тут я поняла, что все пропало!

С запада надвигался шторм. Почерневшее небо пронзали молнии, в отдалении слышались громовые раскаты, похожие на выстрелы корабельных пушек. Свинцовые волны швыряли корабль, будто щепку, били в корму, заливали палубу, сметая в морскую бездну всех, кто хоть на миг зазевался.

Не удержавшись на ногах, я запнулась за брошенный канат и упала прямо в грязную лужу. Ледяная волна перелетела через фальшборт и накрыла меня с головой, потащила по грязной палубе, сдирая тонкую кожу с ладоней. Рядом кричали люди.

Наглотавшись воды, я ударилась головой об остов мачты и на мгновение лишилась сознания. Когда очнулась, от страха едва смогла дышать: чьи-то руки деловито ощупывали мое тело.

Кожа горела, как в огне, изнутри все будто плавилось. Но эта боль была не такая, как вчера. Вчера она вспыхивала и гасла, точно пульсировала, а сегодня это было мощное, но ровное пламя. Я с трудом разлепила глаза и уставилась прямо в чужие глаза, сосредоточенно изучавшие мое лицо.

— Эйрина? — прозвучал глубокий бархатистый голос. — Вы меня слышите?

Я еле заметно кивнула.

— Назовите ваш рейн.

— Я... шейнаб...,- с трудом выдавила из себя, — шейнаб Кархадана...

Мужчина нахмурился, встал, возвышаясь надо мной, и тут я его узнала. Это был он! Капитан пиратского брига!

Я ахнула, в ужасе закрывая рот руками. Его лицо скривилось в презрительной усмешке.

— Шейнаб, говорите? Тогда к Вирру все церемонии, — и он одним движением закинул меня себе на плечо.

Я завизжала, задергалась, пытаюсь вырваться, забарабанила руками по его спине, но увесистый шлепок по попе заставил меня захлебнуться собственным криком. Только теперь я заметила, что бой продолжается лишь на шканцах, где защитники успели установить две баррикады из разбитого такелажа. Там же я увидела дазгана, которого теснили к краю кормы вооруженные до зубов пираты.

— Рейхо!!! Рейхо Кархадан! — закричала я, срывая голос, и снова начала вырываться.

Его взгляд метнулся в мою сторону, глаза расширились, и я увидела, как гибкое тело дазгана наливается первобытной силой. О, Двуликий! Он собирался обернуться в драха!

Мой похититель прибавил шагу, неся меня через всю палубу к левому борту. Его бриг медленно отходил, но на воду были спущены шлюпки. Пираты вылавливали своих из ледяной воды и добивали чужих, упавших за борт. На волнах качались трупы и раненые, смытые прямо с палубы, их отталкивали баграми, ничуть не заботясь, что там могут быть живые.

— ЭЙДЕН ДАННАХАН!!! — казалось, сам воздух содрогнулся от этого рыка. — Ты труп!!!

Позади нас словно взревел могучий зверь. Этот громогласный рев никак не могла издать человеческая глотка! Я извернулась ужом, вытягивая шею. Широкая спина похитителя закрывала обзор. Он уже бежал, перепрыгивая через трупы и обломки такелажа.

Позади мелькнула смутная тень. Некто огромный и черный, как ночь, с обрывками формы на могучем торсе, спрыгнул на палубу прямо со шканцев и теперь гнался за нами гигантскими скачками. Ужасное чудовище с алыми, горящими гневом глазами и обнаженной саблей в руках.

В последний миг, когда когтистая лапа драха уже готова была схватить пиратского капитана за шкуру, он оттолкнулся от палубы, взлетел на поручни, идущие вдоль фальшборта, и вдруг, вместе со мной, кинулся прямо в бушующий океан.

Тело камнем вошло в ледяную воду, подняв тучи брызг. От удара, воздух выбило из легких. Волны сошлись над головой, отрезая от неба. Лишь в ушах еще долго звучал хриплый вой, полный мучительной тоски...

Меня выдернули из воды, как пробку из бутылки. Грубые руки дернули вверх, ничуть не заботясь о моем брэнном теле. Я ударилась животом, когда меня переваливали через борт шлюпки, будто мешок с камнями. Втащили и бросили прямо на дно, под ноги гребцам.

Легкие горели от жгучего огня, желудок бастовал, пытаюсь выпрыгнуть наружу, а тело трясло мелкой дрожью. Я закашлялась, извергая из себя потоки воды, которой успела наглотаться. Меня скрутило в рвотном позыве.

Кто-то “сердобольный” схватил меня за волосы и свесил мою голову над водой. Меня вырвало.

Задыхаясь и дрожа, я сползла на дно шлюпки. Приподнялась на локте и огляделась.

Это были не даханны! Более высокие, более мощные, с резкими чертами лица, с натруженными мускулами, перекатывающимися под мокрой одеждой. На корме стоял мой похититель, держа в руках тяжелое весло, и, прищурившись, шарил взглядом по вздымающимся волнам.

Шлюпку бросало то вверх, то вниз, от чего замирал дух, а волосы вставали дыбом. Казалось, вот-вот нас накроет волной и я закончу на дне свою грешную жизнь!

Я вцепилась в борт, вжала голову в плечи и попыталась вспомнить хоть какую-нибудь молитву. На ум не приходило ничего, кроме отборной матросской ругани.

Шлюпка дернулась в очередной раз. Что-то тяжелое навалилось на левый борт, от чего угловое суденышко опасно накренилось. Чужаки отважно боролись с волной, пытаюсь выпрямить крен, а в шлюпку уже лезло огромное мокрое существо, похожее на демона из ада. Это был драх!

Мой похититель хрипло выкрикнул очередную команду. Шлюпку резко развернуло, откинув драха назад в воду, но он, как безумный, вцепился в борт, вонзив когти в твердую древесину.

Капитан пиратов нагнулся над ним, будто желая что-то сказать. Я увидела, как шевелятся его губы. Драх взревел, замахнулся, но противник опередил: тяжелый удар веслом обрушился на голову драха, и огромное тело безвольно повисло. Пират с презрительной усмешкой толкнул его ногой, сбрасывая в воду. Потом обернулся и уставился на меня. В его глазах я увидела свой приговор.

Я была мокрой, жалкой и дрожащей, когда меня, чуть ли не за шкуру, втащили на палубу брига. Капитан пиратов хорошенько встряхнул меня, будто грушу, и отошел на шаг, скользя по мне задумчивым взглядом.

— Шейнаб, значит, — медленно произнес он. Затем повернулся к своим людям и приказал: Заприте ее в моей каюте и готовьтесь, мы должны обогнать бурю.

Я была мокрой, жалкой и дрожащей, когда меня, чуть ли не за шкуру, втащили на палубу брига. Капитан пиратов хорошенько встряхнул меня, будто грушу, и отошел на шаг, скользя по мне задумчивым взглядом.

— Шейнаб, значит, — медленно произнес он. Затем повернулся к своим людям и приказал: Заприте ее в моей каюте и готовьтесь, мы должны обогнать бурю.

Меня не слишком любезно подтолкнули в сторону кормы.

Начался ливень. Два дюжих пирата с бандитскими ухмылками на небритых рожах втолкнули меня в двери капитанской каюты, и я услышала, как за моей спиной сухо щелкнул замок. Теперь меня еще и заперли.

Я огляделась. Что ж, этот Эйден, или как его там, неплохо устроился. Если каюта дазгана казалась эталоном суровой мужской лаконичности и минимализма, то здесь был противоположный случай. Одна кровать чего стоила: огромная, стоящая на деревянной решетке, с четырьмя витыми столбиками из черного дерева, на которых крепился шелковый балдахин. Такая кровать сделала бы честь любому принцу, но видеть ее на пиратском корабле было как-то странно.

Стены каюты прикрывали гардины из темно-синего бархата, на полу, один на другом, лежали несколько толстых ковров с красочным узором. Я стянула с себя мокрые чулки и башмаки и с удовольствием погрузила ступни в густой и мягкий ворс. Он скрыл меня почти по щиколотки.

Широкий стол у окна, полки, пара встроенных стеллажей — все было заставлено книгами. И, судя по знакам на корешках, написаны они были на разных языках. Широкое кресло у стола

манило присесть в него и отдохнуть, но я стояла посреди каюты, дрожа от холода, а с меня на пушистый ковер ручьем стекала вода. Никто и не подумал о том, чтобы дать мне переодеться!

Что ж, придется самой о себе позаботиться. Чувствую, на этом корабле вряд ли найдутся альтруисты. Одно радовало: я в закрытом помещении и буря мне не страшна.

Так, посмотрим, что тут у нас?

Я бесцеремонно распахнула платяной шкаф. С деревянных плечиков стройными рядами свисали тонкие батистовые рубашки и бархатные камзолы с золотыми и серебрянными позументами. Да наш пират большой модник, как я погляжу! Думаю, он не обеднеет, если я позаимствую одну из его рубашек.

Поминутно оглядываясь на двери, я сбросила на пол мокрое платье и нижнюю сорочку, и облачилась в сухую одежду. Рубашка капитана скрыла меня чуть ли не до колен, плечевые швы оказались примерно в районе локтей. Я мысленно представила его внушительную фигуру, возвышавшуюся надо мной на две головы, и невольно сглотнула. Если я не ошибаюсь, этот Эйден выше Кархадана на целую голову — это точно!

Поверх рубашки я натянула широкий плащ из тонкой шерсти, закуталась в него по самые пятки и уселась на кровать. Я не знала, что делать дальше. Навалилась такая апатия, что хотелось просто лечь, закрыть глаза и забыть о последних днях своей жизни.

Я чувствовала, как мое тело гудит от избытка чужеродной энергии. Тогда, на имперском фрегате, меня охватила вторая волна инициации. Не представляю, чем бы все кончилось, если бы меня не бросили в ледяную воду!

Страх перед смертью и холодный океан стали отличным средством борьбы с собственной сущью. Вторая волна боли и жара схлынула, едва начавшись. Но сейчас, когда я лежала в относительной безопасности и тепле, меня вновь начало потряхивать.

Сначала по коже словно огоньки пробежались — мелкие и колючие, потом, от кончиков пальцев в направлении сердца медленно, но неумолимо, начало разливаться тепло. Оно заполняло меня изнутри, усиливалось, обещая превратиться в гудящее пламя.

Я сжалась. Боль усилилась, выжимая слезы из глаз.

Глубоко вздохнула, постаралась расслабиться. Это было нелегко, но я старалась и заметила странную закономерность: чем больше я расслабляла мышцы, чем глубже и размереннее становилось мое дыхание, тем менее острой становилась боль. Как будто некая сила пыталась сродниться со мной, войти в мою плоть и кровь, а я мешала своим сопротивлением.

Я не знала, что это, я боялась его и не хотела, но когда я впустила это, обжигающая боль вдруг обернулась ласковым теплом, приятно греющим меня изнутри и снаружи.

Я открыла глаза и недоуменно уставилась на свои руки и ноги. Все открытые участки кожи окружал ровный, едва заметный светящийся ореол бледно-золотистого цвета с красноватым отливом. Я словно плыла в теплом ласковом облаке, наполненном солнечным светом. Это было прекрасно!

Где-то на задворках мелькнула мысль: у даханнов на фрегате было серебристое свечение! Мелькнула — и пропала.

Корабль швыряло, будто щепку. Вскоре лежать стало невозможно: качка усилилась, тяжелые волны одна за другой били в корму, натужно стонали шпангоуты. Бриг бросало то вверх, так что его бушприт задирался в небо, то вниз — и тогда у меня внутри все сжималось от страха. Вещи со стола капитана давно валялись по всей каюте, хорошо еще, что дверцы шкафов закрывались на шпингалеты, а книги на полках были тщательно укреплены. Чего не скажешь обо мне.

Выдержать здесь, в этом заточении, стало просто невозможно! Когда меня в очередной раз швырнуло на пол, я явственно услышала треск и похолодела.

В разбитое окно каюты, швыряя мне в лицо осколки стекла, ударила ледяная волна. Я едва успела прикрыть голову руками. Морская вода беспрепятственно хлынула в каюту, но тут корабль вновь взлетел на гребне волны, и вода ушла, оставляя после себя холодные лужи и жгуты бурых водорослей.

За окном бушевала стихия, гроза была такой, что видимость практически исчезла. Черное небо, пронзаемое яркими молниями, черные волны, вздымающиеся к самому небу — и посреди этого безумства маленький кораблик с одной глупой эйриной на борту!

Вот вспыхнули сразу три, нет, четыре молнии! В их ярком свете я увидела, как по вантам на бизань-мачту лезут несколько человек. Все паруса уже убрали, оставался только один, самый большой.

Корабль качнуло, он накренился, и я едва не закричала: тот, кто первым добрался до верхней реи, сейчас висел вниз головой, запутавшись в вантах.

Еще рывок — и он исчез, смытый огромной волной, захлестнувшей корабль!

Последний парус не зарифили. Он болтался огромным черным полотнищем, и ветер мотал корабль из стороны в сторону, будто вредный ребенок, трясуший свою погремушку.

Бриг швырнуло на левый борт, он накренился, черпая воду. Не удержавшись на ногах, я покатила по мокрому полу, раясь об осколки стекла и острые углы. Над моей головой вместо потолка оказалась стена каюты. В разбитое окно хлынула ледяная вода.

Это был конец! Если корабль не выпрямится, мы все пойдем ко дну! Кто-то должен был залезть на бизань мачту и перерезать снасти, удерживающие парус. Но это было сродни самоубийству!

Всю жизнь прожив рядом с морем, я не могла представить себе и десятой доли того мужества, которое оно требует от своих детей. Стоять там, на верхней палубе, где хлещет ливень и бьют смертельные волны, из последних сил держаться за реи и ванты — и при этом знать, что любой миг может стать для тебя последним — и все равно, твердой рукой вести этот корабль вперед, туда, где над кромкой горизонта виден край голубого неба, туда, где кончается буря! Я могла лишь восхищаться этими отважными моряками, пусть они и были пиратами.

Я лежала в углу между полом и стеной, окно каюты темнело почти над головой. Крен был градусов сорок, не меньше. Гигантские молнии пронзали черное небо.

Руки, изрезанные стеклом, странно защипало, будто кто плеснул на раны крепкий алкоголь. В свете молний я поднесла ладони к глазам и не сдержала изумленный крик: кровоточащие ранки затягивались прямо на глазах! Только вот кровь... моя кровь стала странного бурого цвета: такой получается, если в красную краску добавить синьку. И это золотистое сияние, оно

то вспыхивало, то гасло, и я поняла, что его интенсивность зависит от степени моего волнения. Это плохо. Держать себя в руках я всегда не умела...

Оставаться в каюте становилось слишком опасно. Дверь закрыта, но окна не слишком высоко от палубы. Можно попробовать. Я поползла на коленях, нащупала при свете молний край оконной рамы. Завернув руку в мокрый плащ, выбила остатки стекла и ужом скользнула в пустоту.

Матросы сновали по палубе, держась за тросы, натянутые вдоль фальшборта. Корабль заваливался на бок, оставшийся парус не давал ему выпрямиться, а между тем, крен становился все больше и больше. Еще чуть-чуть — и из воды покажется киль. Если это случится, нас уже ничто не спасет.

Я машинально взглянула на мачты и обомлела. Кто-то лез на бизань с абордажной саблей в зубах. Я напрягла зрение. Внизу матросы рубили шкоты кто чем мог. Отчаянный смельчак собирался срезать парус с верхней реи.

Вспыхнула молния. Осветила мужскую фигуру, ловко перемещавшуюся по вантам. Это был сам капитан! Мое сердце замерло, пропустив удар.

Он пират, убийца, преступник! Но я испугалась за его жизнь.

Казалось, сама стихия вступила в схватку с отчаянным безумцем. Штормовой ветер бил прямо в лицо, ледяные волны взлетали до самого клотика, а снасти трепались так, что мужская фигура, повисшая над бездной, то и дело ударялась о мачту. И все же, медленно, но упорно, капитан продолжал лезть вперед.

Я следила за ним, затаив дыхание. Мое сердце пропускало удар, стоило мужчине остановиться, и пускалось вскачь, когда он переползал на следующую выблёнку, подбираясь все ближе к гафелю.

Наконец, капитан сумел достичь верхней шкаторины. Взяв саблю в левую руку, а правой держась за ванты, он потянулся, пытаясь перерезать оснастку. Изловчившись, перерубил крепления, и парус огромной черной птицей унесло ветром.

С натужным стоном бриг медленно начал выпрямляться. Такелаж, съехавший на левый борт, теперь неумолимо возвращался обратно, скользя по мокрой палубе.

Уцепившись за опускающийся фальшборт, я чувствовала себя, как на адских качелях. Мой взгляд не отрывался от того, кто только что спас наши жизни. Но вдруг, мужская фигура на мачте развернулась, будто что-то почуяв, и меня прошил обжигающий жар. Капитан смотрел мне прямо в глаза! Холодно и равнодушно.

У меня внутри точно что-то оборвалось. Этот человек был сумасшедшим! Отчаянным храбрецом, чье мужество граничило с безумством. Он не боялся смерти, смеялся буре в лицо и не ценил жизнь. Ни свою, ни чужую.

Я не могла двинуться с места, пока он спускался. Но вот Эйден спрыгнул вниз с высоты нескольких футов, и над палубой раздался его зычный, резкий голос, перекрывывший бурю. Матросы бросились по местам, без размышлений и сомнений выполняя команды. Капитан в три прыжка достиг юта и принял штурвала у рулевого.

Я видела, как вздулись мышцы на руках Эйдена, когда он до отказа переложил руль влево и

закрепил его. Бриг послушно развернулся к волне бортом.

Раздался крик, и все ринулись на левый борт, одна я осталась у правого, не понимая, что надо делать.

— Держитесь, маленькая даханни! — раздался над головой прокуренный голос, и чьи-то руки железным кольцом вжали меня в чужое, пахнущее солью и потом тело.

Я испуганно вскинула взгляд. Один из пиратов схватил меня поперек талии и теперь крепко удерживал, вцепившись другой рукой в трос, натянутый вдоль фальшборта. Что-то заставило меня оглянуться и я задохнулась, открывая рот в немом крике.

Прямо на нас надвигалась гигантская волна. Впереди, в пронзаемой молниями тьме, поднимался огромный пенный гребень, концы которого терялись из виду. Он выплывал из бездны, ширился, рос, заполняя собою все небо, готовясь вот-вот обрушиться и погребсти нас под тоннами воды!

— Что это?! — прошептала я помертвевшими губами.

— Конец бури! — ответил пират и прижал меня еще сильнее.

Конец? Какой конец? Вот нам конец, это точно!

Гигантская волна обрушилась на нас с неотвратимостью снежной лавины. Корабль швырнуло на правый борт, и на несколько бесконечно долгих секунд я с головой погрузилась в ледяную воду. Меня рвануло в сторону, завертело, ударило о поручни, но мужская рука продолжала крепко сжимать, не давая стихии выкинуть меня в океан.

Корабль поднялся на самый гребень, повернулся на другой бок и ухнул вниз, в беспросветную тьму штормового моря.

Не знаю, сколько я провела в беспамятстве, но когда очнулась, утро было в самом разгаре.

Корабль скользил по водной глади, едва покачиваясь, подгоняемый попутным ветром, а я лежала в теплой сухой постели и блаженно улыбалась, думая, что попала в рай.

Странные звуки заставили меня открыть глаза, и я с недоумением уставилась в деревянный потолок. Повернулась на бок и замерла, изумленно глядя на мужчину, стоявшего спиной ко мне в трех шагах от кровати.

Обнаженный по пояс, в одних узких кожаных штанах, подвернутых под самые колени, он стоял босиком на полу каюты и энергично растирал полотенцем свою крепкую спину. Под гладкой бронзовой кожей перекатывались мощные мускулы. От самой шеи шли странные символы в виде переплетающихся черных линий. Они спускались вдоль позвоночника и исчезали за поясом штанов. Гибкий торс, узкая талия, длинные ноги — идеальное тело природного хищника. От него исходила тяжелая мужская сила, пугающая и первобытная.

Вот он отбросил полотенце и развернулся ко мне.

Определенно, это был даханн, только какой-то странный. Черты лица очень похожи: высокий лоб, прямой нос, резко очерченные скулы и твердый подбородок. Но кожа по цвету чуть темнее, чем у меня, а волосы не белокурые, а золотисто-каштановые и жесткие, как тонкая

медная проволока. В нем явно смешалось несколько рас, но как? Разве Рейхо не учил меня, что у них не бывает полукровок от санхейо?

Я вздрогнула под его бесстрастным взглядом, который пополз по мне, равнодушно изучая все подробности. И только теперь я поняла, что лежу в чужой постели, завернутая в теплое одеяло, а моя прежняя одежда валяется мокрой кучей на полу.

Мой испуг отразился в его холодных глазах. Они были странные, серо-стального цвета, с продольным зрачком, что делало их похожими на глаза змеи. И в них не отражалось ни единой эмоции, ни единого чувства. Под этим бездушным взглядом я сжалась, судорожно стискивая одеяло.

Он подошел ко мне так близко, что я ощутила исходящее от него тепло. Сел на корточки рядом с кроватью, протянул руку и растер между пальцев мой закрученный локон. Зачем-то понюхал. Все это молча и абсолютно бесстрастно.

Затем поднялся и неторопливо прошелся через всю каюту к платяному шкафу.

Вернулся, бросил на кровать какую-то одежду и сухо произнес:

— Одевайтесь, маленькая даханни.

Я густо покраснела, а он добавил, заметив предательский румянец:

— И не советую мне врать. Я это очень не люблю.

Я с сомнением покосилась на одежду и спросила:

— Может, вы отвернетесь?

Голос малодушно дрогнул.

— Нет, — спокойно ответил мужчина.

Я вытаращилась на него, открыв рот.

— Как “нет”? Я не могу переодеваться при вас! Это недопустимо! Правила...

Он оборвал меня, сдернув одеяло резким движением. В одно мгновение я взлетела в воздух, подхваченная твердой рукой, а в следующий миг уже лежала поперек кровати на ворохе одежды. И да, абсолютно голая!

— Правила здесь устанавливаю я, — раздался над моей головой равнодушный голос. — Одевайтесь.

От злости на глаза навернулись слезы. Сжав губы в упрямую полоску, я поднялась на негнущихся ногах и молча начала напяливать на себя то, что мне дали. Тело было как деревянное, руки не слушались, а в душе все кипело от унижения.

Что ж, с одеждой мне повезло. Вероятно, прежде ее носил юнга, одного роста со мной: узкие бриджи по колено из коричневой кожи, серая бумазейная рубашка и парусиновая куртка на пяти больших костяных пуговицах. Шерстяные чулки, шарф и кожаные ботинки завершали ансамбль. Все было ношеное, но чистое и сухое, что весьма радовало.

Натянув ботинки и накинув на шею шарф, я подняла голову и настороженно уставилась на мужчину. В его взгляде сквозило удовлетворение.

— Присаживайтесь, — он кивнул в сторону кресла. — Пока у меня есть время, я хотел бы кое-что уточнить. И в ваших интересах выслушать меня молча, не перебивая.

Я села на самый краешек оббитого бархатом сиденья и скромно сложила руки на коленях. Опустила взгляд, не желая, чтобы этот странный тип прочитал мои мысли. Пальцы сжались так, что побелели костяшки, золотистое сияние то ярко вспыхивало, то полностью гасло, будто подмигивало, издеваясь.

Он несколько минут просто стоял, сложив руки на груди, и рассматривал меня. Причем, даже не побеспокоился, чтобы прикрыться. Неужели у него совсем стыда нет?!

Потом взял стул, повернул ко мне спинкой и сел на него верхом. Я покосилась на его босые ноги и снова покраснела. У этого грубияна были на редкость красивые икры. Мускулистые и стройные, покрытые легким бронзовым пушком.

— Можете не стараться, — хмыкнул он, а я замерла, впервые ощутив в его голосе хоть какую-то эмоцию! — На этом корабле полукровки нидангов, на них ваши чары не подействуют. Это не даханни и не санхейо. Падать ниц не будут и молить о благосклонности тоже. Назовите ваше имя и ваш рейн. Надеюсь, вы из достаточно богатой семьи и ваши родные смогут заплатить выкуп.

Я смущенно закусила губу и спросила:

— А если нет?

— Что — “нет”?

— Если меня не выкупят?

— Сомневаюсь. Вряд ли даже самый обедневший рейн бросит свою даханни в руках Эйдена Даннахана. В Амидарейне слишком хорошо знают о моем отношении к таким, как вы.

— И какой же выкуп вы потребуете за меня? — чуть помолчав, поинтересовалась я.

— Чем больше, тем лучше, — раздался лаконичный ответ.

Ну что ж, внутри меня уже потирало ручки и злобно хихикало мое мстительное второе “я”.

— К несчастью, — сказала я голосом, полным притворного сожаления, — на этот раз вам придется пересмотреть свои планы. Во-первых, я сирота и выросла в Эролле, а ваш хваленый Амидарейн и в глаза не видела. А во-вторых, никакого рейна у меня нет, меня воспитывали санхейо.

Он выслушал меня с абсолютно невозмутимым видом, лишь напоследок одна из его бронзовых бровей скептически изогнулась.

— Вот как? — усмехнулся он краешком губ. — И как же вы попали на посольский фрегат? Что юная даханни делала среди мужчин?

— Это вас абсолютно не касается! — отрезала я.

— Ну почему же, — он вдруг медленно поднялся, так, что заиграли мускулы под смуглой кожей. В голосе появились глубокие мурлычащие нотки. — Это у моих людей слишком много нидангской крови, а во мне-то лишь четверть. Зато я на две четверти даханн, могу, знаете ли, позволить себе слабость...

Он вдруг оказался так близко, что я невольно вздрогнула! Только что сидел на своем стуле, в трех шагах, сверля меня своими змеиными глазищами, а в следующий миг уже стоял, склоняясь надо мной с пугающим блеском в глазах.

Его смуглое лицо казалось застывшей маской. Он ухватил меня за подбородок и заставил поднять голову. Я опустила ресницы, не желая встречаться с ним взглядом.

— Мне все равно, где вы жили и кто вас воспитывал, — жестко произнес он, — просто, назовите имя и рейн.

— Виель, — сквозь зубы процедила я, — Виель Димантис. А рейна никакого нет! Я же говорю вам, меня воспитывали санхейо!

Он отпустил, быстро отошел на пару шагов и снова сел на тот злополучный стул.

— Считайте, что я вам поверил. Но это ничего не меняет. Рейн у вас есть, просто вы об этом не знаете, но у меня имеются способы исправить это досадное недоразумение. Кем бы ни были ваши родственники, думаю, они с радостью пожертвуют парочку островов в обмен на вашу свободу.

— Да они вообще вряд ли знают о моем существовании! — не выдержала я.

— Узнают, — он холодно усмехнулся. — Вам известно первое правило Амидарейна?

Я мотнула головой.

— “Тело, кровь, душа и честь даханни принадлежат ее рейну. Только рейн вправе распоряжаться ее сутью и сущностью”, — процитировал мужчина, пристально следя за моей реакцией. — У них не останется выбора, когда я предоставлю им доказательства в виде вашей плоти и крови.

Я побледнела. Последняя фраза была слишком пугающей!

— Не переживайте, вам не причинят никакого вреда. Вы гораздо ценнее живой и здоровой.

Ага, вот это меня больше всего и пугает!

— Что вы собираетесь со мной делать? — рискнула задать вопрос.

— Пока ничего. Отдыхайте, набирайтесь сил. Они вам еще понадобятся. Мой кок к вашим услугам, но на “Тамрисе” нет особых изысков, к которым вы привыкли на имперском судне. Сухпаек, галеты, солонина. Через четыре дня мы прибудем в нидангские воды. Это все, что вам нужно знать.

Капитан поднялся и подошел к диванчику, на котором была разложена его одежда. Сел, натянул чулки и раскатал штанины. Затем всунул ноги в высокие ботфорты и накинул на плечи батистовую рубашку с пижонскими кружевами на манишке и обшлагах. Длинные волосы небрежно зачесал назад и скрепил в низкий хвост бархатной ленточкой.

Я искоса наблюдала за ним и меня поражало, с какой нечеловеческой грацией он двигался. Это была грация хищника, вышедшего на охоту, изящество смертоносной змеи, скользкой в воде.

На миг мой взгляд затуманился. Мне показалось, будто капитан исчез, а вместо него на меня бесстрастно смотрит огромный морской змей с блестящей бронзовой чешуей, покрывающей его тело. Под его холодным взглядом по моей спине побежали мурашки, а сияние совсем притихло, будто испугавшись.

Я вздрогнула и сморгнула, сбрасывая наваждение. Капитан смотрел не отрываясь, а в его стальных глазах горел странный, пугающий огонь.

У меня перехватило дыхание от его взгляда, и я поспешно отвернулась, стараясь, чтобы мой страх не отразился на лице.

Эйден Даннахан хмыкнул за моей спиной и я услышала, как его шаги удаляются. Скрипнула дверь. И тут в мою голову пришла умная мысль.

— Подождите! — крикнула я, сама удивляясь своей наглости.

Он замер на пороге, медленно развернулся и уставился на меня своим пугающим взглядом.

— Я хотела спросить, — произнесла я, обливаясь холодным потом, — у вас есть книги?

— Книги? — его губы презрительно скривились. — Любите дешевые романчики?

— Нет, я имею в виду учебники.

— Зачем они вам?

Мне показалось, или в его глазах мелькнул интерес?

— Мне нужен учебник по расам. Еще пару дней назад я была уверена, что кроме даханнов и санхейо никого больше нет.

— Узнаю руку Амидарейна, — пробормотал он, словно про себя. Затем, задумчиво оглядел меня с ног до головы, будто решая, что со мной делать, и холодно добавил: — Вы получите свой учебник. Позже. И еще, не советую покидать каюту без моего разрешения.

С этими словами он вышел.

Когда тяжелая дверь закрылась за ним, я облегченно вздохнула. Эти несколько минут общения вымотали меня так, что сейчас хотелось упасть лицом в подушку и реветь до тех пор, пока хватит сил.

Я давно поняла, что могу плакать лишь от злости или от бессилия, когда понимаю, что не могу ничего изменить. И вот сейчас был именно такой момент. По прихоти судьбы я оказалась похищенной, на пиратском судне, ничего не зная о том, что меня окружает и что меня ждет. Бежать некуда, разве что в море, помощи ждать тоже не от кого, остается лишь использовать это время с пользой.

Я вытерла выступившие слезы. В голове медленно созрел план.

Не успела я соскучиться, как дверь снова распахнулась и в каюту под холодным взглядом капитана внесли мой завтрак. Даннахан остановился на пороге, невозмутимо сложив руки на груди, а один из его людей поставил поднос с тарелками на стол и стрельнул в мою сторону любопытным взглядом.

Я заметила проявленный интерес, но мужчина тут же сделал вид, что это была случайность. Я узнала его. Это был тот самый пират, что спас меня от бури, не дав гигантской волне вышвырнуть меня за борт.

Он чем-то напоминал капитана, как напоминают друг друга представители одной расы. Только сходство это было столь поверхностно и неуловимо, что я никак не могла его опознать.

Что-то мелькало в его движениях, в манере склонять голову на бок, будто он постоянно прислушивается, в чуть подрагивающих кончиках тонких губ... И глаза — они были очень похожие, с таким же серповидным зрачком. А еще на висках и подбородке матроса я явственно различила крошечные чешуйки, убежавшие вдоль шеи под ворот парусиновой куртки. Они были почти незаметны в тени, но яркий свет отражался в них, как в крошечных осколках стекла.

Даннахан сказал, что его люди наполовину ниданги, а сам он только на четверть. Я не успела дойти в учебнике Рейхо до этой расы.

Матрос вышел, а я с напускным спокойствием подошла к столу и осмотрела содержимое тарелок. Что ж, капитан не преувеличивал, когда говорил о галетах и солонине. Сегодня на завтрак была перловая каша, заправленная (судя по всему) бараньим жиром со специями, кусок копченого окорока и яблочный сидр. Отдельно лежали несколько плодов желтого и оранжевого цвета. Я их узнала: лимон и два апельсина. Они в Эролле не растут, но многие даханни завозят их и выгодно сбывают на материке.

Однажды в детстве, когда мы с отцом ездили на ярмарку, мне даже удалось попробовать эти экзотические фрукты в придорожной гостинице. Они были ужасно дорогие, но папа сказал, что я была послушной девочкой и заслужила такой подарок. Помню, лимон оказался настолько кислый, что у меня зубы свело. Я плакала, а отец посмеивался и утешал меня. Потом показал, как надо есть: нарезал ломтиками, полил медом — и этот кисло-сладкий вкус запомнился на всю жизнь.

Апельсин показался намного вкуснее. Я и сейчас помнила его цитрусовый аромат и сочную мякоть. Рот наполнился голодной слюной, стоило лишь представить его сладкие оранжевые ломтики!

— Я вижу, вам знакомы эти фрукты, — раздался за спиной спокойный голос капитана.

Он даже вопросы умудрялся задавать таким тоном, будто не спрашивал, а просто констатировал факты.

— Да, мне уже приходилось их пробовать, когда-то давно.

Я покатила пальцем апельсин, чувствуя, как сердце сжимается от невыносимой тоски. Единственный человек, о ком я скучала, был мой отец, вернее, тот, кто его заменил. Он спас меня, дочь враждебной расы, поработившей Эроллу, принес в свой дом и за двадцать пять лет ни словом, ни делом не обидел меня, ни разу даже не намекнул, что я чужая.

Надеюсь, если он и выжил в море, то никогда не узнает, как низко пала его жена и какой

стервой выросла его дочь.

— Тяжелые воспоминания?

Я вскинула на него настороженный взгляд. Слишком пронизательный, это плохо. У меня и так все мысли на лице написаны, как говорится: что на уме, то и на языке.

Придав лицу отсутствующее выражение, я молча села за стол и принялась за еду. Как и ожидалось, Даннахан никуда не делся. С завидным хладнокровием поставил стул напротив стола, оседлал его в своей любимой манере и уставился на меня. Вот это уж точно самая что ни на есть даханнская черта! Кархадан тоже очей с моих губ не сводил, когда я при нем ела.

Странный задумчивый взгляд, неторопясь, скользил по мне, будто ощупывая. Казалось, что мужчина думает о чем-то отвлеченном, но при этом он разглядывал меня так, словно я хорошо знакомый предмет, в котором он вдруг обнаружил что-то новое.

— В вас нет ни капли санхейской крови, — констатировал он прохладным тоном. — Как вы попали на материк?

— Меня нашел рыбак в море. Это все, что я знаю. Он принес меня домой и я двадцать пять лет жила в его семье.

Бронзовые брови капитана изумленно приподнялись, хотя лицо осталось бесстрастным.

— Санхейо взяли на воспитание дочь даханнов?

— У моего приемного отца оказалось доброе сердце.

— А мать?

— У нее была родная дочь, — уклончиво ответила я.

Он сложил руки на спинку стула и подпер подбородок кулаком. Пушистые ресницы цвета темного золота опустились, прикрывая глаза, но змеиные зрачки продолжали поблескивать, неотрывно следя за мной.

— Вы нашли мне учебник? — задала я интересующий меня вопрос.

Глаза чуть приоткрылись, блеснув удивлением.

— У меня ничего подобного не нашлось. Но я могу ответить на любой ваш вопрос. Что вас интересует?

Я отодвинула опустевшую тарелку и с сомнением принялась к сидру. Вроде ничего, только запах резковатый. Перебродил, что ли?

— Кто такие ниданги?

— Древняя раса, возникшая еще в Изначальном мире.

— Я о них никогда не слышала. Расскажите о них.

— Если вы жили в Эролле, то это и не удивительно. Амидарейн не заинтересован в том, чтобы молодые расы знали о существовании Древних.

— Почему?

— Древние малочисленны, но их кровь сильнее. Знаете ли вы, что даханны могут иметь детей лишь от своих женщин и санхейо? — я кивнула, машинально снимая шкурку с апельсина. — От первых рождаются только дочери, от вторых — сыновья, причем чистокровные, никаких примесей санхейской крови. А вот с Древними расами все немного не так. На этом корабле полукровки. В них нидангская кровь смешалась с эрранской. Ниданги — потомки огромных морских змеев, бороздивших просторы океана за миллионы лет до того, как возникли эти острова.

— Так это действительно была чешуя! — не удержавшись, вскрикнула я.

— Да, только обращаться они не умеют, как чистокровные ниданги. К сожалению, кровь эрранов блокирует все способности. Они просто люди. Суть сильнее, чуть ловчее остальных, но не более.

Вы ведь тоже полукровка, вы это знаете?

Я как раз положила в рот сочный ломтик апельсина и теперь наслаждалась его вкусом, но при этих словах случайно проглотила его не жуя.

— С чего вы это взяли? — смутилась я.

— Ваша кожа и волосы.

— А что с ними не так?

— Смуглая кожа и жесткие вьющиеся волосы это отличительная черта шайенов. Во мне тоже есть капля их крови, — и он протянул свою руку над столом.

Затаив дыхание, я вытянула свою и сравнила. Действительно, если у даханнов кожа была белее снега, то у нас с Эйденем больше напоминала светлую бронзу, только у него темнее на пол тона. И волосы очень похожи: жесткие, только у него золотисто-каштановые, а у меня пепельные, и мои вьются мелким бесом, а у него лишь слегка волнистые.

— Интересно, а какие они, эти шайены, от которых нам достались такие черты? — задумчиво пробормотала я.

— Очень смуглые, — ответил Эйден, немного отодвигаясь и убирая руку, — и волосы у них вьются, как у вас, только черные.

Я пожалела, что не успела хотя бы картинку посмотреть.

— Это тоже Древняя раса? От кого они произошли?

— О, это особая история.

Даннахан с видимым удовольствием следил за тем, как я понемногу уничтожаю апельсин. Сначала его пристальный взгляд смущал меня, но, хорошо подумав, я решила не обращать внимания. Может, я на этом корабле единственное развлечение. Пусть смотрит, лишь бы руками не трогал.

— Шайены, как и ниданги, очень древняя раса. Говорят, их предки существовали задолго до

того, как сформировался Изначальный мир, и в те времена у них было другое название. Ифриты. Демоны огня.

Я замерла, изумленно хлопая ресницами. Информация не укладывалась в голове. Морские змеи, демоны огня... Хотя, тот драх, в которого обратился Рейхо, тоже был вылитый демон! Совсем как на витражах в храме Дзуликого, только без рогов и копыт.

— А драхи тоже демоны?

— Тоже, — кивнул Даннахан, — только ифриты обитали на восточном побережье Умарры, а драхи — на западе Галотеннора. Это две абсолютно разные расы, хотя не удивлюсь, если однажды выяснится, что у них общий предок. Вы заметили ваше отличие от даханнов? Цвет кожи, волос и сияния? Чистокровные шайены смуглые и светятся огненно-красным, но в вас слишком мало их крови, вряд ли вы сможете вызывать огонь, как они.

Я поставила локти на стол и потерла виски. Что же это получается... Я даханни с примесью шайенской крови, в моих жилах течет такая смесь, что я даже не знаю, чего ждать от самой себя. Но обладать огненной стихией мне бы не хотелось, мало ли, если уж и суждено обнаружить в себе какие-либо магические способности, то пусть это будет что-нибудь менее разрушительное, чем огонь.

— А как насчет вас?

Бронзовые брови капитана чуть приподнялись, в светлых глазах мелькнула насмешка.

— Что насчет меня?

— В вас же тоже всего намешано. Вы умеете вызывать огонь?

Его губы чуть дрогнули, будто он сдержал улыбку.

— Нет, я умею кое-что другое.

Это было сказано таким тоном, что меня невольно кинуло в жар. Легкая дрожь пробежала по моему телу и замерла где-то внутри теплым комком, едва заметное сияние заиграло яркими вспышками, кончики пальцев закололо, по спине промаршировали мурашки... Глаза мужчины широко распахнулись, зрачки расширились. Он вдруг подался в мою сторону и втянул носом воздух.

— Вы неиницированы! — заявил Эйден обвиняющим тоном и вскочил, отходя в сторону. — Сияние есть, значит две волны уже было... — пробормотал он, будто про себя. — Все демоны моря, с кем я связался!

Я замерла. Все напускное хладнокровие слетело с капитана пиратского судна, стоило ему лишь сообразить, что моя инициация не полная. Тяжело дыша, он запустил пальцы обеих рук в свою шевелюру и со стоном подергал, будто хотел оторвать.

— Это невероятно! Кто вообще взял вас в это плавание? Он был сумасшедший?

— Нет, — сухо бросила я. — У него не было выбора. Или вы не знаете, что мне грозило, останься я у санхейо?

— О, да, эти глупые санхейо просто с ума сходят по хорошеньким маленьким даханни! —

огрызнулся он с внезапной злостью. — Но какой дурак взял вас на корабль, полный даханнов? Или он не знал, что безумие может охватить всю команду, стоит лишь начаться третьей волне?

— Дазган Кархадан поселил меня в своей каюте и очень строго охранял, — призналась я, — с другими я почти не общалась, видела так, мельком, пару раз.

— Вот как? — криво усмехнулся он. — Значит, верный слуга империи решил оставить себе столь лакомый кусочек? Насколько я помню, его титул не позволяет жениться на даханни.

Мне вдруг стало так обидно за Рейхо, что я невольно насупилась. Все же, дазган хорошо обращался со мной, заботился, обещал найти родных... Этот пират тоже собирается их искать-раздался в голове язвительный голос моего второго "я".

— Вы к нему что-то чувствуете? — пристально глядя на меня, спросил Эйден.

— Он хороший человек, — уклончиво произнесла я, — не говорите о нем в таком тоне.

— Ну как же! — интонация капитана стала откровенно издевающейся. — Наш верный дазган Рейхо Кархадан, славный паладин на службе Их Императорского Величества, поборник правды, защитник обездоленных! А вы уже воспылали к нему светлыми чувствами, не так ли? Ну извините, нарушил вашу идиллию. Но вы не переживайте, я не такой зверь, как кажется. Найдем ваш рейн, я получу мои деньги — и можете отправляться к своему возлюбленному, ничего не имею против.

С этими словами он открыл дверь и что-то крикнул на другом языке. На пороге тут же вырос один из матросов.

— Эйрина, — губы Эйдена растянулись в жесткой усмешке, — это Шерран. Он отведет вас в вашу каюту. Комфорт не обещаю, но, по крайней мере, там вы будете избавлены от моего присутствия.

Поджав губы, я одарила его взглядом, полным презрения, и гордо прошествовала мимо. Шерран посторонился, пропуская меня, и я вновь оказалась на палубе.

Здесь ярко светило солнце, легкий бриз наполнял паруса, а за бортом перекатывались синие волны. В чистом голубом небе я заметила птиц.

— Это чайки? — изумленно спросила я у Шеррана.

— Да, эйрина, рядом земля.

— Земля? — я встрепенулась, заозиралась, но ничего не заметила. — Где же она?

— Это несколько островов, только камни и скалы. Мы прошли их полчаса назад.

— Понятно, я хочу постоять на палубе. Это возможно?

Щерран неожиданно вытянулся в струнку и скосил глаза мне за спину. Я развернулась. Позади меня стоял Эйден Даннахан и с каким-то циничным видом разглядывал нас.

— Пробуете свои чары на моем экипаже? — усмехнулся он. — Разве я не говорил, что это бесполезно? На нидангов это не подействует. На этом корабле только я могу почувствовать Зов даханни, но я постараюсь этого избежать. Идите в свою каюту и сидите там молча, иначе мне придется закрыть вас там насильно.

От подобной несправедливости у меня перехватило дыхание, а горло сжалось, от еле сдерживаемых слез. Сжав руки в кулаки, я до крови закусил губу.

Ну уж нет, он не дождетя! Пусть не думает, что его беспочвенные обвинения заделали меня. Никогда и никто не смел помыкать мною, даже перед той, кого считала своей матерью, я ни разу не склонила головы, неужели отступлю перед этим грубияном?! Да кто он такой? Пират, преступник, отброс общества!

Прищурившись, я постаралась вложить в свой взгляд все то презрение и отвращение, которое сейчас накручивала в себе. Но мужчина словно не заметил этого взгляда. Нахмутив идеально очерченные брови, он пристально смотрел на мой рот.

— Разве вас не учили, что так делать нельзя? — неожиданно хрипло проговорил он. — Только не при даханне.

— Вы не даханн! — гневно бросила я. Во рту появился металлический привкус крови. Кажется, я прокусила губу.

Эйден вдруг оказался так близко, что я невольно вжалась в фальшборт. Он навис надо мной, будто гора, с окаменевшим лицом, на котором застыло странное выражение. Светлые глаза капитана стали черными от расширившихся зрачков, чернота залила все пространство между бронзовыми ресницами, и где-то в глубине этой бездонной тьмы я увидела яростный огонь.

Я забыла как дышать, когда мужская рука поднялась и смуглый палец коснулся моих губ. Чуть нажал, заставив меня приоткрыть рот, и я почувствовала, как он медленно поглаживает меня по нижней губе, точно в мимолетной ласке.

Эйден чуть отклонился и показал мне руку. На подушечке его большого пальца темнело странное фиолетовое пятнышко. Меня затопило чувство нереальности. Неужели это из-за инициации моя кровь стала такого цвета? Не может быть! У даханнов она красная, я это точно знаю — видела во время битвы на корабле.

— Все-таки мы с вами гораздо ближе, чем кажется, — выдохнул мужчина и резко подался вперед.

Я успела выставить руки, но Даннахан легко сломил мое сопротивление. Его губы, твердые и сухие, вдруг накрыли мой рот, а горячий язык скользнул по моим губам, но не пытаясь их раскрыть, а будто облизывая. Я замерла, ошарашенная происходящим. Он не пытался сорвать поцелуй! Он слизывал кровь с моей ранки!

Я начала яростно вырываться, но он лишь сильнее вжимал меня в свое тело, пресекая все попытки освободиться. И тут мне стало по настоящему страшно: слишком четко я ощутила, то, что прижималось к моему животу!

Извернувшись, я запнула Эйдена за губу и сама удивилась, когда тонкая кожа лопнула под моими зубами, наполняя рот горьковатым, как морская вода, вкусом его крови. Он застыл, глядя мне прямо в глаза каким-то безумным взглядом, его руки медленно опустились, отпуская меня, и я тут же, не медля ни секунды, метнулась через всю палубу на другой конец корабля. "Он сумасшедший! Сумасшедший! — билась в голове только одна связная мысль. — Я попала в руки безумца!"

Взревев, будто раненый зверь, Эйден одним прыжком перемахнул через бочки, стоявшие

между нами, и вновь оказался в опасной близости от меня. Я дернулась, не зная, куда бежать, но не успела сделать и шага, как он схватил меня за плечи и затряс, будто грушу. Моя голова замоталась из стороны в сторону, зубы клацнули, а над головой раздался шипящий, полный ненависти, рык:

— Глупая девчонка! Ты понятия не имеешь, что ты натворила! Шерран!

Верный помощник капитана вырос за его спиной как по мановению волшебной палочки. Глянул с сочувствием на меня, но что мне его сочувствие?

— Запри ее, где-нибудь подальше. И так, чтобы я не знал. И не говори мне, ключ спрячь, а лучше выкинь. Все понял?

И он швырнул меня прямо в руки ниданга.

От такого нарочитого пренебрежения я потеряла дар речи. Лишь ресницами хлопала, пока Шерран тащил меня в сторону юта. За нашими спинами Эйден что-то кричал хриплым от злости голосом, гоня экипаж по палубе. Встречные ниданги шарахались в стороны, очищая нам путь.

Наконец, меня втолкнули в люк, ведущий на нижнюю палубу.

— Сиди здесь, маленькая даханни, — предупредил Шерран, — если не хочешь заработать проблем на свою прелестную головку.

— Да в чем я виновата?! — вскинулась я. — Что я сделала? Он сам...

— Молчите! И скажите спасибо, что наш капитан благородный человек и не воспользовался своим преимуществом.

— Что? — опешила я. — На что вы намекаете?

Он усмехнулся, почесывая подбородок, на котором пробивалась щетина.

— А что ж тут намекать? Вы шайен и он шайен. И вы обменялись кровью. Древние ритуалы никто не отменял.

— Я не шайен! — упрямо заявила я. — Во мне лишь капля их крови.

— Да хоть пол капли, — он пожал плечами, — главное, что она есть.

И он запер дверь, оставив меня в маленьком темном помещении, освещавшемся лишь крошечным иллюминатором, который был почти вровень с поверхностью моря.

Я нервно огляделась, пытаюсь понять, куда меня занесло. Кажется, это была каюта, только какая-то нежилая. Стол, кровать, пара встроенных шкафов и один единственный стул. Кровать сверкала голыми досками. Ни ковров, ни гардин, ни обычного тюфяка. Куда я попала?

Подошла к двери, подергала за ручку, но чуда не произошло: меня действительно закрыли. Вернулась к кровати и села, подперев голову руками. Что делать?

В голове было пусто, как в высохшем колодце, ни одной умной мысли. Кажется, на этот раз я действительно попала.

Не знаю, сколько времени я провела, обдумывая ситуацию, в которой оказалась, только вдруг скрип ключа в замке заставил меня встрепенуться. Распахнув двери, в помещение вошли два ниданга, несущие в руках огромные тюки. Следом за ними появился Шерран.

— Вот, — сказал он, — здесь матрац, подушки и одеяла. Выбрал лучшее, что было.

Я молча смотрела, как мужчины ловко раскатали набитый ватой матрац и в считанные секунды заправили мне постель. Что ж, белье и в самом деле оказалось не новым и залежавшимся, но, по крайней мере, чистым. Серые небеленные простыни, колючее шерстяное одеяло и набитая пером подушка. “А кровать у капитана намного удобнее,” — мелькнула в голове предательская мысль, но я тут же ее отогнала.

— Я хочу подышать свежим воздухом, — обратилась я к Шеррану, когда ниданги собрались уходить.

— Никак не можно, маленькая даханни. Капитан оставили четкие указания на ваш счет.

— Так я что, под арестом?

— Не могу знать.

— И когда меня выпустят?

— Как прибудем на Монтерон. Это личные владения эйра капитана.

— И когда же это случится?

— Через три дня. Больше я ничего не знаю.

Я опять закусила губу по старой привычке, но тут же испуганно стрельнула глазами в сторону нидангов. Кажется, у местных мужчин просто пунктик на сей счет.

Шерран покачал головой:

— Вам не стоит этого делать, если не хотите разозлить капитана. В нем слишком много от даханнов, а они не любят, когда их женщинам причиняют вред, даже такой незначительный.

— Так он поэтому на меня набросился?! — изумилась я.

— Он почуял вашу кровь. Не забывайте, он еще и шайен на четверть. А у них очень тонкий нюх.

— И что не так с моей кровью? — забеспокоилась я, вспомнив, что она поменяла свой цвет с красного на фиолетовый.

— Шайены... они... знаете ли, — прожженный пират, судя по всему, засмутился, не зная, куда деть глаза, — ну, их привлекает кровь противоположного пола. Они так пару выбирают... по вкусу и запаху крови.

— Ну слава Дзуликому, — облегченно выдохнула я, — а я уж испугалась, что они людоеды. Что ж, мне нечего бояться. Ваш капитан ясно дал понять, что я ему ничуть не нравлюсь. Можете ему передать, что не очень-то и хотелось. Пусть скорее ищет моих родственников, и я забуду эти сумасшедшие дни, как кошмарный сон.

Шерран наградил меня долгим, многозначительным взглядом, и с какой-то странной

интонацией произнес:

— Клянусь кишками кашалота, Двудликий здесь абсолютно не при чем.

Когда они ушли, я упала на узкую койку и глубоко задумалась. Слова Шеррана повергли меня в недоумение, потому как его грубоватые намеки абсолютно не вязались с действительностью.

Он сказал, что капитан благородный человек? Но я что-то не заметила особого благородства. А вот грубость, нахальство и неприязнь — этого сколько угодно. И я должна поверить, что этот корсар испытывает ко мне какие-то чувства? Хотя, если Шерран прав насчет шайенов, то, вполне возможно, Даннахан ощущает зов крови, но не более того. Так не обращаются с девушкой, которая нравится, уж мне-то есть с чем сравнить.

Я неожиданно вспомнила время, проведенное на имперском фрегате, и тяжелая тоска сжала мое сердце. Нападение пиратов было не случайно, это и так понятно, проигравший рейн посягнул на шейнаб. Интересно, смогли ли галеоны спастись от быстроходных бригантин? Пережили ли бурю мои бывшие соотечественницы или их холодные тела устилают морское дно? А Рини? Где сейчас младшая сестра Дайны, о которой я обещала заботиться?

Я и сама не заметила, как из глаз одна за другой покатались молчаливые слезы. Я не плакала, я просто лежала и думала, но соленые капли сами собой наворачивались на глаза, оставляли мокрые дорожки и скатывались с висков, исчезая где-то в волосах.

Столько душ невинно погублено! Столько жизней оборвалось за один миг. А Рейхо? Выжил ли он после того, как Эйдан ударил его веслом? Бедный дазган! Ведь он пытался меня спасти!

Я уткнулась лицом в подушку и зарыдала, как маленькая девочка, брошенная одна в темном лесу. Ей холодно и страшно, и нет никого, кто бы разделил с ней этот холод и этот страх.

Наплакавшись вволю, я сама не заметила, как заснула. Во сне я видела странную женщину: смуглую, с длинными черными волосами, струившимися по ее плечам и груди пышным блестящим водопадом. Кожа незнакомки излучала огненно-красное сияние, окружавшее ее пламенеющим ореолом, а широкие скулы и узкий подбородок показались смутно-знакомыми. Словно я уже где-то видела это лицо. Или очень на него похожее.

Незнакомка стояла в длинном белом платье, обвивавшем ее стан, будто вторая кожа, и протягивала мне руки. Ее огромные раскосые глаза сияли, как две звезды, чувственные губы шевелились, что-то шепча, но я не слышала ни слова. Завороженная, я смотрела ей прямо в глаза и не могла отвести взгляд.

Неожиданно она улыбнулась. Меж сочных алых губ мелькнула белая полоска остро заточенных зубов. Я вскрикнула и проснулась.

Кто-то осторожно тряс меня за плечо.

Я нехотя разлепила глаза. Над кроватью стоял неизменный Шерран и пытался меня разбудить.

Увидев, что я открыла глаза, он отошел к столу, и сообщил, поправляя на нем тарелки:

— Эйр капитан передал, что сожалеет о своей резкости и постарается сгладить свою вину.

— Он выпустит меня? — обрадовалась я, но как оказалось, рано.

— Нет, — ниданг немного посопел, — он обещает сделать ваше путешествие как можно более комфро... корфо... табельным... акульки зубы мне в печенку! — выругался он, но тут же захлопнул рот и отвел взгляд.

— Я поняла, комфортабельным. Удобным.

Шерран кивнул. Я поднялась с кровати и удовлетворенно хмыкнула. Пока я спала, кто-то повесил над крошечным иллюминатором кусок полупрозрачного шифона вместо занавески, а дощатый пол теперь прикрывал ковер. При чем, если мне не изменяет память, я видела подобный в капитанской каюте. Простой деревянный стол застелили воздушной скатертью да и посуда из привычного фаянса вдруг превратилась в тонкий фарфор. Вот это изменения!

Но больше всего меня вдохновила горячая чечевичная похлебка, источавшая мясной аромат, и огромный ломоть пышного мягкого хлеба. Желудок громким бурчаньем напомнил, что я проспала обед.

— И за что же мне такая честь? — не удержалась я от сарказма, наворачивая сытный бульон.

— Не сердчайте на нашего эйра, маленькая даханни, — насупился ниданг, — он очень хороший человек, просто немного вспыльчивый. Но и отходит быстро, не умеет долго злиться. Вы уж простите его, раз он был слишком резок, а то он так и будет ходить сам не свой.

Я внимательно посмотрела на пирата.

— Это он тебя, что ли, послал? А самому придти, что, мужская гордость не позволяет?

— Никто меня не посылал! — Шерран вдруг грохнул кулаком по столу с такой силой, что тарелки со звоном подпрыгнули, а я чуть не подавилась куском хлеба. — Просто смотреть не могу, как он мучается! Он ведь так же, как и вы, отрицает очевидное и не видит дальше своего носа, устрица его задери!

— Слушай, — сказала я, осторожно подбирая слова, — уж не знаю, что там напридумывал себе ваш эйр, но я с ним ничего общего не имею и иметь не собираюсь. Дайте мне спокойно пережить эти три дня, я больше ни о чем вас не прошу. Неужели это так сложно?

Он с осуждением покачал головой.

— Вот, вы такая же упрямая, как и он! Капитан просто уверен, что высадит вас в Монтероне и спокойно выкинет из головы. Но законы Древних никто не отменял. Если шайен попробовал женской крови, он не сможет думать ни о чем другом, кроме как о своей избраннице, пока связь не будет завершена!

— Какие глупости, — отмахнулась я, — культа крови давно не существует, вот уже сто пятьдесят лет все исповедают религию Двуетного.

— Может в Амидарейне и забыли о древних капищах, но ниданги и шайены помнят о них. Вот увидите, я говорю правду, он вас не отпустит. Не сможет. Пусть сейчас и думает, что это ему удастся.

Мне вдруг стало не по себе. Я ведь тоже попробовала его кровь, случайно, правда, но сути это не меняет.

— Шерр, — тихо проговорила я, — а ничего, что я его тоже укусила? Это что-нибудь означает?

Шерран несколько секунд молча смотрел на меня, а потом начал громко хохотать, да так, что на его глазах от смеха навернулись слезы.

— Ну, теперь я спокоен, — заявил он, похлопывая себя по бокам и заливаясь хохотом, — теперь не только он не отпустит, но вы и сама никуда не сбежите! Попался наш капитан! А я-то думаю, чего он целый день бродит, как неприкаянный, глаз с кормы не сводит. А вы кровью обменялись! Ну, пойду поздравлю его с такой славной женушкой!

Я застыла с открытым ртом. Женушка? Я не ослышалась? Это когда же мы успели пожениться? Пока я спала?

— Шерран! — я начала выбираться из-за стола, неловко переворачивая тарелки, но тот успел выскочить из каюты и захлопнул за собой дверь.

Подлетев к двери, я забарабанила в нее изо всех сил. Скрипнул крюч, створка приоткрылась и в проеме появилось хмурое лицо незнакомого ниданга.

— Чего ломишься? — бросил недовольно. — В гальюн хочешь?

Гальюн? О, да! В гальюн хочу!

Я закивала головой так быстро, что в глазах матроса отразилось беспокойство.

— Ты это... эээ, — начал он, почесывая лохматый затылок, — сиди здесь, сейчас спрошу капитана.

Я нехотя разлепила глаза. Над кроватью стоял неизменный Шерран и пытался меня разбудить.

Увидев, что я открыла глаза, он отошел к столу, и сообщил, поправляя на нем тарелки:

— Эйр капитан передал, что сожалеет о своей резкости и постарается сгладить свою вину.

— Он выпустит меня? — обрадовалась я, но как оказалось, рано.

— Нет, — ниданг немного посопел, — он обещает сделать ваше путешествие как можно более комфро... корфо... табельным... акульи зубы мне в печенку! — выругался он, но тут же захлопнул рот и отвел взгляд.

— Я поняла, комфортабельным. Удобным.

Шерран кивнул. Я поднялась с кровати и удовлетворенно хмыкнула. Пока я спала, кто-то повесил над крошечным иллюминатором кусок полупрозрачного шифона вместо занавески, а дощатый пол теперь прикрывал ковер. При чем, если мне не изменяет память, я видела подобный в капитанской каюте. Простой деревянный стол застелили воздушной скатертью да и посуда из привычного фаянса вдруг превратилась в тонкий фарфор. Вот это изменения!

Но больше всего меня вдохновила горячая чечевичная похлебка, источавшая мясной аромат, и огромный ломоть пышного мягкого хлеба. Желудок громким бурчаньем напомнил, что я проспала обед.

— И за что же мне такая честь? — не удержалась я от сарказма, наворачивая сытный бульон.

— Не сердчайте на нашего эйра, маленькая даханни, — насупился ниданг, — он очень хороший человек, просто немного вспыльчивый. Но и отходит быстро, не умеет долго злиться. Вы уж

простите его, раз он был слишком резок, а то он так и будет ходить сам не свой.

Я внимательно посмотрела на пирата.

— Это он тебя, что ли, послал? А самому придти, что, мужская гордость не позволяет?

— Никто меня не посылал! — Шерран вдруг грохнул кулаком по столу с такой силой, что тарелки со звоном подпрыгнули, а я чуть не подавилась куском хлеба. — Просто смотреть не могу, как он мучается! Он ведь так же, как и вы, отрицает очевидное и не видит дальше своего носа, устрица его задери!

— Слушай, — сказала я, осторожно подбирая слова, — уж не знаю, что там напридумывал себе ваш эйр, но я с ним ничего общего не имею и иметь не собираюсь. Дайте мне спокойно пережить эти три дня, я больше ни о чем вас не прошу. Неужели это так сложно?

Он с осуждением покачал головой.

— Вот, вы такая же упрямая, как и он! Капитан просто уверен, что высадит вас в Монтероне и спокойно выкинет из головы. Но законы Древних никто не отменял. Если шайен попробовал женской крови, он не сможет думать ни о чем другом, кроме как о своей избраннице, пока связь не будет завершена!

— Какие глупости, — отмахнулась я, — культы крови давно не существует, вот уже сто пятьдесят лет все исповедают религию Двуетного.

— Может в Амидарейне и забыли о древних капищах, но ниданги и шайены помнят о них. Вот увидите, я говорю правду, он вас не отпустит. Не сможет. Пусть сейчас и думает, что это ему удастся.

Мне вдруг стало не по себе. Я ведь тоже попробовала его кровь, случайно, правда, но сути это не меняет.

— Шерр, — тихо проговорила я, — а ничего, что я его тоже укусила? Это что-нибудь означает?

Шерран несколько секунд молча смотрел на меня, а потом начал громко хохотать, да так, что на его глазах от смеха навернулись слезы.

— Ну, теперь я спокоен, — заявил он, похлопывая себя по бокам и заливаясь хохотом, — теперь не только он не отпустит, но вы и сама никуда не сбежите! Попался наш капитан! А я-то думаю, чего он целый день бродит, как неприкаянный, глаз с кормы не сводит. А вы кровью обменялись! Ну, пойду поздравлю его с такой славной женушкой!

Я застыла с открытым ртом. Женушка? Я не ослышалась? Это когда же мы успели пожениться? Пока я спала?

— Шерран! — я начала выбираться из-за стола, неловко переворачивая тарелки, но тот успел выскочить из каюты и захлопнул за собой дверь.

Подлетев к двери, я забарабанила в нее изо всех сил. Скрипнул крюч, створка приоткрылась и в проеме появилось хмурое лицо незнакомого ниданга.

— Чего ломишься? — бросил недовольно. — В галльон хочешь?

Гальюн? О, да! В гальюн хочу!

Я закивала головой так быстро, что в глазах матроса отразилось беспокойство.

— Ты это... эээ, — начал он, почесывая лохматый затылок, — сиди здесь, сейчас спрошу капитана.

Он вернулся минут через десять, когда я уже всю пританцовывала возле порога. Когда дверь открылась, я постаралась изобразить радушную улыбку, но боюсь, что получился оскал.

Ниданг немного оторопел, глядя на мое искаженное лицо, потом, видимо, понял, что обстоятельства не терпят отлагательств, ухватил меня за рукав и выволок на палубу.

— Гальюн на носу, — прошипел мне на ухо, — иди за мной и ни звука! Если эйр учует — можешь сама в воду прыгать.

У меня от его слов по всему телу такие мурашки забегали, что возникло непреодолимое желание почесаться. Бочком-бочком, вдоль фальшборта, прячась за бухтами канатов, досками и прочим хламом, я вслед за пиратом наконец-то достигла вождленного бака.

“Мда, а на фрегате-то все было попрличнее и с комфортом,”- уныло подумала я, разглядывая старое ведро, стоящее в крошечном помещении. После употребления, содержимое надлежало выплеснуть за борт — так сказал мой провожатый перед тем, как оставить меня один на один с этой чудо-уборной.

Сил терпеть уже не было, и вот тут я пожалела, что на мне не платье! Со слезами на глазах, я дергала пояс на штанах, но лишь ту же затягивала узлы. После нескольких безуспешных попыток я поняла, что сама не справлюсь, и вылезла на палубу, поискать того, кто поможет.

Мне показалось, будто я слышу голоса полубаке, а потому, вытерев предательские слезы, я полезла туда через горы досок, сваленных на палубе для починки судна.

Когда моя голова показалась над краем носовой надстройки, я уже хотела окликнуть мужчин, но слова застряли у меня в горле. По полубаку расхаживал Эйдан, разглядывая лафетные орудия. У поручней стоял Шерран.

— Ты и себя мучаешь, и девочку тоже, — недовольно ворчал ниданг. — Шайенская кровь это тебе не вода, взыграет, даже если примесь была в десятом поколении.

— Отцепись, Шерр, без тебя тошно, — огрызнулся Даннахан и развернулся в мою сторону.

Я чуть с трапа не слетела, когда в срочном порядке пряталась от его неприязненного взгляда.

— Не нужна она мне, как ты не понимаешь, меня в Монтероне Эстель ждет. Зачем мне эта девчонка?

А вот тут мне стало обидно. Девчонка, значит? Что ж, будь по твоему.

Я залезла на полубак и наглой походкой направилась прямо в сторону мужчин. Эйден оторопел, а в прищуренных глазах ниданга светился неприкрытый смех. Веселимся, значит? Ну-ну.

— Шерр, — мурлыкнула я таким тоном, каким Шайель выпрашивала у отца очередную безделушку, — ты не мог бы мне помочь? Я, кажется, узел затянула...

И я задрала рубашку, показывая, где же тот злополучный узел.

— А вам, эйр капитан, не стоит беспокоиться. Уж не знаю, чего вам наплел ваш друг, — тут я выразительно покосилась на одного болтливого ниданга, — но я не имею ни малейшего желания продолжать наше знакомство. Тем более, у меня уже есть поклонник.

— И кто же он? — процедил Эйден, не отводя от меня пристального взгляда. Причем, взгляд этот застрял где-то на уровне моей груди. — Уж не верный ли слуга императора Рейхо Кархадан?

— Вы имеете что-то против? — и я так вальяжно ухмыльнулась во весь рот, что сама не ожидала.

Шерран как-то странно вздрогнул, залился кумачом, согнулся пополам, зажав рот обеими руками, и вдруг мелко затрясся всем телом, издавая странные звуки, подозрительно похожие на всхлипы. Капитан же буквально позеленел. Его светлые глаза залила мгновенная тьма, верхняя губа приподнялась в оскале, открывая нечеловечески острые, почти треугольные зубы, а из горла вырвалось такое рычание, что я чуть не оконфузилась прямо здесь.

Меча глазами молнии и взревев, как дикий зверь, Эйден пнул ни в чем не повинную пушку и кометой промчался мимо меня. Спрыгнул с полубака, игнорируя трап, и внизу на палубе вновь что-то загрохотало, сметенное с дороги разгневанным капитаном.

Шерран продолжал всхлипывать. Я уставилась на него во все глаза, плохо понимая, что с ним. Но вот он разогнулся и вдохнул полной грудью, разминая широкие плечи. Потом глянул на меня и сказал, посмеиваясь:

— Вот спасибо тебе, маленькая даханни, уделала-таки упрянца! Давно я так не смеялся, рыбы потроха, аж до коллик.

Только теперь я разглядела смешинки в его глазах и поняла, что все это время он трясся от смеха! Каков нахал! Я им что, паяц на деревенской ярмарке?!

Топнула ногой, чувствуя, как пунцовеют от гнева щеки, и сквозь зубы прошипела:

— Разрежьте этот шроссов пояс! Или я сделаю лужу прямо здесь!

— Эх, что за молодежь пошла, — Шерран покачал головой в притворном негодовании и достал из голенища широкий кинжал. — Никакого воспитания, никакого уважения к старшим. Вот в мое время...

— Я очень воспитанная! — оборвала его, чувствуя, что еще чуть-чуть, и мне понадобится не галюн, а тряпка. — И культурная! Но обстоятельства, знаете ли, вынуждают!

Острое лезвие, наконец-то, поддело насмерть затянувшийся узел и рассекло его. Я тут же, стремглав, кинулась с полюта к спасительному ведру. По дороге снесла какого-то матроса, не успевшего убраться с моей траектории. Ах, если и был элизиум на Рее, то для меня он заключался в маленьком темном помещении и одном-единственном грязном ведре.

Теперь оставалось избавиться от продуктов жизнедеятельности. Тоже событие не из легких, если учесть, что по палубе бродит около десятка мужчин.

— Ты чего там застряла? — в хлипкую дверь постучали. Это был тот самый ниданг, что

проводил меня сюда. — Плохо, что ли?

— Нет, — сквозь зубы выдавила я, думая, как бы по деликатнее объяснить свою проблему. — Я уже все.

— Ну так давай вылазь и ведро на корму тащи. Там выплеснешь, только смотри, корабль не обгадь, а то сама мыть будешь. Поняла?

И эти люди требуют от меня культурного поведения?!

Поджав губы и придав лицу бесстрастное выражение, я с королевским видом выбралась на корму, держа за ржавую ручку злополучное ведро. Опорожнила его прямо в море и собралась уже уходить. Но тут мои брови не удержались и резко взлетели вверх: прямо над пенящимися волнами с кормы свисали две доски с круглым отверстием в каждой. И эти отверстия подозрительно напоминали деревенский туалет.

Пока я думала, что это, к одному из них, расхлябанной походкой, направился незнакомый ниданг. Отвесил мне издевательский поклон и начал демонстративно снимать штаны.

Я сначала растерялась, застыла в шоке, а потом как взвизгнула, как рванула по узким сходням, гремя ведром! В след мне раздался хохот нескольких прокуренных глоток.

Мой забег оказался наредкость недолгим. Я вдруг запнулась на ровном месте и полетела носом вперед. Но чьи-то крепкие руки умудрились поймать меня почти на излете, когда я уже смирилась с тем, что сейчас поцелуюсь с палубой.

Меня поймали, удержали, вздернули на ноги и аккуратно поправили расстегнувшийся ворот рубахи. Я подняла взгляд и обомлела.

Прямо передо мной стоял эйр капитан. Бледный, с плотно сжатыми зубами и потемневшим взором, не обещавшим ничего хорошего. Он смотрел на меня в упор, причем с таким выражением, что мне немедленно захотелось провалиться сквозь палубу до самого трюма.

— Шерр!!! — загрохотал капитан во всю мощь своих легких. — Я сколько раз буду повторять? Почему на палубе посторонние?! Кто должен следить за этой девчонкой?

— Виноват, лэр капитан! — рядом со мной тут же нарисовался тот самый ниданг, что выпустил меня из каюты, а следом за ним и Шерран собственной персоной. — По нужде просилась.

Эйден скептически приподнял бровь.

— Да? И куда ты определил нашу гостью?

— Дак в клозет, Ваше Сиятельство... Ай! Виноват, эйр капитан!

У меня глаза на лоб полезли, когда Эйден прямо на середине фразы оборвал матроса, с бесстрастным лицом наступив тому на ногу. Бедняга ойкнул и вытянулся в струнку, а взгляд у него стал точь в точь как у побитой собаки.

— Это в тот самый, что мы для блондиночки приспособили? — уточнил Шерран, игнорируя предупреждающий взгляд капитана.

— Ага, в тот самый.

Даннахан поджал губы и покосился на меня с таким видом, будто это я ему навязалась.

— Уведите девчонку с палубы, — хрипло произнес он, разворачиваясь на каблуках.

Вот так, даже слова мне не сказал, будто меня и нет.

— Идемте, эйрина, — позвал мой провожатый.

— Ты иди, Агрон, займись делом, а я нашу девочку сам провожу.

И Шерран панибратски подхватил меня под локоток.

— Шерр, — задумчиво проговорила я, машинально переставляя ноги, — а блондиночка это кто? Эстель? Кто она? И почему Агрон назвал эйра капитана Ваше Сиятельство?

— Услышала, значит? — помрачнел ниданг. — Вот стрекоза. Эстель это так, для досуга. Мужчине надо чтобы его кто-то ждал на берегу. А про сиятельство забудь, наш капитан этого страх как не любит. Захочет, сам расскажет, когда время придет.

Меня снова заперли в маленькой темной каюте на нижней палубе. Правда, на этот раз мое заточение не было столь безрадостным. Развезть скуку полагалось маленькому потрепанному томику романтических сонетов, который пожертвовал мне Шерран.

Где он его откопал, я не спрашивала. Но, судя по тому, что обложка была из розового атласа с золотым тиснением, а страницы оказались надушены до нельзя, томик этот принадлежал не мужчине. На форзаце стояла надпись мелким почерком с затейливыми завитушками: " Единственному, Любимому, Потрясающему Мужчине". Да, именно так, каждое слово с большой буквы.

Стишки оказались довольно заурядными, рифма любовь — кровь встречалась почти в каждой строфе, да к тому же, судя по всему, автор (или авторша) не отличал ямба от хорея, смешивая оба стиля.

— Шерр, — спросила я, когда ниданг появился на закате вместе с долгожданным ужином, — чья это книга?

Ниданг засмутился, светло-голубые глаза с узким зрачком подозрительно забегали.

— Не понравилось? — он почему-то вздохнул. — Ну да, вы же эйрина, образованная, а моя Нийлет школы не кончала, сама читать и писать выучилась...

— Нийлет? — не поняла я.

— Жена моя.

— Так это жена твоя писала?! — от неожиданности, я споткнулась о кровать и грохнулась на нее попой со всего размаха. Так вот кто этот таинственный Единственный, Любимый и Потрясающий Мужчина с большой буквы!

Я и сама была потрясена. Шерран возвышался надо мной на две головы и был гораздо мощнее своего капитана. Настоящая гора мышц, перетянутая узлами вен. Короткий черный ежик, отливающий синевой, на висках две косицы, украшенные голубыми бусинами, трехдневная щетина, лохматые брови и узкие раскосые глаза с вертикальным зрачком. Очень колоритный персонаж, учитывая исходящий от него терпкий запах морских водорослей, алкоголя и табака.

И у этого прожженного пирата, отправившего на тот свет не один десяток жизней, есть жена?!

— Эммм... так ты женат?

— Можно сказать и так. Мы прошли венчальный обряд по законам Древних, но не сочетались браком по законам империи. На этом корабле нет никого, кто чтит законы Амидарейна. Мы все здесь изгои, чудом избежавшие смертной казни или каторги. За наши головы в Ризенпорте объявлена награда...

— Зачем ты рассказываешь мне все это, — нахмурилась я.

— Потому что ты теперь одна из нас, маленькая даханни.

— Только на время! Эйден окажет мне услугу, если найдет мой рейн и даст мне возможность избавиться вас от моего присутствия.

— Нет, — он покачал головой, — вот увидишь, он тебя не отпустит. Ты теперь его ширам — женщина-душа.

Я нахмурилась. Уж очень многозначительно прозвучала эта фраза.

— Женщина-душа? Что это значит?

Шерран задумчиво поскреб подбородок.

— Есть у шайенов одна легенда, — начал он. — Ты ешь, а я расскажу. Амидарейн учит, что все древние легенды — выдумка, но поверь старому морскому волку, они так же реальны, как мы с тобой.

Я скептически усмехнулась. Шерран выглядел лет на сорок, не больше, да и то из-за суровой внешности и резких морщин, обозначившихся в уголках глаз. Назвать его старым язык не поворачивался. Хотя, тот же Эйден казался моложе его лет на десять. Интересно, какие отношения их связывают? И кто Шерран на этом корабле? Боцман? Помощник капитана?

— Есть легенда об Ишираме и Маушнат. Он был одним из Изначальных ифритов, а она — человеческой женщиной. Говорят, его покорила красота ее души. Влюбленный ифрит разделил с ней свой огонь, а она подарила ему половинку своей души. Но люди очень недолговечны.

Прошло несколько лет и Маушнат стала угасать. Она родила Ишираму двух сыновей и дочь — первых шайенов, от которых потом произошел великий род. Но ифрит не мог смириться с ее уходом и очень страдал, ведь в нем была часть ее души и он чувствовал ее боль, как свою.

В момент ее смерти обе половинки души слились и покинули тела ифрита и его возлюбленной, чтобы раствориться в эфире. Иширам ощутил в груди такую тоску, что не мог ни есть, ни пить, не думать ни о чем. Он лег рядом с ней, обнял своим затухающим огнем и решил угаснуть вместе с ней. Но боги были удивлены тем, что изначальное существо хотело пожертвовать жизнью ради человечки. Они решили, что Иширам достоин второго шанса. Душа Маушнат не исчезла без следа, ей дали новое тело, а Ишираму — надежду встретиться с ней. Теперь у каждого потомка изначальных ифритов есть шанс встретить свою душу. Истинная половинка подарит ему часть своей души, а он ей — свою силу и огонь. Любой шайен при обмене кровью сразу понимает, кто перед ним: избранница или неудачный опыт.

— Да? — я недоверчиво хмыкнула. — И что же понял ваш капитан?

— В вас слишком мало шайенской крови, чтобы обмен произошел мгновенно и полностью. Вот вы и сопротивляетесь, — досадливо поморщился Шерран. — Но ты его душа, я это сразу понял, потому что уже видел такое. И он понял, только не хочет признавать очевидное. И все, что я сказал — истинная правда.

— Откуда ты все это знаешь?

— Древние хранят свои легенды, передают из уст в уста. Когда я был ребенком, то заучивал их на память. Придет время и мои дети будут их учить так же, как я.

— Зачем учить наизусть, если можно записать? — удивилась я.

— Не выйдет. Имперские ищейки сжигают книги вместе с печатниками.

— Не может быть! — растерялась я. — Не верю!

Шерран равнодушно пожал плечами.

— Это твое право, маленькая даханни.

Он ушел, забрав пустые тарелки, а я упала на кровать и уставилась в потолок невидящим взглядом.

Неужели он сказал правду? Нет, не может быть! Невозможно представить галантного Рейхо или его хурранов обыскивающими дома в поисках запрещенной литературы. Или я что-то не так поняла, или этот мир куда страшнее, чем я думала.

А ночью вновь приснилась та смуглая незнакомка. Теперь я догадалась что она шайенка и с интересом разглядывала ее. Смуглая кожа женщины пылала огненно-красным ореолом, густые волосы спускались пышным водопадом, закрывая грудь, до самой талии. Тонкие золотые браслеты на ее запястьях издавали мелодичный перезвон, когда она манила меня к себе.

И я пошла. Сделала шаг... другой... третий... Услышала тихий голос звавший меня из глубины веков:

“Иди-и... иди-и ко мне, девочка моя, не бойся...”

И этот голос, похожий на шепот ветра в прибрежных скалах, показался таким родным и знакомым, что я почти побежала, радостно смеясь. Мои ноги летели, не касаясь земли. Я раскинула руки, упиваясь свободой. Темное ничто расступалось передо мной, открывая пламенеющий впереди огненный цветок, в самом центре которого меня звала прекрасная незнакомка.

Мне казалось, что я никогда не добежу до нее, но в какой-то момент я вдруг оказалась в самом центре жаркого огня. Алые лепестки будто выросли прямо из-под земли, сомкнулись вокруг меня обжигающим коконом.

Адская боль пронзила мое тело, от макушки до самых пяток. Кожа вскипела, лопаясь от невыносимого жара. И я закричала, чувствуя, как раскаленная лава заливает меня изнутри.

На какой-то миг я точно перестала существовать, превратившись в комок оголенных нервов. Мои кости расплавились, тело растворилось, остался лишь корчащийся в муках поток сознания.

Я находилась в абсолютной темноте, в мире без звуков, без света и запахов. Боль уже не накатывала волнами, она полностью поработила мое сознание, лишая меня рассудка. Я уже не могла даже кричать, потому что не слышала собственного крика.

Но вот какие-то смутные тени замелькали вокруг меня, чьи-то голоса, приглушенные расстоянием. Я видела, как постепенно растворяется густой туман вокруг меня, как обретают очертания знакомые предметы.

Боль отхлынула, унося с собой чувствительность. Я не ощущала своего тела, будто плыла сейчас на теплых ласковых волнах. Это было невероятно, я словно родилась заново.

— Шерран, что с ней?! — раздался над самым ухом встревоженный мужской голос.

Такой знакомый и в то же время абсолютно чужой. Я поморщилась. Этому голосу не присуще беспокойство. Он должен быть властным и хладнокровным. Откуда в нем столько эмоций?

— Тише, парень, ты ее пугаешь. Она слишком слаба, — о, а это ниданг, я его сразу узнала. Ворчливый такой. Тоже беспокоится?

— Почему ты мне не сказал? — мне показалось или я слышу недовольство?

— Я не сказал? — а вот это уже возмущение. — Да я тебе третий день талдычу, акульки зубы тебе в печенку! Но ты упрямый, как осел. А теперь терпи!

— Ширрс'сэн храйт! — по-моему, кто-то сейчас нецензурно выразился при даме!

Голоса медленно уплывали в даль. Ласковое тепло обнимало меня, ласкилось, как котенок. Я позволила себе отвлечься от странного диалога, расслабиться. Теплые волны уносили меня все дальше и дальше, и вскоре долгожданное забвение приняло меня в свои объятия...

И снова этот странный голос. Будто шорох прибоя или шум ветра в натянутых вантах. И он манит меня, зовет, заставляет встать и идти.

Я вижу водную гладь до самого горизонта и серебрянную дорожку, ведущую от меня в туманную даль. Поднимаю голову, чтобы восхищенно замереть.

Прямо надо мной иссиня-черное небо, украшенное мириадами звезд. И над россыпью созвездий, как повелитель, сияет огромный серебристый диск — легендарный Син!

Что это? Я вернулась на двести миллионов лет назад? Но как?

— Моя кровь в тебе — лучший проводник в мире духов, — звучит над ухом таинственный шепот.

Я оглядываюсь, ищу глазами невидимого собеседника, вернее, собеседницу, потому что голос — женский.

— Кто ты?! — вскрикиваю в тревоге. — Покажись!

Мне в ответ льется смех, похожий на переливы колокольчика.

— Иди ко мне... по лунной дорожке! — отдается эхом со всех сторон. — Иди ко мне!..

Лунная дорожка? Я недоуменно повертела головой. Вокруг меня лишь океан на тысячи миль. А

единственное, что напоминает дорожку, это серебристое отражение Сина в глубокой воде. Идти по нему?

Я осторожно шагнула со своего пяточка — единственного твердого места посреди огромно водной глади. Ноги, чуть дрожа, замерли у начала серебристой дорожки.

А если это ловушка? Если я сейчас шагну в бездонную тьму и ледяная вода накроет меня с головой?!

Я фыркнула, отгоняя глупые мысли. Ну какая тьма, какая бездна! Это всего лишь сон. Станный, непонятный, но сон — не более того. Неужели я испугаюсь собственных сновидений?

И я решительно шагнула вперед.

Это было невероятное, ни с чем не сравнимое ощущение. Я словно парила над морской гладью, не касаясь ее даже кончиками пальцев ног. Впереди темнели клубы тумана, поднимавшиеся над поверхностью океана. Они растянулись вдоль горизонта, поднимались к самому небу, но с каждым моим шагом становились все светлее, все отчетливее.

Серебристый Син освещал меня, заливая странным, потусторонним светом. Я вдруг поняла, что практически обнажена: лишь легкая полупрозрачная рубашка скрывала мое тело до пят — и больше ничего: ни белья, ни обуви. Волосы свободно струились по спине, отдельные прядки ласково трепал ветерок.

Я шагала по лунной дорожке с настойчивым упрямством, достойным похвалы, откинув прочь беспокойство и сомнения, и видела, как впереди вырастает из тумана чудесный замок небывалой красоты.

Это был мираж! Но какой! Остро заточенные шпили башен сверкали серебром в холодных лучах Сина, стены, будто выложенные из драгоценных камней, переливались всеми оттенками радуги. Высокие стрельчатые окна были наполнены светом и жизнью, здесь все дышало, все влекло, все манило войти и остаться.

Я замерла, когда туман растаял, полностью открыв моему взору это великолепие. Хрустальный мост опустился, приглашая войти. Я увидела круглую площадь, вымощенную сверкающими камнями, и огромный фонтан, из которого били огненные струи. У фонтана стояла та самая незнакомка. Она ловила огненные брызги, смотрела на меня и улыбалась. Молча. Но я знала, что она меня ждет.

— Входи, дитя мое. Я так долго тебя ждала, — прошепестело сразу со всех сторон.

Отбросив колебания, я шагнула на замковый двор. Хрустальный мост поднялся, отрезая меня от выхода, но я, почему-то, не испугалась. Наоборот, в моей душе воцарился абсолютный покой. Как будто я наконец-то вернулась туда, где мне и место.

— Кто ты? — спросила я у прекрасного призрака.

Она махнула рукой, подзывая меня. Ее губы двигались, когда она говорила, но голос исходил откуда угодно, только не из ее горла. Словно сам замок разговаривал со мной вместо нее.

— Подойди ко мне, дитя мое. Дай я посмотрю на тебя.

Я медленно приблизилась, глядя ей в глаза уверенно и открыто. Я не боялась. И даже не вздрогнула, когда она схватила мои ладони, пылливо вглядываясь в мое лицо. Что она искала в нем — я не знаю, но видела, как вспыхнул облегчением ее взор, как на губах заиграла радостная улыбка.

— Ты так похожа, дитя мое! Так похожа!

Ее руки оказались вполне реальными: горячими и сухими. Она прижала мои ладони к своей груди и я услышала, как гулко бьется ее сердце.

Так она не призрак? Не плод моего воображения? А кто же?

— Я часть тебя. Та Виель, что столько лет томилась в человеческом теле. Твой огненный дух.

— М-мой дух? — немного запнулась я.

— Да. Кровь твоего избранника разбудила меня. В тебе слишком мало от шайенов, всего лишь пара капель. Я не могу слиться с тобой в одну сущность, не могу выйти на поверхность. Но во мне хранится память твоих предков, я могу провести тебя по запутанным лабиринтам времен, показать тебе великое прошлое твоего народа.

— А будущее? — шепнула я. — Мое будущее?

Она медленно покачала головой. Мой взгляд потух, но она быстро добавила:

— Я могу найти тех, с кем ты связана узами крови. Я почувствую их, если они появятся рядом с тобой.

Я слабо улыбнулась.

Я брежу. Лежу на своей койке в полутемной каюте и брежу. И этот замок, и этот огненный дух всего лишь плод моего воспаленного воображения. Похоже, купание в ледяной воде не прошло даром и у меня началась горячка. Что ж, надеюсь, наш бравый капитан найдет способ поставить меня на ноги. Иначе не видать ему выкупа, как своих ушей. За мертвую-то даханни вряд ли кто платить станет.

— Я реальна, Виель, — она ласково коснулась моей щеки, — я твоя плоть и кровь, я огонь, что струится в твоих жилах. Под светом Сина миллионы лет назад великий древний дух отдал часть себя человеческой женщине, обретя взамен бессмертную душу. Теперь твой избранник дал тебе часть своего огня и ты наградила его, подарив половинку своей души. Его пламя разбудило меня. Знаешь ли ты легенду об Ишираме и Маушнат? — я молча кивнула. — В каждом из их потомков есть живое пламя, передающееся из рода в род. Но лишь один раз за всю жизнь мужчина-шайен может встретить ту, что примет его огонь и подарит взамен половинку своей души.

— Но Эйден же полукровка как и я! — запротестовала я. — В нас больше от даханнов чем от шайенов!

— Это так, — ее губы дрогнули в печальной улыбке. — Даханны сильная раса, захватившая власть над миром. Их кровь сильна, потому я и вынуждена томиться здесь, — и она обвела рукой сверкающий замковый двор, — но ты не бойся. Просто прими свою двойную суть как данность. Вот увидишь, жаркое пламя шайенов прекрасно поладит с холодным светом

даханнов. Ты раскроешься, как прекрасный цветок. Только не спеши, всему свое время.

Она присела на мраморный бортик, окружавший фонтан, и увлекла меня за собой.

— Знаешь ли ты об Изначальном мире? — начала она, подставив руку под огненные струи. — Миллионы лет назад Рея была совсем не такой как сейчас. Ее населяла только одна раса — люди: слабые, не знающие магии. И вот однажды Рея перевернулась, море и суша поменялись местами. Небо стало землей, а земля — небом. Изначальные материки сошлись в огромные континенты, в земле образовались гигантские трещины, у которых не было дна, и из этих трещин хлынул холодный свет. Это были порталы в другие миры. Из них и пришли сюда Изначальные расы: ифриты, морские змеи, драхи и ахайи. То событие назвали Великим Изломом. Люди долго сражались с пришельцами, но не могли победить. Все их жалкие ухищрения оказались бессильны перед мощью иномирцев. А потом случилось то, что должно было быть рано или поздно. Изначальные увидели, как прекрасны человеческие женщины, как ранима их душа, как чувственно тело и какая страсть наполняет их сердце. Они соблазнились смертной плотью. Знаешь ли ты, что все Изначальные были бессмертными? И бездушными. Лишь благодаря человеческим предкам у шайенов есть душа. И надежда воплотиться после смерти в новое тело.

— В новое тело? — хмыкнула я, наблюдая, как мой дух рисует пальцем круги на огненной глади, наполняющей чашу фонтана. У меня вдруг возникло желание опустить руки в эту переливающуюся лаву, но я сдержалась, вцепившись в мраморный бортик.

— Да. Даханны и ниданги живут долго. Очень долго. Но в конце возвращаются в то ничто, из которого пришли. Шайен обретший свою душу никогда не исчезнет навеки. Хоть через тысячи лет, но он возродится вновь, пусть и в другом теле, и будет искать свою половинку. Твой капитан нашел тебя.

— Хочешь сказать, что мы были вместе и раньше? — не поверила я.

— Были. В другом месте, в другое время, но были. Перерождение стирает память, жизнь начинается с чистого листа. Но душа-то остается прежней. Ее не обманешь, как саму себя.

Я не могла в это поверить. Как же так? Наглый пират, невоспитанный нахал и есть моя половинка? Преступник, с которым я должна разделить свою душу и свою судьбу? О нет, не о таком муже я мечтала. Да и он, вроде, не горит желанием связываться со мной.

— Послушай, — я замялась, — не знаю твоего имени...

— У меня его нет, я ведь часть тебя. Твой огонь. А этот образ — ты сама его подсознательно создала. Но ты можешь дать мне имя, если хочешь.

— Ниара, — мгновенно сорвалось с моих губ.

— Спасибо, — она улыбнулась, — огненная заря. Мне нравится.

— Ниара! — теперь уже я схватила ее за руки, не замечая, что пачкаю пальцы в лаве, наполняющей фонтан. — Скажи, можно ли этого как-то избежать? Я не хочу быть с Эйдемом! Он отступник, пират... да он кошмарный! И я ему совершенно не нравлюсь. Как мы можем быть вместе.

Она аккуратно высвободила руки и провела пальцем по моей щеке, оставляя теплый след.

— Противоположности притягиваются. Нет смысла сопротивляться. Вы все равно будете вместе. Но ты избежишь многих проблем, если просто дашь ему шанс.

Неожиданно подул ветер. Холодный такой. Мне в лицо будто плеснули морской водой. Замок начал истончаться, таять прямо у меня на глазах вместе со своей хозяйкой.

— Ниара! — закричала я. — Что это?

— Иди, — зашелестело со всех сторон. — Тебе пора.

— Мы еще увидимся?

И снова этот серебристый смех:

— Глупый ребенок, мы и так вместе!

Накатила темнота. Голова закружилась, все вокруг померкло, превращаясь в бесконечное ничто. Меня закружило в бесконечном вихре, взметнуло вверх, швырнуло вниз, как на гигантских качелях. И я падала... падала... падала, пока не почувствовала на своем лице чужие горячие пальцы...

Зрение восстанавливалось постепенно, так же, как и слух. Когда туман перед глазами немного развеялся, я буквально уткнулась в чужой тревожный взгляд.

Как сквозь вату до меня донеслось:

— Эйрина... как вы себя чувствуете? Вы слышите меня?

Я непонимающе захлопала ресницами. Лицо Эйдена нависло надо мной. Я увидела резкие тени, залегшие под его глазами, и горькие складки, что появились у крыльев носа. Он выглядел каким-то усталым, что ли... Будто несколько дней не спал.

Захотелось разгладить глубокую морщину, прорезавшуюся между бровей. Я шевельнула рукой и вдруг поняла, что не могу ее поднять. Моя рука словно налилась свинцом. Мне стало страшно.

— Ч-что с-со мной? — прохрипела я прерывающимся голосом. В горле першило так, будто я ежа проглотила.

— Лежите, — на мужском лице отразилось явное облегчение, — вы еще очень слабы.

Он отдалился, пропадая в тумане.

— Нет! Нет! — я попыталась сесть, но мое тело не слушалось меня. Накатила такая слабость, что я едва не потеряла сознание.

Крепкие руки подхватили меня, прижимая к твердому телу.

— Шерр! — раздался полный паники окрик. — Шерр! Где ты, шроссов сын!

Меня вновь уложили на подушки. Кто-то поил меня водой с ложечки, клал в рот дольки апельсина, шепча на ухо, что мне нужно хоть немного поесть. Чьи-то теплые пальцы чертили абрис моей щеки, обводили губы... но я уже ничего не понимала. Меня упорно клонило в сон.

Когда я проснулась во второй раз, рядом с кроватью на стуле сидел Шерран. Подставив под щеку свой мощный кулак, он спал, легонько похрапывая.

Я осмотрелась. Помещение оказалось незнакомым и это явно была не каюта. Простые бревенчатые стены, минимум мебели. Небольшое окно с кусочком голубого неба. Рамы распахнуты, свежий ветер треплет легкие шторы, донося с улицы сладкий аромат жасмина... Я на суше? Где я?!

— Шерр! — говорить получалось с трудом.

Ниданг встрепенулся, уставился на меня полусонным взглядом. Затем резко вскочил, дотронулся до моего лба шершавой ладонью.

— Сколько пальцев видишь? — сунул мне под нос руку с растопыренной пятерней.

— Пять...

— А сейчас?

— Три, — я недоуменно покосилась. — Ты здоров? В чем дело?

— Очнулась! — он вдруг хлопнул себя по коленям. — Очнулась, маленькая даханни!

Он распахнул дверь и гаркнул во всю мощь своих легких:

— Бретта, мать твою за ногу! А-ну тащи сюда свой ленивый зад! Госпожа изволят проснуться!

Я оторопела. Захотелось залезть под одеяло с головой и сделать вид, что меня здесь нет, но проклятущая слабость не дала двинуться с места.

В комнате появилось еще пара действующих лиц. Круглолицая женщина средних лет с пышным бюстом и более молодая: высокая, с гренадерской фигурой. Обе были одеты в простые коричневые платья с белым передником. Волосы у обеих тщательно заправлены под накрахмаленный чепец с острыми концами, а блестящие глаза с вертикальным зрачком смотрели открыто и доброжелательно.

Шерра тут же выгнали, предложив прогуляться. А я даже возразить не успела, как меня вытряхнули из кровати. Крепкие женские руки, привыкшие к тяжелой работе, подняли меня, как пушинку. Стянули промокшую от пота рубашку, обтерли исхудавшее тело мягкой губкой, смачивая ее ароматной водой.

Я не возражала, позволяя поворачивать себя, как куклу. Только удивилась, насколько немощной стала. Руки и ноги истончились, кожа приобрела землистый оттенок и все ребра вылезли наружу. Живот запал, кости повыпирали, про лицо и думать не хотелось. Даже волосы стали какими-то тусклыми. И раньше не была красавицей, а теперь, похоже, вообще чучело.

Кровать перестелили, меня уложили на хрустящие простыни и тут же в поле зрения образовалась пиала с бульоном, от которого исходил умопомрачительный запах свежей зелени. Я добровольно открыла рот. Все равно не смогла бы взять ложку в руки.

— Где я? — слабо поинтересовалась я, когда пиала опустела. — Кто вы?

Толстуха деловито поправила подушку под моей головой, высокая подоткнула одеяло.

— Эйр вам все расскажет, когда придет время. А нам не велено тревожить, — сказала толстушка. — Можете звать меня Бретта. Я здесь домохозяйка. А это Режина. Она будет вашей горничной. Вот веревочка. Если что понадобится — дерните. От нее в людскую колокольчик протянут. Сразу услышим и прибежим.

— А где Эйден?

— Эйр сейчас занят. Обещался быть к вечеру.

Они вышли, а я вновь провалилась в сон. Правда, на этот раз он был крепким и восстанавливающим.

Меня разбудил нежный поцелуй.

Я распахнула глаза и утонула в двух бездонных океанах, сиявших на смуглом лице.

Эйден резко отпрянул, как человек, пойманный на чем-то неприличном. Сжал зубы так, что обозначились желваки, и спрятал руки за спину.

Я окинула его придирчивым взглядом. Он целовал меня? Или мне приснилось?

Эйден выглядел изнуренным, как человек, перенёсший тяжелую болезнь. Щеки запали, черты обострились. От носа пролегли скорбные складки, под глазами залегли тяжелые тени. Глубокая вертикальная морщина прорезала его переносицу. Прекрасные бронзовые волосы потускнели и свисали безжизненными прядями.

Меня словно что-то кольнуло в сердце.

— Эйрина, — Эйден откашлялся, — как вы себя чувствуете?

— Нормально... скажите, где я нахожусь?

— В Монтероне. Это мой остров и мое поместье.

— У вас есть остров? — искренне удивилась я.

Его губы дрогнули в легкой усмешке.

— А вы думали, что я круглогодично проживаю на корабле? Вынужден вас разочаровать. Пиратство, знаете ли, приносит неплохой доход. Если действовать с умом, то вполне можно позволить себе небольшой особнячок.

— Язвите, эйр капитан? — я прикрыла глаза. — Сколько я уже здесь?

— Три недели. Почти две из них вы провели в бреду. Последнюю — без сознания. Два дня назад первый раз очнулись. Я удовлетворил ваше любопытство?

— Вполне.

— У вас есть какие-нибудь пожелания?

— Да... идите к шроссу.

Он хрипло рассмеялся.

— Я уже и так там.

— Я за вас рада.

Не знаю, сколько ещё мы препирались бы, но тут из коридора донеслись истеричные женские вопли, приближавшиеся на большой скорости.

Не успела я испугаться, как дверь в комнату с грохотом распахнулась, отскочила от стены, и на пороге возникла настоящая фурия в градусских шелках. Разгневанная незнакомка, пылая праведным гневом, обшарила комнату яростным взглядом.

Ее роскошные белокурые волосы были уложены в идеальные локоны, безупречное лицо скривилось от злости, голубые глаза метали молнии.

Мой взгляд сам собой уткнулся в глубокое декольте, где в пене кружев, как на блюде, лежали роскошные груди, обнаженные почти до самых сосков. Я тихо икнула. О такой красоте мне не стоит и мечтать.

— Где она, Эйден?! — буквально прорычала женщина, багровея от гнева. — Где эта шлюха?!

— Эстель?

Эйден мгновенно развернулся так, что загородил меня своей широкой спиной. Но мне хотелось поближе рассмотреть незнакомку. Я еще никогда не видела блондинок, а потому она показалась мне просто необыкновенной красавицей.

— Это она? — женщина рванула в мою сторону, намереваясь вцепиться мне в лицо, но Даннахан успел перехватить ее за талию и оттащил от меня. — Пусти! Я выцарапаю глаза этой твари! Отправь ее туда, где взял! Я не потерплю этой сучки в моем доме!

Он встряхнул ее так, что у нее клацнули зубы.

— Заткнись! — процедил таким тоном, что я сама невольно похолодела. — Это мой дом. И в нем живут те, кого я пригласил. А если не нравится, я сегодня же отправлю тебя в Амидарейн.

Она вдруг опала в его руках, словно из нее выдернули внутренний стержень, всхлипнула и прижалась к мужской груди.

— Ты же знаешь... я тебя люблю... боюсь потерять... прости...

Эйден бросил в мою сторону хмурый взгляд. Я поджала губы, делая вид, что мне все равно. Я смотрела им вслед, когда он выводил ее из комнаты, придерживая за плечи. Где-то в глубине меня скручивалась тугая спираль, угрожая выстрелить в любой момент. Я убеждала себя, что мне все равно... но это вовсе не так... мне было очень обидно...

К вечеру я уже немного пришла в себя. Слабость, конечно, сильно раздражала, как и демонстративная забота. Эйден со своей Эстель куда-то пропали, и я подозревала, что либо она ему сейчас доказывает свою необходимость, либо он ее утешает. И то, и другое было для меня одинаково мерзко.

Заходил Шерр, отводя глаза сообщил, что эйр капитан развил бурную деятельность по поиску

моих родственников. Правда, делает это очень аккуратно, как будто не хочет, чтобы они узнали обо мне раньше времени.

— Уж не знаю, что он там задумал, — сказал ниданг, почесывая затылок, — но дело не в выкупе. Что-то он темнит, лопни моя печенка.

Я равнодушно пожала плечами. Какая мне разница? Лежу тут безвольным трупом, который кормят, переодевают, подставляют судно. Другая, наверное, поинтересовалась бы своим будущим, потребовала объяснений, но у меня в голове царила абсолютная пустота. Ни чувств, ни мыслей. Сплошна апатия.

А ночью пришла Эстель.

Я проснулась мгновенно, стоило лишь тихонько скрипнуть двери, но так и осталась лежать с закрытыми глазами и затаив дыхание.

Блондинка немного задержалась на пороге, будто раздумывая, а потом, крадучись, приблизилась к кровати и замерла. Я чувствовала ее пристальный взгляд, который буквально ощупывал мое лицо. Мне понадобилась вся сила воли, чтобы не дать вздрогнуть ресницам и не выдать себя.

Вот она наклонилась ближе, и моей щеки коснулось ее прерывистое дыхание. Я не знала, чего она хочет, но буквально ощущала исходящие от нее волны ненависти.

— Маленькая серая дрянь, — прошипела она еле слышно, — думаешь привязать его своей магией? Ничего у тебя не выйдет. Я не позволю.

Я почувствовала, как меня немного сдвинули с места, и поняла, что Эстель пытается аккуратно вытащить подушку из-под моей головы. Мне стало страшно. Не спать же она на ней собирается!

Распахнув ресницы, я уставилась прямо в побелевшее от напряжения лицо женщины. Она стояла надо мной, держа подушку на вытянутых руках, а в глазах у нее застыла такая одержимость, что я не выдержала и закричала.

Тяжелая перьевая подушка оборвала мой крик. Эстель навалилась сверху, видимо боясь, что я начну вырваться. Дура! Я не могла сама даже ложку в руке удерживать, где же мне сражаться с человеком, который всерьез решил убить меня?

Я не могла вдохнуть, легкие буквально горели, сознание уплывало. Моя паника достигла таких высот, что мозг просто отключился, продолжая фиксировать события как бы со стороны.

Вот грохнула дверь и в комнату ворвалось несколько человек. Звуки борьбы. Истеричные женские крики. Холодный от ярости, леденящий душу мужской голос.

Тяжесть с моей груди исчезает, и я слышу стук падающего тела. Меня трясут, бьют по щекам, брызгают в лицо холодной водой...

Я втягиваю в себя воздух, чувствуя, как расправляются легкие, всхлипываю, пугаясь задним числом... Чьи-то руки хватают меня, прижимают к твёрдому телу. Я чувствую знакомый запах. Горячие мужские губы лихорадочно покрывают мое лицо короткими жгучими поцелуями, бормоча что-то бессвязное... Это Эйден, я узнала его.

И вот я уже сама прижимаюсь, пытаюсь закинуть бессильные руки ему на шею. Мне хочется спрятаться на этой широкой груди от всего мира, но мое сознание вновь меня предает. Последнее, что я слышу:

— ...больше никогда...

Ранним утром я проснулась от того, что кто-то слишком пристально разглядывал меня. Сначала испугалась, вспомнив события этой ночи, но потом открыла глаза и уперлась взглядом в застывшее лицо Эйдена. Кажется, это уже входит в привычку.

Слабо улыбнулась, когда он поймал мой взгляд.

— Виель...

Он назвал меня по имени? Я не ослышалась? На душе стало легче.

Я послала Эйдену благодарный взгляд.

Лицо мужчины немного смягчилось, но он тут же спрятал свои эмоции под обычной каменной маской.

— Простите за ночное недоразумение. Этого больше не повторится.

— Эстель...

— Не думайте о ней. Эта женщина здесь больше не появится.

Я побледнела, представив несчастную блондинку с петлей на шее, болтающуюся на рее "Тамриса".

— Нет-нет, — поспешно успокоил Эйден, увидев, как паника отразилась в моих глазах, — она совершила проступок, за который я убил бы кого угодно. Но ей повезло. Ее просто отправили на другой остров, обеспечив до конца жизни.

— Вы действительно изнасиловали ее в первый раз? — выдохнула я то, что мучило меня все это время.

Брови Эйдена удивленно взлетели вверх, но он быстро взял себя в руки.

— Кто вам это сказал? Мне нет нужды насиловать женщин, если они сами хотят быть со мной.

Он поднялся и сделал по комнате несколько шагов, будто не зная, с чего начать разговор. Развернулся лицом к окну, уперся руками в подоконник, постоял, вглядываясь куда-то вдаль. Я услышала его глухой и неуверенный голос.

— Мне уже тридцать лет, Виель, я мужчина, а не монах, и в моей жизни были женщины. Эстель одна из них. Я ничего никому из них не обещал, и они знали это, когда ложились в мою постель. Но вы...

Он повернулся ко мне и взглянул прямо в глаза, ища в них что-то, доступное лишь ему одному.

— С вами все не так, — его голос охрип, он словно вымучивал каждое слово, — это как наваждение... Пока вы лежали в бреду, я не мог ни есть, ни спать. Все мои мысли и желания

были только об одном, чтобы вы очнулись. А вчера... когда я увидел здесь эту женщину, — он на мгновение замолчал, закрыл глаза и тяжело сглотнул, сжимая кулаки так, что побелели костяшки пальцев, — я думал, что убью ее не сходя с места за то, что она пыталась сделать.

Я не знала, что ему ответить. Просто смотрела молча и ждала, что он скажет дальше.

— Эти три недели я пытался понять, что же такое произошло там, на корабле, — он невесело усмехнулся. — Мы с вами, сами того не зная, оказались заложниками древней силы. Связь ширам невозможно оборвать даже смертью. Я уже сейчас чувствую непреодолимую тягу к вам, которая причиняет боль и заставляет терять разум... Я пытался найти способ освободиться, но такого способа нет.

Я была поражена. Так вот почему он так плохо выглядел! Его тело желало слиться со своей душой, но он сам, по собственной воле пытался избавиться от этого наваждения и освободиться от меня!

Стало обидно. Опять меня отвергают. Нет, я и сама не желаю этой принудительной связи, но зачем же так грубо? Мог бы и по деликатнее как-то высказаться.

Эйден приблизился ко мне и вдруг опустился на колени перед кроватью, вызвав у меня возглас удивления. Теперь наши глаза оказались на одном уровне. Он взял в руки мою исхудавшую ладонь и легонько сжал.

— Виель... я знаю, что я вам не пара. Я отщепенец, изгой, паршивая овца в идеальном стаде Амидарейна. Мне нечего вам предложить, кроме того, что вы уже видели. Но... скажите только слово, и я положу свою жизнь к вашим ногам. Только одно слово.

Его голос сорвался, замерев на полуслове. У меня внутри все сжалось. Я не могла поверить своим ушам: это он что, так в любви мне признается?! А как же его попытки освободиться?

— Э-эйр к-капитан, — еле выдавила из себя прерывающимся голосом, — я н-незнаю... а как же моя семья?

Он нахмурился. Потом нагнулся, чтобы запечатлеть на моем запястье легкий поцелуй. Бронзовые волосы сверкнули в ярком солнечном свете, лившемся из распахнутого окна.

— Клянусь, — услышала я глухой голос, — я найду ваш рейн. Но я сделаю все, что в моих силах, чтобы вы остались со мной по доброй воле.

Я опять промолчала. В душе появился червячок сомнения. Да, я испытывала к нему какие-то чувства, но вряд ли они были достаточно сильными для того, чтобы связать свою жизнь с незнакомцем.

Сколько я знакома с Эйденем? Слишком мало, чтобы принимать столь судьбоносные решения. Я не знала о нем абсолютно ничего, кроме того, что он занимается незаконной деятельностью и грабит имперские корабли. Да и замуж он мне пока не предлагал, скорее, намекнул на собственные желания и свободное место в хозяйской спальне.

Мне и раньше говорили, что женщинам вредно думать, а теперь, стоило лишь начать размышлять, как меня охватила злость. Я мягко, но настойчиво высвободила свою руку и тихо произнесла:

— Вы предлагаете недопустимые вещи, эйр капитан... Хотите сделать из меня вторую Эстель?

Ей вы тоже говорили о своих “чувствах”?

Он замер. Кровь отхлынула от его лица, сделав кожу мертвенно-бледной. Губы сжались в узкую полоску.

— Вам лучше уйти.

— Как скажете, эйрина...

Он поднялся с колен и, не взглянув на меня, отправился к двери.

— Выздоровливайте, — сухо бросил, стоя на пороге, — я вас больше не потревожу. Если ваш рейн найдется, вам сообщат.

Примерно через неделю я начала понемногу вставать. Эйден строго выполнял данное мне слово, и за это время я видела его лишь пару раз.

После завтрака меня усаживали у окна в мягкое кресло и я наслаждалась открывающимся видом.

Прямо под бревенчатой стеной дома обнаружился пышный розовый сад, окруженный высоким каменным забором. Помимо роз, здесь цвел жасмин, акация и сирень, наполняя воздух ярким благоуханием. Моя комната располагалась на втором этаже, а потому я видела каменистую пустошь за этим забором, простиравшуюся до самого берега.

Как мне сообщила Режина, розы были любимыми цветами эйрины Эстель. Именно по ее указу сюда привезли землю с другой стороны острова. Несколько лет она ухаживала за этим садом, практически сама посадила каждый куст, которые покупал по ее просьбе эйр капитан.

Я видела, да горничная этого и не скрывала, что Режине очень не по нраву мое присутствие. Похоже, что она была очень преданна прежней хозяйке господской спальни. Я могла бы объяснить, что не слишком претендую на вакантное место, но не видела смысла оправдываться перед служанкой.

Как-то утром она перестилала кровать, а я сидела в своем кресле и наслаждалась щебетом птиц, прячущихся в пышной зелени сада. Недовольное бормотание служанки не давало сосредоточиться на какой-то мысли, постоянно крутившейся у меня в голове.

Неожиданно мой взгляд наткнулся на высокую фигуру Эйдена, который легко сбежал с крыльца, что-то сказал вытянувшемуся в струнку дворецкому, и завернул за угол дома, туда, где располагались хозяйские постройки. Через несколько минут я увидела его уже в седле. Сидя на прекрасном вороном жеребце аренсийской породы, лэр капитан направлялся к главным воротам. Мое сердце кольнуло, будто иглой, в груди что-то сжалось.

— Режина, — прервала я причитания горничной, — ты не знаешь, эйр Даннахан куда не собирался?

Женщина наградила меня неприязненным взглядом.

— Если эйру и угодно куда отправиться, то слуг он в свои планы не посвящает.

— А кого посвящает? — поинтересовалась я.

— До вашего приезда — эйрину Эстель. Она здесь была хозяйкой почти три года. Хозяин дал ей

право руководить поместьем и вообще... у них все шло к свадьбе... до вашего появления.

У меня пропало все желание продолжать диалог, но Режина, похоже, решила меня добить:

— Вполне возможно, что эйр и сейчас в ней нуждается.

Эйден вернулся на второй день к обеду, а мою душу продолжали грызть сомнения.

Был ли он с Эстель? Или отсутствовал по другой причине? Подозрения разъедали меня, будто кислота, я не могла понять, что в его словах было правдой, а что попыткой повлиять на мой выбор. Я не могла ему верить, но с каждым днем ощущала все большую потребность в его присутствии.

Сначала я начала скучать, потом тосковать. Чем быстрее восстанавливалось тело, тем больше страдала душа. Но я молчала, а Эйден больше не появлялся. Глупая гордость и врожденное чувство противоречия не давали мне показать свою слабость и первой позвать его.

Да, я считала это недопустимой слабостью, достойной лишь падших женщин. Никогда, ни под каким видом приличная девушка не должна сама делать первый шаг — это правило вбили меня двадцать пять лет санхейского воспитания. Да к тому же я прекрасно понимала, что по сравнению с той же Эстель проигрываю по всем статьям.

Она статная блондинка с роскошным бюстом и бархатистой нежной кожей. Знает все слабые стороны Эйдена, знает, как ему угодить, да и выбрал он ее сам, судя по всему. Меня же ему навязали, как и его мне. Помнится, Ниара утверждала, что мы были с ним знакомы в прошлой жизни и даже являлись парой, только я совершенно этого не ощущала. Никакого единения. Только тоска и мучительное желание увидеть.

Ах, у меня накопилось столько вопросов к моей огненной половине, но как с ней встретиться, не впадая в бредовое состояние — я не знала.

Так и проходило время. Меня кормили, мыли, переодевали. Усаживали у раскрытого окна. Я почти все время проводила в одиночестве и размышлениях о смысле жизни. Меня никто не навещал. Ни Шерр, ни Эйден. Единственным развлечением стало наблюдать из окна за жизнью поместья.

За это время я много чего передумала. В одном разобралась, в другом запуталась. С каждым днем мое тело восстанавливалось все больше и больше, постепенно появилось бледно-золотистое сияние, практически исчезнувшее во время болезни. Это уже потом я узнала, почему так вышло. В последнюю волну даханн или даханни сливаются со своим внутренним светом, доставшимся от ахайев, но в моем случае был запущен процесс единения ширам. Одно наложилось на другое, как шайенка я должна была объединиться со своим огненным духом, но он оказался слишком слаб, чтобы выйти на поверхность, а потому едва не утянул меня с собой. Если бы это произошло, мое тело погибло бы, а душа вновь отправилась блуждать в эфире, ожидая очередного воплощения. Меня спасло лишь то, что шайенской крови во мне было очень мало, а моя даханнская часть безумно хотела жить.

И вот теперь я видела объединение обеих моих сущностей в слабом свечении своей кожи: серебристый свет даханни и огненное пламя шайен превратилось в нежно-золотые переливы с едва заметным пурпурным отливом. Это было очень красиво, если не обращать внимание на сухую кожу и выпирающие кости.

Но постепенно все приходило в норму. Силы возвращались, восстанавливалось и тело.

А через две недели моего вынужденного затворничества, меня впервые вывели из комнаты.

Домопровительница Бретта и вредная Режина осторожно подхватили меня под руки и помогли выйти за двери. Я очутилась в широком коридоре, чьи стены украшали многочисленные портреты. Это напоминало галерею предков в замках аристократов, и я невольно вспомнила, как оговорился ниданг на “Тамрисе”, назвав Эйдена Сиятельством. Так в Эролле обращались к графам, а в Амидарейне к дазганам. А если провести параллель между Рейхо и Эйденем, то в голову приходят разные мысли. Например: оба командуют кораблями, только Рейхо имперским, а Эйден — пиратским. Есть над чем задуматься.

Мне помогли спуститься по широкой лакированной лестнице с резными перилами. Я, конечно, отдыхала на каждой ступеньке по несколько минут, но отвечала решительным отказом на малейший намек вернуться в кровать. Ну уж нет, належалась — на всю жизнь хватит. Упорства мне было не занимать, а потому, ползя как улитка, я почти через час выбралась, наконец, на высокое крыльцо особняка и, радуясь своей маленькой победе, упала в услужливо подставленное кресло.

Сверху припекало раннее солнышко, щебетали птички, ласковый ветерок обдувал прохладой, а в воздухе носился упоительный аромат цветущего сада. Я зажмурилась от удовольствия, просто физически ощущая, как мое тело наполняется жизненной силой

— Вот оно и правильно. Давайте-ка сюда ваши ножки, — Бретта подставила мне под ноги маленькую скамеечку. — А ты иди, Режина, прибери в спальне госпожи.

Горничная ушла, напоследок не забыв проворчать что-то неразборчивое.

— Спасибо. Вы так заботитесь обо мне, даже неловко как-то, — замялась я под добродушным взглядом домоправительницы.

— А чего ж не позаботиться? — удивилась женщина, обмахиваясь собственным передником. — Чай, вы нам не чужая.

— О чем это вы?

— Ну как, живого краба в корзине не спрячешь. Почитай весь остров знает, что эйр нашел свою ширам. Это ж такая радость для всех нас.

— Сомневаюсь, — обескуражено пробормотала я.

— Вы про Режину? Дак что она понимает, дура девка. Прикипела к этой кокетке Эстель, а та знай только задом перед эйром вертела. Все хозяйку из себя разыгрывала, в законные жены метила. Да только наш эйр не слепой, знает что по чем.

— Это вы о чем?

— Дак известно о чем. Он же ее с кораблем захватил, хотел за выкуп родичам повернуть. А она ни в какую! Мол, люблю вас — и точка. Сама везде хвостом ходила, “приданным” своим перед ним трясла. Ну он и не устоял. Много ли мужику надо, если он по полгода на берег не сходит?

— Каким приданным? — удивилась я.

— Каким-каким! — передразнила Бретта. — Известно каким, вот этим, — и она недвусмысленно приподняла свою пышную грудь, затянутую плотным корсажем.

Я рассмеялась, представив, как блондинка бегаёт за Эйденем по поместью и тычет ему в нос своим бюстом. Но смех быстро сошел на нет. Мне-то при всем моем желании тыкать нечем. Так что...

— Бретта, а где Эстель сейчас? Кн(и)гол(ю)б. н(е)т

— В Галиронии. Это соседний остров. Он побольше Монтерона, да и общий порт там имеется. Недели через две должен придти корабль из Лаовессии, вот и отправится Эстель к своим эрранам.

— Так она эрранка? Красивая...

Бретта хмыкнула.

— У них там все такие. Кожа розовая, как у поросят, а волосы ну вылитая куделья. Тоже мне красавица. Как умоется-привидение да и только. Ни ресниц, ни бровей. Тьфу, гадость

Я поморщилась. Если волосы Эстель можно сравнить с мягкой куделью, то мои больше напоминают паклю.

Неожиданно домоправительница присела в книксене, глядя куда-то мне за спину.

Я удивленно оглянулась.

Позади меня, на дорожке сада, стоял Эйден Даннахан и буравил нас пристальным взглядом. У меня внутри что-то сжалось, внизу живота образовалось странное томление, разлившееся теплом по всему телу. Я замерла в неудобной позе, не в силах отвести взгляд. И он тоже смотрел на меня: настороженно и тяжело, как будто ждал какую-то гадость.

— Эйрина, — он очнулся первым и отвесил мне вежливый поклон.

Мои щеки вспыхнули огнем. Я отвела взгляд и тихо поздоровалась. А Бретта, предательница, бочком-бочком, да и сбежала в дом, сообщив, что у нее кисель на кухне пригорает.

Мы остались вдвоем.

— Как вы себя чувствуете? — бесстрастно поинтересовался Эйден, подходя ближе.

Он поднялся на крыльцо и остановился напротив меня. Я не могла оторвать жадного взгляда, буквально впитывая в себя его образ. Сильное, подтянутое тело, широкие плечи, узкая талия. Длинные ноги, затянутые в зауженные замшевые брюки, распахнутая на груди свободная рубашка, открывающая вид на гладкую смуглую кожу... Застывшее на лице выражение безразличия и скуки. Губы, сжатые в тонкую линию. Взъерошенная шапка бронзовых кудрей, в которые так и хотелось запустить руки...

Он тоже разглядывал меня. В глазах Эйдена горел странный, пугающий огонь, но ни один мускул не дрогнул на лице. Было абсолютно непонятно, о чем он думает.

— Спасибо, мне уже лучше. Как ваши дела? — решила я пооявить любезность.

— Все в порядке.

— Я за вас рада... У вас такой чудесный сад...

Моя фраза повисла в воздухе, жалкой попыткой поддержать разговор.

— Да? — на лице Эйдена неожиданно промелькнул интерес. — Вы составите мне компанию за обедом? Я прикажу накрыть в саду.

Я замерла, ожидая подвоха. Между нами повисло тягостное молчание и лицо Эйдена снова замкнулось.

— Я... согласна, — выдохнула я, не зная как спасти ситуацию и растопить лед, возникший между нами.

Он нахмурился.

— Если вы не хотите, то я не настаиваю.

— Нет-нет, — поспешно заверила я, — я хочу и даже очень!

В холодных серых глазах мелькнуло что-то вроде удивления, и я поняла, как двусмысленно прозвучали мои слова.

Эйден вдруг шагнул ближе, осторожно взял мою ладонь, лежавшую на подлокотнике кресла, и едва ощутимо прикоснулся губами к кончикам пальцев.

Мое тело вздрогнуло от его теплого дыхания, все волоски на коже встали дыбом, в горле образовался комок, а сердце загрохотало так, будто хотело выпрыгнуть из груди!

— Я рад, — ответил Эйден с легким смешком и отпустил мою руку.

Отвесив поклон, он исчез за дверями дома, а я осталась сидеть. С пылающими щеками, вытянувшись в струнку и бешено бьющимся сердцем

К обеду меня переодели в голубое атласное платье с корсажем из плотного бархата, который зашнуровывался сзади, стягивая талию и аппетитно приподнимая грудь. Изящные кружева вокруг глубокого декольте должны были, по всей видимости, придать объема моим скромным прелестям, а пышные буффы — привлечь внимание к узким плечам.

Режина, ворча по привычке, минут сорок продиралась сквозь спутанные дебри моих кудрей, пока не вычесала их до такой степени, что они легли на плечи мягкой волной. Затем, украсила мой лоб вышитой лентой с каплевидным жемчугом по краям.

Я приказала подать зеркало, первый раз за все это время, и с опаской глянула на себя.

Странно, но моя внешность несколько изменилась. Объединение внутренних сущностей не прошло бесследно, а перенесенная болезнь только подчеркивала произошедшие перемены. И сейчас, в красивом платье, с прической, я вдруг обнаружила насколько стала непохожа на прежнюю себя.

Золотистый ореол оттенял необычный цвет моей кожи, черты лица стали более выразительными, сочные губы притягивали взгляд, большие глаза загадочно мерцали и

зрачок... Я нагнулась ближе к зеркалу, вглядываясь в свое отражение.

У меня были глаза даханнов! Невероятно, но на меня смотрели ярко-зеленые очи со звездообразными зрачками. И этот взгляд словно пронизывал меня до глубины души.

Оторвавшись от зеркала, я всунула ноги в мягкие прюнелевые башмачки с острым носком и бантиком на мыске. Они пришлись как раз в пору, что заставило меня задуматься, а откуда взялась эта одежда?

Оказалось, пока я просиживала дни у окна, местная портниха по приказу Эйдена нашла мне целый гардероб. Теперь меня мучили новые сомнения: откуда она узнала мой размер?

Раздался деликатный, но вместе с тем настойчивый стук. Бретта распахнула двери с таким видом, будто за порогом стоял по меньшей мере принц. Круглое лицо домоправительницы так и светилось от удовольствия, когда в комнату вошел Эйден и остановился, глядя на меня со смешанным чувством.

Его стальные глаза потемнели, пристальный взгляд прошелся по моей фигуре с неприкрытым интересом, и эйр хрипло проговорил, протягивая руку:

— Эйрина, мои поздравления. Вы просто неотразимы.

Я вложила свои исхудавшие пальчики в его мозолистую ладонь.

Мы спустились в сад, где под сенью цветущей сирени ждал накрытый на две персоны небольшой круглый стол. Вместо стульев — кресла с резными подлокотниками и мягкими подушками на сиденье. Эйден галантно усадил меня. Его пальцы, будто ненароком, скользнули по моим обнаженным плечам, оставив огненный след.

Я вообще заметила, что пока мы шли по галерее, пока спускались по лестнице, он постоянно старался держать меня за руку, хотя никакой нужды в этом не было. Та же Бретта могла помочь мне справиться с коварными ступеньками.

Но нет, Эйден, словно забывшись, поглаживал мое запястье большим пальцем все то время, пока моя ладонь была в его руке. А теперь он сел напротив меня, развернул салфетку и тоном великосветского кавалера осведомился:

— Вы позволите за вами поухаживать?

Я позволила.

Меня вдруг охватило странное чувство правильности происходящего, как будто мне самой судьбой было предначертано сидеть вот так, в благоухающем саду, рядом с этим несносным мужчиной, и принимать его заботу, как данность. Я чувствовала идущее от него тепло, хотя между нами был стол, чувствовала, как меняется его лицо, даже если смотрела в сторону. Это было так непривычно, но при этом вовсе не неприятно. Я как будто приобщилась к чему-то особенному, точно у нас появилась одна тайна на двоих. И при этом я откуда-то знала, что он сейчас чувствует то же самое.

Я стеснялась открыто смотреть ему в лицо, чтобы он не воспринял это как приглашение, стеснялась показать свои искренние эмоции, хотя он пытался вызвать меня на разговор. От его близости я буквально замирала, охваченная противоречивыми ощущениями, и почему-то была

уверена, что и он тоже обескуражен тем, что с ним происходит.

В какой-то момент я настолько погрузилась в собственные переживания, что даже не заметила, как перед моими губами появилась темная блестящая вишня. Я моргнула и недоуменно уставилась на Эйдена. Обед был окончен, слуги убрали со стола, оставив десерт. Прямо перед Эйденом стояло серебрянное блюдо, полное больших сочных вишен, я таких никогда и не видела. Одну из них он держал за хвостик двумя пальцами и призывно раскачивал прямо перед моим ртом, соблазнительно улыбаясь при этом. В серых глазах мужчины сверкали смешинки.

— Ну же, — подстрекал он меня, — смелее. Гляньте, какая она аппетитная. А сладкая-я!

Какое-то странное легкомыслие охватило меня, подталкивая на глупости. Я не могла ухватить вишню губами, не вывернув при этом шею, а потому, без всякой задней мысли, высунула язычок.

Глаза Эйдена вспыхнули темным пламенем, узкие зрачки расширились, затопив радужку.

Как так получилось, что хватая вишню, я скользнула губами по кончикам его пальцев? Как так вышло, что эти пальцы начали вдруг поглаживать мои губы, а пытливый мужской взгляд, не отрываясь, заскользил по моему лицу, вызывая мурашки на коже?

Глубоко внутри меня образовался странный пульсирующий комок, от которого словно протянулись крепкие нити ко всем нервным окончаниям. Кожа стала невероятно чувствительной, она словно горела в тех местах, где Эйден меня касался... В глазах все туманилось, мозг отказывался работать, уступая главенство чувствам, которых я не знала и опасалась, а в голове осталась только одна мысль: лишь бы он не останавливался!

Я даже не заметила, как он оказался в опасной близости от меня. Подхватил, вырывая из кресла, окружая своим запахом и теплом. Я успела лишь тихо вскрикнуть, когда его губы вдруг накрыли мой рот. Они оказались на удивление мягкими и теплыми, и очень нежными, будто боялись спугнуть или причинить боль.

Наверное, я должна была закричать, ударить его, начать вырываться и звать на помощь. Так требовали законы того общества, в котором я прожила двадцать пять лет. Когда женщин намного больше, чем мужчин, они, в конце концов, начинают предлагать себя сами, но строгая мораль и суровые традиции внушали, что лучше остаться старой девой, вдовой или разведенной, но ни в коем случае не допустить незаконных отношений. Правила повеления вдальбивали в меня с помощью розги с самого детства, они были отработаны на уровне рефлекса, но почему-то именно в этот момент этот рефлекс не сработал.

Я подчинилась Эйденому, позволяя ему вытворять с моим ртом все, что ему угодно. Его губы раздвинули мои, упругий язык осторожно скользнул во влажную глубину. Его поцелуй был с привкусом вина, которое он пил за обедом, сладким и терпким одновременно.

Он обволакивал меня сладкой негой, тело ослабо, растеклось безвольной лужицей в его руках, все мысли улетучились. Остался лишь упоительный аромат сирени над головой, привкус терпкого джестива и волнующая близость мужчины.

Я забыла обо всем на свете. Так целовать меня мог только Эйден. Как будто все это время я одиноко бродила во тьме, а он пришел — и мою вселенную залил солнечный свет. Как будто он взял меня за руку и вывел из мрачного подземелья на открытый простор; как будто он поднял

меня на самый высокий пик, и я увидела целый мир, покорно лежащий у моих ног...

— Вы восхитительны, моя маленькая даханни, — выдохнул он мне в рот с коротки смешком и отстранился. — Боюсь, я теперь не смогу вас отпустить...

Руки мужчины еще крепче стиснули мою талию.

“И не надо!” — подумала я, утыкаясь носиком в твердое плечо. От мужчины пахло морем, солнцем и свежим ветром. В этом запахе легкие цитрусовые нотки смешались с бергамотом и ветивером, а еще чувствовался аромат тонко выделанной кожи. Этот запах хотелось вдыхать до бесконечности.

Внезапно, он подхватил меня на руки и я испуганно ахнула.

— Не бойтесь, — один уголок его губ дрогнул в усмешке, — я вас не съем. Вы такая пугливая, как новорожденный олененок.

Я решила, что лучше промолчать. Обхватила его руками за шею, прижимаясь щекой к тонкому сукну камзола, и расслабилась. Мы же в саду, на виду у всех, что он мне сделает? Разве что зацелует до смерти? Так я, вроде, уже не против...

— Куда вы меня несете? — осмелилась я спросить.

Эйден наградил меня загадочным взглядом. Мой вес абсолютно не мешал ему шагать по аллеям вглубь сада, туда, где в тенистой прохладе слышалось журчание воды.

— Вы мне не доверяете, эйрина? — насмешливо поинтересовался он. — Не бойтесь. Я не разбойник из дамских романов и не посягну на вашу честь... Хотя надеюсь стать единственным претендентом на нее, — с придыханием добавил он, склонившись к моему ушку.

Я покраснела. Что я должна была сказать на это? Набить себе цену, намекая на кучу поклонников, которых нет? Или честно признаться, что от его близости у меня захватывает дух? Я не сделала ни того, ни другого. Кокетничать я не умела, а природная сдержанность не давала откровенничать.

Неожиданно он свернул с главной аллеи и я ахнула: прямо перед нами в центре круглой площадки возвышалась ажурная беседка, выкрашенная в белый цвет. Яркая зелень увивала ее стенки, а сверху водопадом ниспадали сиреневые гроздья глицинии.

Перед беседкой я увидела круглую клумбу с пышными пионами, лилиями и астрами. В центре этой клумбы возвышался фонтан: бронзовая девушка, застывшая в танце, а вокруг нее, то поднимаясь, то опадая, бьют хрустальные струи.

— Как мило, — заметила я, наслаждаясь видом.

— Я знал, что вам понравится, — улыбнулся Эйден. — Но это еще не все.

Он обошел беседку и остановился перед двумя могучими вязами, чьи ветви настолько переплелись, что создавали подобие шатра.

— А вот и мой сюрприз.

Я с открытым ртом уставилась на качели. Старая добрая “лодочка”, искусно вырезанная из дерева и покрытая темным лаком. Внутри две скамеечки в противоположных концах, резные

перильца, даже дверца открывается. И четыре позолоченные цепи, которыми эта “лодочка” крепится к толстым ветвям.

Эйден усадил меня на лакированную скамеечку, закрыл дверцу, а сам встал напротив меня и ухватился за цепи. В его глазах сверкали смешинки, а лицо, наверное, впервые с нашего знакомства, сбросило маску холодности и отчуждения.

Яркое солнце сверкало золотом в его волосах, ветер ерошил непослушные кудри, заставлял щурить глаза. В этот миг Эйден показался мне бесшабашным мальчишкой, не знающим бед, но никак не пиратом. Мне на миг почудилось, что я наконец-то вижу его настоящим, а не таким, как он хочет себя показать.

Но потом я подумала, сколько раз здесь бывала Эстель, и все очарование как рукой сняло!

— Знаете, эйрина, я никогда не был слишком суеверен, — задумчиво проговорил Эйден, начиная понемногу раскачивать “лодочку”, — но с тех пор, как я поцеловал вас там, на своем корабле, один и тот же сон мучает меня по ночам.

— И что же вам снится? — с опаской поинтересовалась я, вцепившись в перила.

— Вы.

Этот короткий ответ обескуражил меня.

— Сначала вы снились мне вот в этом голубом платье, и потому я приказал сшить его для вас и даже подробно описал, как оно должно выглядеть. А потом мне стало сниться, что вы качаетесь на качелях в моем саду, и я приказал сделать эти качели для вас. Я надеялся, что если сон станет реальностью, то он перестанет меня мучать.

— Вы мне тоже снились, — тихо призналась я.

Качели раскачивались все сильнее, “лодочка” то взлетала вверх, то падала вниз, да так, что захватывало дух.

— Скажите, что же вам снилось?

— Я не помню... я забываю свои сны.

— Напрасно. Иногда они могут указать правильный путь.

— А ваш сон был из таких?

— Да. Именно во сне я понял, что у нас с вами одна судьба на двоих.

Качели раскачивались по инерции, как один огромный маятник, замедляя свой ход. Эйден перебрался ко мне, поднял меня и усадил себе на колени. Его руки железным обручем обвили мою талию, мягкие губы коснулись шеи, обжигая кожу горячим дыханием. Я вздрогнула, по телу пробежала нервная волна, и я почувствовала, как внутри шевельнулась моя внутренняя сущность. Только я не знала какая.

Качели постепенно останавливались, но мы с Эйденем уже не обращали на это внимания. Он держал мое лицо в теплой колыбели своих ладоней и целовал с таким упоением, будто пил из вечно свежего источника.

О чем я думала в тот момент? Да ни о чем! У меня словно что-то щелкнуло в голове, и все мысли улетучились без следа. Я покорно отдалась той теплой волне, что пробудилась в моем теле от этого поцелуя. И почему-то хотелось, чтобы этот миг продолжался как можно дольше.

— Гхм... прошу прощения...

Незнакомый мужской голос заставил нас оторваться друг от друга и спуститься на землю.

Эйден остановил качели и нехотя отпустил меня. В его расширенных зрачках, как в зеркале, отражалось мое лицо: бледное, с растрепанными волосами, распухшими губами и пламенеющим ореолом. Я растерянно отвела взгляд и с удивлением посмотрела на свои руки. Мое сияние полыхало, точно пожар, выдавая внутреннее состояние. Золотой оттенок сменился пурпурным и пульсировал в такт биению сердца.

— Эйден, ты не представишь меня своей малышке? — со странной полуулыбкой поинтересовался незнакомец, ощупывая меня бесстрастным взглядом.

Поджав губы, я глянула на нежданного гостя. Судя по всему, шайен. Одет во все черное; волосы цвета воронова крыла, жесткие и курчавые, спускаются на шею спиральными завитками; кожа темная, а вокруг оголенных участков алый ореол.

Лицо мужчины с резкими чертами было довольно выразительным, только вот взгляд мне абсолютно не понравился: холодный, изучающий, с оттенком презрения. Этот взгляд моментально отрезвил меня, будто ведро ледяной воды. Я вырвала свои ладони из рук Эйдена и начала поспешно выбираться из "лодочки".

— Келлан, ты, как всегда, немного не вовремя, — с досадой произнес Эйден, поддерживая меня за локоть. — Виель, не спеши, позволь мне помочь...

Я молча уступила. Все равно вряд ли смогу сама выбраться из этого сада, а упасть посреди аллеи и беспомощно ждать спасения вовсе не хотелось.

— Виель, позвольте вам представить моего друга и побратима Келлана Нурхадана. Келлан, — он бросил на шайена пристальный взгляд и с нажимом добавил: — Виель моя гостья, очень важная гостья.

— Понял! — тот со смешком поднял обе руки, развернув ладонями к нам, будто показывая, что не держит никаких тайных мыслей, но глаза его ни на йоту не потеплели.

— У тебя что-то важное?

— Да. Есть новости по нашему делу.

— Жди в беседке, я сейчас.

Эйден подхватил меня на руки, не дав сказать ни слова, и зашагал к дому, видневшемуся сквозь ажурную листву деревьев. Его лицо снова замкнулось, будто и не было того мальчишки на качелях, будто он всегда такой замкнутый и отчужденный. Я тоже молчала. Внутри бродил такой калейдоскоп эмоций, что мне захотелось остаться одной и разобраться в себе.

— Ох, эйр, вы только гляньте! — запричитала Бретта, увидев, как Эйден несет меня на руках. — Совсем девочку уморили! Разве так можно?

Она буквально выхватила мое брненное тельце из крепкой мужской хватки.

А ведь и в самом деле, что-то совсем я обессилила от этих поцелуев.

Меня усадили в родное кресло на крыльце. Эйден мимолетно коснулся губами моей руки и поспешно сбежал со ступенек. Было видно, что он чем-то озабочен, и я подумала, что этот Келлан вряд ли принес хорошие новости.

С этой минуты отношения между мной и Эйдемом поменяли полярность. Прежняя бесстрастность со стороны мужчины сменилась участием, вежливая холодность — искренним интересом. Его странного друга я больше не видела, хотя знала, что он регулярно бывает в Монтероне, и что Эйден время от времени куда-то исчезает вместе с ним на пару дней.

Теперь мы с капитаном не только обедали вместе, но и ужинали. Эйден был очень галантен, ухаживал за мной, как заправский кавалер и ни разу ни словом, ни делом не намекнул на мою дальнейшую участь.

Стоило мне проявить настойчивость и начать расспрашивать, как он тут же отвлекал меня поцелуями или переводил разговор на другую тему. И в такие моменты я замечала тень сомнения в его глазах, будто он и сам не был уверен в том, что делает.

Я решила пока не настаивать, а набиралась сил и изучала окружающий мир. Теперь в моем распоряжении была целая библиотека запрещенных в Амидарейне книг. Их них я узнала совсем другую историю появления великой империи.

Действительно, когда-то существовал Изначальный мир, в котором Рею населяло слабое человечество, магия отсутствовала, а в ночном небе сиял серебристый Син. А во время Великого Излома и образования двух гигантских континентов, в этот мир, через порталные окна, хлынули чужеродные расы. Вся человеческая техника была бессильна перед иномирными завоевателями. У людей не осталось выбора: либо исчезнуть навсегда, либо ассимилироваться, смешаться с пришельцами — и они выбрали второе.

Потомки людей и ифритов — шайены, людей и морских змеев-оборотней — ниданги. Драхи и ахайи смешались между собой. После падения Сина двести миллионов лет назад образовались и другие расы, не обладающие магией, но и не поддающиеся ей, например эрраны.

И все бы хорошо, но вот проблема, человеческая кровь ослабила потомков Изначальных, в то время как даханны, неся в себе кровь двух магических рас, наоборот, стали обладателями небывалой силы. А что значит сила, если нет власти? Неограниченная власть — вот та вершина, к которой стремится каждый правитель, и чем большей силой он обладает, тем быстрее укрепляет свою власть.

И вот однажды один из эрзунов решил, что неплохо бы стать императором. Много лет он создавал то, что сейчас носит громкое название Амидарейн, а потом его сыновья продолжили расширение границ и укрепление власти. Убийства, подкуп, шпионаж — в ход шли все возможные способы, и не всегда они оказывались дипломатичными, скорее наоборот. За годы своего существования империя пережила множество военных конфликтов, как межрасовых, так и внутренних, но в конце концов победила.

Сейчас Амидарейн правил целым миром. Последней сто пятьдесят лет назад, сдалась Эролла.

Выходит, что и шайены, и ниданги не слишком рады установленным порядкам? Когда-то они были свободны, а теперь вынуждены подчиняться чуждым законам. Даханны устроили им

такой же геноцид, как и санхейо: уничтожение книг, сокрытие фактов, переписанная история. Что еще? Контроль рождаемости? Жесткие репрессии? Не удивлюсь, если все страшилки о даханнах, которые бродили у нас в поселке, на самом деле правда.

Только вот слабые санхейо, не имеющие собственной магии и не способные сопротивляться силе даханнов, оказались слабым противником, которого оставили на закуску. Дольше всего продолжалась война с нидангами и шайенами. Эти две расы вынуждены были полчиниться, но так и не смирились.

В книгах, которые я читала, рассказывалось об отважных мужчинах, бросивших вызов императорской власти, о кровавых восстаниях и жестоком терроре. Разрозненные и ослабленные кланы Древних не могли выступить в открытую против тирании, но никто не запрещал им делать это тайно.

Сотни маленьких юрких шхун, под покровом ночи, нападали на имперские галеоны, грабили их, без зазрения совести, и бесследно исчезали в рассветном тумане. Или приставали к отдаленным островам и сжигали владения имперской знати, вырезая всех даханнов, попавшихся на глаза. В империи их называли пиратами и преступниками, за голову каждого из них была назначена награда в сотнях золотых монет. Здесь же они считались героями, женщины молились за их здоровье, а дети мечтали поскорее вырасти и пополнить ряды отчаянных мстителей.

Итак, мой Эйден не только пират и персона нон-грата, но еще бунтовщик и заговорщик. Не удивлюсь, если тот Келлан тоже. Теперь ясно, почему я так не понравилась шайену, наверняка, он увидел во мне даханни и сразу заподозрил во всех грехах. Может, сказал Эйдену, что я имперская шпионка? Потому он такой сдержанный? Вроде и смирился с тем, что я его ширам, но при этом ведет себя так, словно сомневается во мне. <K>ни<г>ол<ю>б. н<е>т

Сердце сжалось от плохого предчувствия. Эйден вне закона! Шерран ведь прямым текстом сказал, что за голову капитана "Тамриса" в Ризенпорте назначена награда. Какое будущее меня ждет рядом с ним?

Сжав ладонями пылающие щеки, я подошла к окну и уперлась лбом в прохладное стекло. На улице вечерело, расторопные слуги зажигали газовые фонари вдоль аллей, а мне было страшно.

С одной стороны, не было смысла отрицать влечение к этому мужчине, а с другой... Здравый смысл говорил, что вряд ли наша совместная жизнь будет похожа на тихую гавань, скорее, на океан в сезон ураганов.

Под окнами мелькнули какие-то тени. Я узнала Эйлена и Келлана, они неторопливо двигались в сторону беседки, о чем-то переговариваясь. У меня даже пальцы закололо от непреодолимого желания узнать, о чем говорят эти двое.

Я тихо выскользнула из библиотеки, стараясь не привлекать внимания слуг, и спустилась в кухню, где находился черный вход. Не хотелось выходить через парадное крыльцо, где все было залито бледным светом газовых рожков.

В кухне еще крутилась Бретта, пришлось переждать, спрятавшись в темной нише с спдовым инвентарем. Меня словно вела неведомая сила, и на миг не давая задуматься о том, что я делаю.

Ночная прохлада заставила зябко поежиться. Я уже вполне оправилась после инициации, но

до сих пор через чур болезненно реагировала на смену температур. В голове мелькнуло сожаление: надо было взять шаль. Откинула запоздалую мысль и зашагала к фонтану, выбирая неосвещенные участки, прячась в тени деревьев и ориентируясь по журчанию воды.

Плохо было то, что беседка стояла на открытой площадке. Я не могла незаметно подобраться к ней ни сбоку, ни спереди, разве что сзади. Пришлось делать большой круг и продирааться через густо посаженные розовые кусты. Шипя и поминая Дзуликого, вся исцарапанная, в испорченном платье, я наконец-то достигла небольшого пятачка перед задней стеной беседки. А здесь предстояло стать неведимкой, ведь мужчины могли очень легко заметить меня через большие открытые окна. Пришлось практически ползти, пригибаясь к земле.

Сама не пойму, что на меня нашло, но остановиться уже не могла, будто моим телом управляла не я, а какая-то неведомая сила.

Достигнув цели, я прильнула к деревянной стене, прямо под освещенным окном, и выдохнула с облегчением. Глубокие царапины от розовых шипов неприятно саднили, некоторые кровоточили, но это было где-то на заднем плане. Сейчас я вся обратилась в слух, и наградой мне стали глухие голоса, раздававшиеся из окна.

— Нет, Келл, я не такой ублюдок, как ты думаешь, — как-то через чур мрачно говорил Эйден.
— Налей еще.

— Ты все усложняешь, — а это ленивый и немного вальяжный голос Келлана, — хочешь эту девочку, так бери, никто и слова не скажет. Ширам лучший повод для вашей связи. Тем более все знают, что это за проклятье. Ты уже испытал на себе его действие, а, брат? — мужчина явно веселился. — Видел я тут Эстель. Малышка рвет и мечет. Пришлось объяснять вздорной бабе, что тебе теперь ее услуги ни к чему. Не поверила.

— Я так не могу. Каждый раз, когда смотрю на Виель, думаю о том, что случилось. Не знаю, сколько еще смогу молчать.

— Сможешь, если не хочешь ее потерять. Думаешь, она останется с тобой, если узнает? Если так, то ты наивный дурак. А останешься без нее... шросс! Братишка, я бы на твоём месте хорошо подумал! Ты ж теперь как муха в паутине, бейся не бейся, а выхода нет. Попался!

— Я не хочу начинать наши отношения со лжи.

— Так это не ложь, всего лишь мелкая недосказанность. И зря ты тянешь, предъяви на нее права. Девочка прошла инициацию. Магия предков бурлит в ней и требует выхода. Если ты этого не сделаешь, знаешь какие эманации пойдут от нее по ближайшим островам? Все даханны сбегутся. Будут остров штурмом брать, — Келлан хрипло рассмеялся.

— Я иногда думаю, что мои нидангские корни только мешают, — пробурчал Эйден, — был бы я чистокровным даханном, давно бы уже поддался Зову и совесть бы не мучала. Но что есть, то есть...

Келлан неожиданно прекратил смеяться и серьезно спросил:

— Так скажешь ей?

— Не сейчас... дай еще немного пожить в сладком неведении.

— Да ты боишься, брат! — в голосе Келлана послышалось изумление.

Я услышала шаги, а потом в окне появились два мужских силуэта. Один из них оперся руками на подоконник, второй похлопал первого по спине.

— Боюсь, — сокрушенно вздохнул Эйден. — Вот веришь, в одиночку на военный фрегат — не боюсь, контрабандой порох перевозить — тоже не брюсь. Я ведь сколько раз был в полушаге от смерти — и не боялся, а тут... шросс! Не могу я в глаза ей смотреть и делать вид, что ничего не случилось! Тошно мне, понимаешь?

— Так для нее ничего и не случилось, — лаконично ответил Келлан, — а ты просто забудь. Считай, что ничего не было и ты ничего не знаешь. Так будет лучше для всех.

Они не на долго замолчали, вслушиваясь в журчание фонтана и стекот цикад. Я замерла, практически не дыша.

Первым отмер Келлан.

— Еще по одной? А то мне еще назад добираться.

— Ты, всё-таки, решил ехать?

— Да, товар нужно доставить в срок.

— Ну, давай, брат, за удачу.

— За удачу!

Я услышала звон бокалов. Затем из беседки кто-то вышел, это был только один человек. Второй остался внутри и я догадывалась, что это Эйден.

Беззвучно вздохнув, я прислонилась спиной к стене и обессиленно сползла по ней прямо на землю. Станный разговор не давал мне покоя. Ясное дело, что речь шла обо мне, но вот общий смысл ускользал.

Эйден боится? Чего? Он знает что-то такое, что может меня отвратить от него? Но что это может быть?

Я перебрала в памяти все события, с момента нашей встречи, но не смогла вспомнить ничего особенного, кроме того случая, когда он отсутствовал один день, а я думала, что он у Эстель. Но вряд ли это было столь важно.

Нужно было как-то отползть обратно, но я не знала как. Пока я стояла под стеной, меня скрывал широкий подоконник, выступавший наружу, будто козырек. Но стоит мне отойти — и Эйден непременно увидит меня. Мое сияние пульсировало, то ярко вспыхивая, то практически полностью исчезая, следуя в такт моему сбивчивому дыханию. Я уже знала из книг, что шайены и даханны умеют управлять этой своей особенностью, как любой человек может управлять дыханием: сделать его глубоким, поверхностным, частым или размеренным, вот только полностью отключить нельзя. Сияние — это дыхание внутреннего духа. Оно прекращается только со смертью, когда дух покидает тело.

А если учесть, что у меня этих духов целых два, и свечусь я тоже в два раза ярче, то сам собой напрашивается вывод: попала!

Из беседки донеслась грубая ругань, удар, звон разбитого стекла. Эйден швырнул бокал об стену? Что его так разозлило?

Вот он высунулся наружу, тяжело и прерывисто дыша. Я задрала голову, пытаюсь рассмотреть, что с ним. Темный силуэт в ярком квадрате окна вдруг согнулся, застонав, запустил пальцы в волосы, будто хотел их вырвать, и я услышала свистящий шепот:

— В этом нет моей вины... в этом нет моей вины...

Надо срочно уходить! Эйден явно не в себе, да еще и пьян.

Я задом начала отползать вдоль стены. Доберусь до угла, там из окна не видно, а дальше как-нибудь сумею уйти через кусты. Первый раз, что ли...

Утром Эйдена в особняке уже не было. Бретта сказала, что он не ночевал и не сказал, куда направляется. Зато Режина едва не напевала от счастья. Пока одевала меня к завтраку, вновь завела разговор о “прежних временах”, когда хозяйкой в Монтеноре была Эстель. Знает же, что мне это неприятно — и все равно!

— Я так думаю, что он к ней отправился, — словно невзначай бросила горничная, укладывая мои кудри. — Такой мужчина как наш эйр не сможет долго без женщины.

У меня даже губы задрожали, но я усилием воли заставила себя смолчать.

— А ну брысь отсюда, бесстыжая! — рассердилась Бретта. — Чего гадости говоришь? Наш эйр теперь ширам, ему другие ни к чему. А ты со своей Эстелью две змеюки подколотные, все хвостами вертите! Вот скажу хозяину, пусть и тебя к ней отправит. Ума не приложу, почему ты все еще здесь!

Фыркнув, Режина с царственным видом удалилась. А у меня внутри все сжалось в комок.

— Бретта, — неуверенно начала я, — но ведь эйр и правда не ночевал дома...

— Ну и что? Он мог заночевать на “Тамрисе”. Раньше он часто так делал. А эту дуру не слушайте, она ничего не знает. Нет в ней Древней крови ни на йоту, как и в ее хозяйке. Ширам это такая сила, что ни другая женщина, ни другой мужчина разорвать не сможет. Поверьте, нашему эйру кроме вас никого не надо.

— Почему же он не предложит мне замуж? — чуть краснея спросила я.

— А вот этого уж не знаю, — женщина развела руками, — опять, наверное, шайенские штучки. У них ведь с этим строго. Если женщина отказала, мужчина не имеет права настаивать. Может и здесь он ждёт, чтобы вы первая намекнули.

— Ч-что? — я даже запнулась от нежданности. — Как первая? У нас это считается неприличным. Если девушка предлагает себя, ее никто уважать не будет и замуж не возьмет. Я не буду этого делать! В конце концов, кто из нас мужчина?!

— Так-то оно так, — вздохнула Бретта, — да только он-то об этом не знает. У вас свои правила, у них — свои. Поговорить вам надо по душам, а то так и будете ходить вокруг да около.

Эйден в тот день так и не появился.

Поужинав в гордом одиночестве, я отправилась в сад. Добрела до высокого каменного забора, которым был огорожен особняк, и замерла, в раздумьях. Где-то здесь была лестница, ведущая на верх, украшенный зубцами, как у старинных замках. Только здесь стена была настолько широкая, что на ней могли спокойно разъехаться две повозки, а зубцы делались полыми внутри, с бойницами по наружному краю. Мне нестерпимо захотелось забраться туда и посмотреть на берег, который я видела лишь из окна своей спальни.

— Эйрина, вам помочь? — прозвучал за спиной учтивый голос садовника.

Я послала ему открытую улыбку.

— Да, Рейне, мне бы хотелось забраться на стену. Хочу увидеть закат.

— Это очень легко, я как раз несу ужин караульным, — и он показал на корзинку в своих руках. — Идемте.

Мы прошли вдоль стены буквально пару десятков шагов, пока не достигли небольшой железной двери.

— Замки здесь не вешают, — пояснил садовник, открывая вход, — чтобы в случае нападения не тратить время на поиски ключей. Да и на стене всегда стоит караул.

Мы вошли в квадратное помещение, освещенное газовыми рожками. Впереди висела каменная лестница, уходящая куда-то вверх.

— Надо идти по лестнице, и попадете прямо на боевой ход. Там сегодня Лоулл и Найсел дежурят, им еще три часа до отбоя осталось, вот и хожу, подкармливаю их.

Вдоль лестницы висели масляные светильники, разгонявшие темноту. Наши тени плясали по стенам, будто в каком-то загадочном танце, а откуда-то сверху тянуло прохладной.

Несколько минут мы поднимались в полном молчании, пока, наконец, я не увидела приоткрытую дверь, в которую виднелся кусочек закатного неба и самая первая вечерняя звезда — Шиаруан.

Я перешагнула невысокий каменный порожек и оказалась внутри полого “зубца”. С наружной стороны в его стене были проделаны несколько узких бойниц, а вот по бокам находились сквозные проходы, позволяющие свободно перемещаться по стене и между “зубцами”. Здесь нас уже дожидались два ниданга средних лет, затянутые в кожаные доспехи с пластинами из туранской стали на спине и груди.

Я знала из книг, что такие доспехи использовались в стычках против Амидарейна. Они не защитят от пули, выпущенной в упор, или пушечного ядра, но вот от рубящего удара — вполне. Лезвие сабли просто соскользнет, не оставив царапины, если только клинок не выполнен из той же туранской стали. Что же до секрета изготовления, то он хранился в такой глубокой тайне, что я нигде не нашла ни единого намека на его существование.

— Эйрина, — стражники удивленно поклонились мне.

— Не обращайтесь на меня внимания, — с приветливой улыбкой, я махнула рукой, — просто решила немного полюбоваться на закат.

Мужчины расположились под бойницами, расстелив прямо на полу кусок холста. Из корзинки появились хлеб, вареные яйца, нарезанный ломтями мясной рулет, пара головок лука и фляга с водой. Я же вышла на боевой ход и наконец-то вдохнула полной грудью. Только сейчас я поняла, что все это время чувствовала себя сжатой с четырех сторон, точно в коробке с плотно пригнутой крышкой. Весь этот особняк, сад, беседка — все казалось одной большой клеткой, в которой пытались удержать меня, даже не спросив.

Впереди, по линии горизонта, разливался огненно-красный закат. Гигантский, пламенеющий шар заходящего солнца медленно опускался в иссиня-фиолетовые воды, оставляя кровавую дорожку. Темные облака, чуть расцвеченные алыми отблесками, собирались над морем, предвещая скорую грозу. С каждой минутой становилось все темнее, понемногу поднимался ветер...

Неожиданно, мой взгляд привлекли странные тени, мелькавшие на фоне заката. Будто огромные птичьи крылья носились над водой, мельтеша перед глазами. Я почувствовала легкое беспокойство.

— Найсел! — вспомнила я, как зовут одного из стражников. — Что это?

— Где? — молодой ниданг ловко вскочил на ноги, его напарник присоединился к нам.

— Вон там, правее... Видишь?

Обоих в руках появилось по подозрительной трубе. Несколько секунд стражники пристально вглядывались в даль, затем один из них яростно выругался и рванул куда-то вдоль стены. Второй щелчком сложил трубу и повернулся ко мне.

— Эйрина, — мрачно проговорил он, — вам надо срочно вернуться в дом.

— Что происходит? — я забеспокоилась, вглядываясь в темнеющий океан до рези в глазах. — Что это?

— Похоже, на нас напали.

— Что? — у меня перехватило дыхание. — Кто?

— Судя по парусам и оснастке, это даханны.

Потянуло дымом. Я оглянулась. Через два зубца от нас второй стражник запалил сигнальный костер.

— Что вы будете делать? — прошептала я, осипнув от волнения.

— Они заходят с нашей стороны, значит им нужен именно особняк. Иначе они завернули бы и обошли остров сбоку, где находится порт и город. Хозяин сейчас находится там, но и здесь достаточно людей. Не беспокойтесь. Вернитесь в дом и прикажите всем женщинам укрыться в подвале.

Коротко кивнув, я рванула вниз по лестнице. Где-то в ночи раздался тяжелый набатный бой, видимо, не только мы заметили чужие корабли.

Я еще не успела выбраться наружу, как прозвучали первые пушечные выстрелы, похожие на далекий гром. Неприятель находился слишком далеко, чтобы нанести урон крепостной стене,

но мне и этого было достаточно.

Тщательно захороненные воспоминания вспыхнули с новой силой. Я уже побывала один раз в центре боя, и повторения не хотелось!

Все окна в особняке были освещены, но их спешно закрывали толстыми деревянными щитами, в которых виднелись отверстия для стрельбы. Газовые фонари на улице сияли, внизу, у крыльца, собралась толпа слуг, которые в полголоса переговаривались между собой, беспокойно прислушиваясь к далекой канонаде. Мимо меня, по освещенным аллеям сада, двигались отряды нидангов в полном боевом облачении, бряцая оружием. Они направлялись к крепостной стене.

Добежав до крыльца, я оглянулась.

В “зубцах”, один за другим, зажигались огни. Со ступенек дома было хорошо видно, как забравшиеся на стену защитники срывают парусину с одиннадцатидюймовых пушек, установленных на бетонных лафетах. За одно мгновение Монтерон из пышного особняка превратился в настоящий форт, способный дать отпор неожиданным гостям.

— Эйрина! — мне в ноги бросилась домоправительница. — Хвала Анангу, вы живы!

— Бретта, — я вспомнила слова Найсела, — всем жителям надо укрыться в подвале особняка. У вас там есть схрон на случай нападения?

— Да, эйрина, хозяин давно приказал его устроить. Там даже есть тайный ход, но куда он ведет, никто из слуг не знает.

— Хозяин! — осенило меня. — Кто-нибудь послал за эйром? Он же ничего не знает!

— Это вряд ли, — вмешался дворецкий, приставив ладонь ребром ко лбу и разглядывая шевеление на стене, — наверняка наши гости зашли и с другой стороны. Слышите набат? По всей видимости, в порту тоже идет перестрелка.

Все дружно замолчали, до боли вслушиваясь в отдаленный грохот, похожий на уходящие раскаты грома.

— Все равно! — настойчиво повторила я. — Отправьте кого-нибудь в порт! Ты кто? — я схватила за рукав мальчишку лет шестнадцати в добротной парусиновой куртке.

— Элайя, к вашим услугам, эйрина, — отчеканил тот, тряхнув смоляными вихрами.

— Ты знаешь, где стоит “Тамрис”?

— Да, эйрина.

— Тогда бери из конюшни самую быструю лошадь и скачи во весь опор! Скажи своему эйру, что на его дом напали.

Парень быстро козырнул и буквально слетел с крыльца.

— Он возьмет Шторма! — застонала Бретта, заламывая руки. — Эйр нас убьет!

— Что ты несешь? — прошипела я.

Из-за угла дома показался мальчишка на великолепном гнедом жеребце. Это был любимый конь Эйдена. И самый быстрый. От призового производителя, купленный за бешеные деньги.

Надеюсь, Эйден меня поймет.

Слуги распахнули ворота в восточной стене, выпуская всадника, но тут же закрыли их за его спиной и заложили здоровым брусом, поднять который смогли лишь шестером.

Между тем, грохот корабельных пушек явно стал намного ближе!

— Пора спускаться, — пробормотала я и с удивлением увидела устремленные на меня взгляды, полные надежды.

Слуги смотрели на меня так, будто ждали руководства. Я неожиданно растерялась.

Десять женщин, пятеро пожилых мужчин и двое подростков лет тринадцати — и все они сиотрели на меня с таким видом, будто от моего решения зависела их дальнейшая жизнь. Гарнизон Монтерона давно был на крепостной стене и сейчас его пушки обстреливали неприятеля, практически не смолкая.

Кое-что неприятно кольнуло.

— А где Режина? — спросила я, не увидев в толпе эту вредную женщину.

— Так она еще утром отпросилась в город, — пожала плечами домоправительница. — У нее же до завтра выходной. Может, в гостинице заночевала...

Я оборвала ее резким жестом и решительно распахнула двери:

— Давай, Бретта, веди нас. Где там ваш схрон?

В подвал мы спускались по узкой винтовой лестнице, практически гуськом, освещая путь масляными фонарями. Но перед этим, в каминном зале, я решительно сорвала со стены коллекционные ружья Эйдена и вручила их мужчинам. Патроны и порох лежали в ящике стола. Эйр капитан не один раз при мне чистил оружие, заряжал и стрелял по развешанным в саду мишеням, тренируя руку и глазомер. Стрельба и скачки были любимым развлечением в его холостяцкой жизни. Не считая пиратства.

Теперь дворецкий и садовник тянули старые карабины, печник прихватил с собой шопмольное ружье столетней давности, а оба конюха несли по палашу. И было такое подозрение, что они боятся гнева своего эйра гораздо больше, чем неизвестного противника, осадившего остров.

Гремя связкой ключей, Бретта отперла тяжелый амбарный замок, и двое мужчин с трудом отодвинули железный засов. Оббитая стальными листами дверь медленно распахнулась. Из темноты пахло сыростью и прохладой.

— Подождите, — остановил нас дворецкий, — здесь были фонари.

Через пару минут помещение осветилось неровным пламенем “летучих мышей”, висевших возле входа. Спустившиеся с нами мальчишки тут же ухватили по фонарю и вызвались идти первыми. Предстояло осмотреть это место и подготовиться к долгой осаде.

Схрон оказался достаточно вместительным помещением квадратной формы. Его стены были выложены тщательно пригнанными бетонными плитами, а в полу обнаружился железный люк, ведущий в неизвестность — пресловутый тайный ход.

Под стенами сиротливо теснились голые лавки. Пришлось отправить самых молодых и быстрых служанок наверх, чтобы те захватили одеяла и какой-нибудь еды. Никто не знал, сколько времени нам придется провести в подвале, так что лучше все предусмотреть.

Даже не знаю, удалось бы мне сплотить и организовать этих людей, если бы они сами этого не хотели. Слуги с легкостью подчинились мне, будто я и в самом деле была их хозяйкой. Но я-то знала, что надолго моего энтузиазма не хватит. Да, я всегда выбирала среди подруг лидирующую роль: что во дворе, что в школе, но ведь это были детские забавы! А здесь — здесь все гораздо серьезнее. Эти люди доверили мне свои жизни, я не могла их разочаровать, но, от упавшей на мои плечи ответственности, захотелось согнуться вдвое.

Я даже не могла показать свой страх, от которого все внутри обмирало. Я чувствовала, что если сделаю это, перепуганные женщины точно запаникуют, и тогда я с ними точно не справлюсь.

Нам понадобилось всего несколько минут, чтобы каждый получил по одеялу. Садовник с печником тщательно заперли двери, вставив в железные скобы тяжелые металлические засовы. Мы расставили лавки вокруг люка в центре пола, притушили фонари, экономя масло, и молча замерли на своих насестах. Три корзины с хлебом и водой стояли рядом — это было все, что служанки успели схватить в кухне.

Едва мы закрылись, как по полу и стенам будто пробежала едва заметная дрожь, отдаваясь тяжелым гулом.

— В стену, кажись, попали, — шепотом сообщил конюх, не отрывая взгляд от двери.

Все остальные, точно так же напряженно, гипнотизировали двери, будто ждали, что вот-вот сюда ворвутся враги.

— Почему даханны напали на нас? — пробормотала я. — Если им нужен эйр, то почему они не пытаются захватить “Тамрис”, а обстреливают особняк?

Они недоуменно переглянулись.

— Никто не знал, что эйр в Монтероне, — уверенно заявила Бретта, — только его люди. Но в нас можете быть уверены, мы лучше умрем, чем выдадим хозяина этим шаеалам!

— Тогда что им нужно? Неужели, проходили мимо решили пострелять для остратки?

Меня прерват тихий всхлип. Я подняла фонарь повыше, разгоняя полумрак.

— Вилма? — я узнала молоденькую служанку, помогавшую на кухне. — Ты плачешь?

Девушка подняла мокрое от слез лицо и вдруг кинулась мне в ноги. Я даже опешила, когда она схватила меня за подол, заставляя нагнуться к ней, и едва не выпустила фонарь.

— Простите, эйрина, меня, простите, — услышала я ее сбивчивый шепот, — я знаю, что должна была сразу рассказать, но клянусь! Я ни о чем таком не думала!

Я поставила фонарь на землю и хорошенько встряхнула девчонку за плечи.

— Прекрати истерить! Быстро говори, в чем дело?

— Р-режина, — всхлип, — она х-хвасталась... хвасталась... что скоро уедет... что ее х-хозяйка заберет в Теннар-гион.

— Куда? — не поняла я.

— В столицу Амидарейна, — сухо бросил дворецкий и буквально пригвоздил Вилму к месту суровым взглядом.

— А хозяйка это... — медленно проговорила я, все еще не веря.

— ... Эстель! — закончила за меня Бретта, выплюнув это имя с нескрываемым отвращением. — Вот дрянь!

— Не может быть! — я в растерянности потеряла холодные руки и огляделась.

В подвале было довольно прохладно, по бетонному полу стелился сквозняк, от которого в тонких туфлях сводило пальцы. Люди вокруг меня кутались в шерстяные одеяла и мрачно переглядывались.

— Значит, эйрина Эстель каким-то образом связалась с имперцами и сдала нашего эйра с потрохами, — глубокомысленно изрек садовник.

— Да какая она эйрина?! — возмутилась домоправительница. — Дрянь она белобрысая! Вот чуяло мое сердце, что так и будет! Сколько раз предупреждала эйра, да разве ж он меня будет слушать?

И она запричитала, заламывая руки, поминая неизвестных мне богов и перемежая жалобы с проклятиями.

Вилма все еще продолжала рыдать мне в подол. Это начинало раздражать.

Я решительно встала и заставила подняться девушку, грубо сунула ей в руки носовой платок:

— Вытри сопли и успокойся.

Кажется, мое прежнее хладнокровие вернулось ко мне.

Я обвела всех собравшихся бесстрастным взглядом.

— Если имперцы ищут эйра, то уйдут сразу, как только поймут, что его здесь нет, — заявила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул, — нам нужно только переждать.

— Не все так просто, — покачал головой печник, — даханны не уйдут, пока не разрушат Монтерон до основания. Это их особая манера.

— Тогда будем молиться, чтоб пришла подмога, — прошептала я помертвевшими губами и плотнее запахнула на груди одеяло. Ледяной холод сжал мое сердце.

Мы находились так глубоко под землей, что звуки боя до нас почти не долетали. Разве что иногда гудело над головой, да сыпалась пыль из щелей. Но все равно, мы каждый раз

втягивали голову в плечи, а губы сами собой начинали шептать молитвы.

Но хуже всего была неизвестность. Смог ли Элайя успеть прорваться к городу? Или мальчишку сняло шальным снарядом? Разрушена ли стена? Или защитники продолжают обороняться? А корабли? Они по прежнему дрейфуют в прибрежных водах или уже пришвартовались и высадили пехоту? Сейчас я жалела, что не смогла рассмотреть суда противника: если это линкоры, то на каждом из них не меньше роты морских пехотинцев! Они просто сомнут защитников крепости, задавят их числом!

Внезапно, раздался грохот прямо над нашей головой. Помещение содрогнулось до самого основания, с потолка полетели куски штукатурки. Мы поспешно прикрывали головы.

— Прямое попадание! — выкрикнул один из конюхов, падая на пол.

Второй удар заставил нас повалиться, как сметенные с шахматной доски фигуры. Кто-то зашипел от боли, кто-то закричал. Несколько фонарей разбились, горящее масло растеклось, но быстро потухло: гореть было не чему, везде один бетон. Зато теперь мы оказались в полумраке, да еще в воздухе стояла известковая пыль от упавшей штукатурки.

Кто-то сжал мою руку холодными пальцами. Я с трудом заставила себя привстать на колени и оглянулась. За меня цеплялась одна из молоденьких служанок. Ее лицо казалось бескровным, в расширенных зрачках застыл ужас.

— Мне страшно! — выдохнула она, глядя невидящим взглядом сквозь меня. — Я не хочу быть похороненной заживо.

— О чем она? — я растерянно посмотрела на остальных.

— Если даханны начнут прицельно бомбить дом, то нас завалит в этом подвале. Мы не сможем выбраться, — мрачно процедил печник, отряхиваясь от пыли.

— Это правда, — добавил садовник, — надо уходить через подземный ход.

Все дружно посмотрели на литой люк в полу.

— Попробуйте его открыть, — сдаваясь, пробормотала я, — пока у нас есть свет.

Один из конюхов, тот что помоложе, рослый мускулистый ниданг, на коленях подполз к люку, ухватился за скобу, прикрученную толстыми, заржавевшими болтами, поднялся на ноги и резко дернул. Крышка не сдвинулась ни на дюйм.

— Вдвоем надо, — прохрипел он, — и посветите кто-нибудь, ни шеала не видно!

Пожилой садовник схватил последний фонарь, поднимая его повыше, печник вызвался помочь с люком. Вдвоем, ухватившись руками за железную скобу и упершись ногами в землю, мужчины с надрывным стоном потянули на себя тяжелую крышку подземного хода.

Мы все замерли, молясь за успех, мне даже на миг показалось, что крышка поддалась!

— Пошшла! — выдавил из себя печник, но тут очередной удар заставил стены вздрогнуть и пойти ходуном.

Вот это действительно было прямое попадание! Причем не одно, а целая серия залпов,

наверняка, превратившая особняк в грудю обломков.

Мы словно оказались в эпицентре землетрясения. От удара треснул потолок, огромная бетонная плита сдвинулась со своего места, прямо на наших глазах заваливаясь вниз.

Все случилось за пару мгновений, но мне показалось, что время застыло: вот потолок раскалывается на части, нас бомбардируют осколки, нанося болезненные удары; вот тяжелый кусок бетона стремительно срывается вниз, прямо на люк! Гаснет свет, в темноте раздается глухой удар и дикий, истеричный визг. Я чувствую на своем лице что-то теплое и мокрое. Мне не нужно видеть что это, чтобы понять: мужчин накрыло плитой, у меня на лице чья-то кровь.

Мы оказались в ловушке! Призрачный шанс на спасение исчез, лопнул, как мыльный пузырь.

В темноте слышались стоны и рыдания. Я на четвереньках поползла вперед, пока не уперлась руками в рухнувшую плиту. Начала ощупывать, надеясь, что кто-то остался жив. Даже не обратила внимания на то, что канонада больше не слышна.

Руки нащупали чьи-то ноги в грубых парусиновых штанах. Садовник. Я отпрянула, болезненно ободрав ладони о шершавый пол. Из-под упавшей плиты не доносилось ни звука. Выживших нет.

— Вы слышите? — произнес кто-то из женщин. — Почему больше не стреляют?

Я еле расслышала, что она говорит, так громко звучали причитания остальных служанок.

— А ну цыть, куры! Заткнулись все! — раздался разъяренный голос дворецкого.

Все послушно замолчали. Во внезапной тишине мы отчетливо поняли, что дом больше не обстреливают.

— Их заставили уйти, — прошептал рядом со мной бесплотный голос, повторяя мои мысли, — или Монтерона больше нет...

Снова раздался плачь.

Я не знаю, сколько мы так сидели, может часы, а может — минуты: в абсолютной темноте и неизвестности, рядом с трупами, избитые и поцарапанные упавшими кусками бетона. Я слышала приглушенные стоны и плачь, и пыталась подбодрить перепуганных женщин, обещая, что все будет хорошо. Но сама в это ужн не верила.

Наконец, над нашими головами послышалось какое-то шевеление. Кто-то ходил в каминном зале, вернее в том, что от него осталось. И я боялась даже представить, кто это может быть.

В двери поскреблись, затем, в них ударило что-то тяжёлое, заставляя дрогнуть железные засовы. Один удар, второй, третий... Опять тишина.

— Мы знаем, что вы там. Открывайте! — раздался приглушенный преградой мужской голос.

Мы дружно притихли, раздавалось лишь тяжелое, прерывистое дыхание. Кто-то отыскал меня в темноте, прижался всем телом, полузадушенно всхлипывая. Кажется, это была Вилма. Я машинально погладила ее по плечу, промахнувшись мимо головы.

В дверь снова начали ломиться. До нас доносилась грубая ругань, лязг железа, топот

нескольких десятков ног.

Вилма начала молиться, причем с таким неистовством, что ее молитву подхватили и остальные. А я молчала. Моим богом с самого детства был имперский Двуликий, именно ему меня посвятили приемные родители. Но теперь я ему не верила, а других богов не знала, вот и молчала, кусая губы, мечтая, чтобы весь этот кошмар поскорее кончился.

— Мы заложим динамит, — раздалось с той стороны, — отойдите от дверей, если не хотите пострадать.

В темноте слышались испуганные женские возгласы и шорох. Все старались отползти к противоположной стене, в темноте натываясь на скамейки и острые обломки бетона.

На мгновение установилась тишина, а затем раздался взрыв такой силы, что у меня заложило уши.

Дверь не выдержала. Ее вынесло вместе с коробкой, вырвав с “мясом”. Она рухнула, подняв клубы пыли, а в светлом проеме появились темные силуэты.

— Выходите, кто здесь! — гаркнул в темноту подвала незнакомый низкий голос.

Подслеповато щурясь от яркого света, мы по одному потянулись к дверям. На пороге стоял даханн в форме хуррана, с нашивкой имперского флота на предплечье, и внимательно осматривал каждого, кто выходил. Когда его взгляд остановился на мне, он вздрогнул и потянул носом, потом резко переменялся в лице, а его сияние, прежде едва заметное, вспыхнуло с необычайной силой.

— Эйрина, — хрипло вымолвил он, подавая мне руку, — что делает юная даханни в этом разбойном вертепе?

— Я здесь живу, — хмуро выдала я, — а кто вы такой и на каком основании напали?

Он увлек меня в сторону, освобождая проход, за которым следили его люди, тоже даханны. Они с нескрываемым любопытством косились в нашу сторону, и почти у всех серебристое сияние полыхало ярким огнем.

— Меня зовут Арейн Энненхард и я старший хурран морской пехоты его императорского величества. Наш осведомитель сообщил, что разбойник и контрабандист Даннахан сегодня будет здесь. У нас приказ: сравнять Монтерон с землей и привезти в столицу голову преступника.

Я криво ухмыльнулась.

— Вас ввели в заблуждение. Эйден отсутствует уже второй день. Зато есть я... Скажите, ваш осведомитель женщина? Эрранийка? Бывшая любовница Даннахана — имперская шпионка?

Я внезапно рассмеялась хриплым надсадным смехом, обдирающим горло. Уткнулась лицом в ладони и привалилась к стене. Хотелось кричать от злости.

Эстель как-то связалась с имперским флотом и натравила даханнов на Монтерон! Эйден по какой-то причине уехал, возможно, это она его выманила, чтобы уберечь, как и свою соучастницу. А нас всех отдала в расход... Даже подумать страшно, что осталось от особняка. Нам всем несказанно повезло, что мы все еще живы.

— Ну почему же бывшая? — раздался сзади знакомый голос, лениво растягивающий гласные.
— Она и сейчас с ним. Мчаться на “Тамрисе” на встречу своей мечте.

Во мне все словно застыло. Медленно, как механическая игрушка, я развернулась в сторону говорившего. Дыхание перехватило, грудь сдавило так, что стало больно. Сквозь туман в глазах я увидела бледное лицо Рейхо Кархадана.

Он стоял в нескольких шагах от нас, небрежно привалившись плечом к стене, как всегда, безупречный в своей дазганской форме.

— Мой дазган, — Энненхард быстро отсалютовал.

— Хурран, вы свободны. Этой эйриной я займусь сам. Проследите, чтобы здесь все было закончено как можно скорее.

Энненхард отвесил мне учтивый поклон и тут же смешался со своими солдатами, продолжая руководить выводом слуг из подвала. Я же впилась глазами в звездные омуты Рейхо. В голове стучала только одна мысль: “Она и сейчас с ним!”

— Доброй ночи, эйрина, — он слегка кивнул, приветствуя меня, — не ожидал, что встречу вас здесь. Хотя, весьма рад этому.

— Ну да, — фыркнула я, пытаясь за показной бравадой спрятать душившие меня чувства, — ваш осведомитель сообщил, что здесь будет Эйден.

Изящная бровь даханна саркастично приподнялась.

— Вы уже перешли с ним на “ты”? Не слишком ли быстро. Вижу, инициация прошла успешно. А как насчет адаптации?

Он вдруг стремительно шагнул в мою сторону, и в одно мгновение я оказалась прижата к стене его тяжелым телом. Одна рука дазгана уперлась в стену рядом с моей головой, другой он схватил меня за подбородок, не давая увернуться. Я оказалась в ловушке, пристальный взгляд буквально пригвоздил меня к месту.

— Отвечайте! — процедил он сквозь зубы. — Вы были с ним?

Я вспыхнула от унижения. Мое сияние пробежало по оголенной коже серебристыми всполохами, показывая, что сейчас я больше даханни, чем шайен. Какое он имеет право задавать такие вопросы?!

— Я не желаю отвечать на такие вопросы, — прохрипела я, пытаясь вывернуться, но Кархадан держал очень крепко.

Он притиснул меня к стене, наваливаясь всем телом, тонкие ноздри его изящного носа затрепетали, будто принюхиваясь. Дазган вдруг уткнулся лицом мне в шею, полной грудью вдохнул исходящий от меня запах, и я почувствовала его горячие губы прямо там, где бешено билась под кожей тонкая венка, отсчитывая лихорадочные удары моего сердца.

— Я слышу Зов, — пробормотал мужчина мне в шею, — он вас не тронул.

“Он” — это Эйден? Нет, не тронул. Дальше поцелуев мы так и не зашли, что-то останавливало каждый раз. Но откуда это знать Кархадану? Неужели по запаху определил?

Я была пришпилена к стене, точно бабочка в коллекции безумного энтомолога. Мужчина тяжело и прерывисто дышал мне в шею, удерживая меня так, что я не могла шевельнуться. Нужно было оттолкнуть его, может даже ударить, но меня словно парализовало. Я застыла каменной статуей, не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой, лишь в груди неистово грохотало сердце, словно хотело вырваться наружу.

— Гхм... ххрм... мой дазган...

Кархадан резко оторвался от меня, разворачиваясь к незванному гостю. Я тут же сползла по стене, чувствуя, что вот-вот потеряю сознание.

— Что?! — буквально прорычал дазган.

— Мы закончили. С флагмана поступил приказ отходить.

Рейхо нагнулся надо мной, разглядывая так, будто видел впервые. Затем, его губы раздвинула медленная усмешка:

— Я же обещал, что доставлю вас в Ризенпорт, эйрина. Пришло время выполнить свое обещание.

Словно пушинку он вздернул меня на ноги и в следующее мгновение взвалил мое безвольное тело себе на плечо.

И тут я поняла, что меня опять похищают! Эта мысль окатила меня, точно ведро ледяной воды. Взвизгнув, я заколотила кулачками по спине Кархадана, задрогала ногами, не думая о том, что могу вывернуться и упасть на пол с высоты почти семи футов. В ответ мне раздался хриплый смех и большая мужская ладонь болезненно приложила меня по мягкому месту.

— Не дергайтесь, дорогая, — предупредил дазган, сильнее сжимая мои ноги под коленями, — я же не железный. Вы же не хотите, чтобы я взял вас прямо здесь?

От такой перспективы у меня волосы дыбом встали. Я вдруг поняла, что он не шутит. Даханны помешаны на своих женщинах, а я здесь одна на несколько десятков сумасшедших, и между мной и ими стоит один невменяемый дазган! И нет абсолютно никакой надежды на спасение.

Закусив губу, я перестала вырываться, позволяя мужчине вынести меня из разрушенного помещения, которое еще недавно было каминным залом. Везде валялись обломки мебели, куски штукатурки, битый кирпич и сорванные гардины. Все окна были выбиты, светильники разбиты, но даханны зажгли факелы, и в красноватом свете живого огня я увидела, во что превратился Монтерон. Одна стена рухнула почти полностью, верхний этаж был снесен прямым попаданием, во дворе образовалось несколько глубоких воронок от взорвавшихся ядер. Сад оказался полностью уничтоженным, как и западная стена.

Даханны сосредоточенно поливали фундамент дома какой-то жидкостью с резким запахом. Затем один из них поднес факел — и эта жидкость вспыхнула ослепительным пламенем, в одно мгновение распространившись по периметру дома. Гудя и потрескивая, огонь взметнулся вверх, пожирая все, что попадалось у него на пути.

Я безвольно обвисла на твердом плече, понимая, что это конец. Монтерон больше не существует.

В нескольких шагах от пожарища я увидела толпу слуг. Вместе с ними стояло и несколько

оставшихся в живых солдат гарнизона. Безоружные, на коленях, со связанными за спиной руками.

— Этих заковать и в трюм, — равнодушно бросил Кархадан, — женщин молодых взять с собой, старух оставить.

Меня всю передернуло от его ледяного тона.

— Рейхо, — тоненько попросила я, отчаянно пытаюсь сдержать слезы, — пожалуйста, не трогай их...

Он медленно оглянулся через плечо, ловя мой взгляд. На ангельском лице не дрогнул ни один мускул.

— Ты так не беспокоилась о своей подруге, когда она тонула вместе с подбитым кораблем, — процедил он сквозь зубы, — и о тех девушках, что сгорели живьем с тремя галеонами, — затем вскинул голову и отчеканил: - Выполнять!

На берегу уже ждали лодки, готовые перевезти даханнов на линкоры. Я насчитала штук шесть мощных судов, светящихся в темноте золотыми огоньками. С северной стороны, огибая остров, на всех парусах следовало еще несколько, желая поскорее соединиться с эскадрой.

Девушек, среди которых была и Вилма, распределили по лодкам. Меня же Кархадан внес собственноручно. Усадил рядом с кормой и с угрозой в голосе предупредил:

— Не вздумайте сделать глупость.

Я пожала плечами, не сводя взгляд с пожарища, которое было хорошо видно отсюда. Глупость — это попытка кинуться в море и вплавь добраться до берега? Ну я же не совсем из ума выжила. Инстинкт самосохранения еще никто не отменял.

Лодки, одна за другой, отчалили. Молчаливые гребцы дружно взмахнули веслами, отрезая обратный путь. Я с тоской смотрела на уменьшающийся берег.

Внезапно, какая-то неведомая сила заставила меня податься вперед.

Взметая тучи брызг, одинокий всадник, во весь опор, мчался вдоль берега, который быстро удалялся от нас. Узнавание кольнуло меня в самое сердце, будто до бела раскаленный клинок. Я узнала этот темный силуэт, четко выделявшийся на фоне яростно ревущего пламени. Вот он осадил своего коня, заставляя благородное животное встать на дыбы. Ветер донес до меня дикое ржание, приглушенное расстоянием.

— Эйден!!! — закричала я, вскакивая на ноги. — Я здесь!

Что я хотела? Прыгнуть в море? Чего ожидала? Что это сделает он?

— Дура! Сядь спокойно! — грубый окрик раздался над головой и чья-то рука жестко швырнула меня на дно лодки. Надо мной нависло перекошенное яростью лицо дазгана. — Лодку перевернуть хочешь?

Я молча ударила его по щеке. Он отпрянул. На белоснежной коже вспыхнул багровый след от моей ладони, лицо Кархадана мгновенно потемнело, превращаясь в кошмарную маску драха.

— Виель... Виель... — прозвучало так тихо, что я едва уловила.

Губы дазгана не двигались. Я так и не поняла, то ли это меня звал Эйден, то ли шептал прибой...

mir-knigi.org